

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2025 '4

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2025

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022)*

Редакционный совет:

О. А. Хасбулатова (главный редактор, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

Н. Л. Пушкарёва (заместитель главного редактора, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

М. В. Певная (Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; доктор социологических наук, доцент),

Т. К. Ростовская (Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва;
доктор социологических наук, профессор),

О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х.-М. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент),

Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

А. В. Белова (Тверской государственный университет, г. Тверь;
доктор исторических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

И. С. Клецина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

Н. С. Рычихина (ответственный секретарь, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2025
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2025

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 4 — 2025

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- Prof. **O. A. Khasbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology
and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Assoc. Prof. **M. V. Pevnaya**, Dr. Sc. Sociology (Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg),
Prof. **T. K. Rostovskaya**, Dr. Sc. Sociology (Institute for Demographic Research —
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **Z. M. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo),
R. N. Suleymanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2025
© Ivanovo State University, 2025

К ЧИТАТЕЛЯМ

ВСТУПАЯ В ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ... (К 30-летию выхода первого номера журнала «Женщина в российском обществе»)

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Женщина в российском обществе» приветствуют авторов и читателей в преддверии наступающей знаменательной даты — 30-летия издания. Журнал был создан учеными Ивановского государственного университета в 1996 году при поддержке Министерства общего и профессионального образования РФ. За этот период выпущено 315 номеров. Журнал объединил десятки ученых от Москвы, Иванова до Дальнего Востока. На его страницах публикуются научные статьи по направлениям «История», «Политология», «Социология».

С первых дней появления журнала его коллектив установил контакты с международными организациями, научными институтами и высшими учебными заведениями страны. В 1990-х — начале 2000-х годов издание журнала было проектом всероссийской научно-исследовательской программы «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-демографических условиях», руководство которой осуществлялось кафедрой социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета. Межвузовская программа «Женщины России» была в составе проектов ЮНЕСКО на 1996—1997 годы. С 2008 года журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых журналов и других изданий. С 2017 года журнал «Женщина

в российском обществе» входит в международные базы научного цитирования.

Оценивая пройденный путь, есть основания утверждать, что за 30 лет журнал стал узнаваемым и признаваемым в российской научной среде, в нем опубликовано более 3500 статей учеными ведущих вузов нашей страны. На его страницах публикуются труды известных ученых и перспективных молодых исследователей, обсуждаются актуальные проблемы повышения роли женщин в российском обществе. За три десятилетия журнал внес большой вклад в становление и развитие научных исследований о роли женщин и достижении равноправия полов в российском обществе.

От имени членов редакционного совета и редакционной коллегии поздравляю всех ученых, авторов и читателей с 30-летием журнала «Женщина в российском обществе»!

Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 5—22.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 5—22.

Научная статья

УДК 316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/wwjdcf>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.1

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ

**Ольга Викторовна Крыштановская,
Александра Константиновна Большунова**

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, olgakryshht@yandex.ru

Аннотация. Ситуация гендерной асимметрии продолжает сохраняться внутри российской политической системы, одновременно усиливается воздействие цифровой среды на политическую сферу. В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, как новые цифровые технологии влияют на успех женщин в обществе и в политической карьере, а также способствует ли онлайн-активность преодолению гендерных стереотипов. С помощью многоступенчатой стратифицированной выборки было отобрано 84 влиятельных политика (42 мужчины и 42 женщины), активно ведущих аккаунты в социальных сетях. Отобрано также более 4646 публикаций, разработан ряд количественных показателей, а затем проведен количественный анализ содержания постов и фрейм-анализ отклика аудитории с целью изучения сетевых практик женщин и мужчин, их активности в цифровом пространстве, специфики публикуемого контента, размера аудитории и ее лояльности. Установлено, что женщины уступают мужчинам в регулярности публикаций и размере аудитории, но их подписчики отличаются более активным интерактивным взаимодействием. Несмотря на схожесть поднимаемых тем, различия наблюдаются в стиле коммуникации, а также в сферах, которые освещают мужчины и женщины. У женщин особо выделяется гендерная проблематика, которую мужчины совершенно избегают. На основе приведенных данных исследования, можно сделать вывод о влиянии социальных сетей на преодоление ситуации гендерной асимметрии в целом, хотя в современных российских реалиях данная ситуация зависит не столько от технологий, сколько от социального контекста, в котором по-прежнему доминируют традиционные установки. Таким образом, несмотря на потенциал цифровых платформ, серьезные изменения возможны лишь при трансформации общественных настроений.

Ключевые слова: гендерная асимметрия, политики, женщины-политики, влиятельные персоны, цифровые технологии, Россия, социальные сети, коммуникативные практики, популярность, технофеминизм

Для цитирования: Крыштановская О. В., Большунова А. К. Новые технологии и гендерная асимметрия // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 5—22.

Original article

NEW TECHNOLOGIES AND GENDER ASYMMETRY

Olga V. Kryshтанovskaya, Alexandra K. Bolshunova

Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russian Federation, olgakryshht@yandex.ru

Abstract. Gender asymmetry persists within the Russian political system, while the influence of the digital environment on the political sphere continues to grow. This article seeks to examine the impact of new technologies — particularly social media — on women's success in society and political careers, as well as their role in overcoming stereotypes. A multi-stage stratified sample was used to select 84 influential politicians (42 men and 42 women) who actively maintain their accounts on social networks. A set of quantitative metrics was developed, content and frame analysis was conducted to compare the online practices of male and female politicians, their digital activity, content specifics, audience size, and engagement levels. It was found that women are inferior to men in the regularity of publications and the size of the audience, but their subscribers show more active interaction. While the topics discussed are often similar, differences lie in communication style and focus areas — female politicians are far more likely to address gender-related issues, a theme nearly absent in male politicians' discourse. Regarding social media's potential to mitigate gender asymmetry, the findings suggest that in current Russian realities the situation depends not so much on technology as on the social context, which is still dominated by traditional values. Thus, despite the potential of digital platforms, serious changes are possible only with the transformation of public sentiment.

Key words: gender asymmetry, politicians, female politicians, influential people, digital technologies, Russia, social networks, communication practices, popularity, technofeminism

For citation: Kryshтанovskaya, O. V., Bolshunova, A. K. (2025) Novye tekhnologii i gendernaia asimmetriia [New technologies and gender asymmetry], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 5—22.

Введение

В последние годы стала активно развиваться концепция технофеминизма, суть которой состоит в попытке найти связи между развитием цифровых технологий, трансформацией власти и изменениями в гендерных ролях. Бытовавший до этого термин «киберфеминизм» содержал ограничения, подразумевая, что технологии использовались мужчинами для создания барьеров на пути к развитию женщин [Puente, 2008]. Пришедший ему на смену концепт технофеминизма получил распространение благодаря Дж. Вайцман, которая опубликовала

в 2004 г. книгу с таким названием [Wajcman, 2004], оказавшую значительное влияние на научный дискурс. Сторонники технофеминизма говорили о том, что широкое распространение Интернета ознаменовало собой конец телесных оснований для различия по полу [Millar, 1998; Plant, 1998], так как новые медиа устранили границы между людьми и механизмами, позволяя произвольно выбирать свою идентичность. Цифровые технологии, базирующиеся не на физической силе, а на интеллекте и знаниях, изменили в целом отношение к иерархиям, что рядом исследователей трактовалось как наступление новой эры, которую Р. Инглхарт предложил именовать эрой феминизации человеческой цивилизации [Инглхарт, 2020].

Новым субъектом виртуального пространства стала «цифровая женщина», как ее назвала С. Планта [Plant, 1998], имея в виду принципиальное изменение роли женщин в интернет-пространстве, которое «отменяет» старые маски и роли и позволяет снять традиционные запреты и стереотипы. С этим тезисом соглашается О. В. Сергеева, вторя Дж. Вайцман, утверждающей, что женщина больше мужчины подходит для жизни в эпоху цифры [Wajcman, 2006; Сергеева, 2014].

В данной статье авторы попытаются посмотреть на проблему с другой стороны и ответить на вопрос: влияют ли новые технологии (в частности, коммуникации в социальных сетях) на шансы женщин добиться успеха в обществе, преодолеть стереотипы общественного сознания, доказать свою адаптивность к новым реалиям.

Исследование и гипотезы

Данный исследовательский подход основан на стремлении проверить гипотезу о том, что социальные сети предоставляют женщинам уникальную возможность войти в виртуальное пространство, не ограниченное никакими рамками традиционного мира, и попытаться построить свободную коммуникацию вне лимитирующих рамок. Для этого авторы изучили сетевые практики мужчин и женщин, подвергая анализу их активность в цифровом пространстве, специфику публикуемого контента, размер аудитории и степень ее лояльности. Более эффективной, на взгляд авторов, надо было признать деятельность такого рода, которая имела бы лучшее таргетирование и достигала бы своих целей — создавать не только большую, но и позитивно настроенную аудиторию. Эффективность для нас имела две составляющие — величину сетевой аудитории (количество фолловеров) и ее отношение к изучаемому актору.

Исследование проводилось в 2024—2025 гг. в рамках Центра цифровой социологии РГГУ. Единицами наблюдения были выбраны мужчины и женщины, которых авторы считали политически влиятельными. Влиятельность определялась как совокупный социальный капитал, показателями которого, по мнению авторов, являются занимаемая должность и совокупность связей в элитных кругах, выражающихся во вхождении в различные «клубы» — комитеты, комиссии, наблюдательные советы и советы директоров крупных российских компаний, в руководящие органы парламентских политических партий, в число доверенных лиц на выборах президента, в общественные палаты разного уровня и пр. Выбор именно такого рода персон в качестве единиц наблюдения был

обусловлен соображением, что для данной категории важно иметь большие группы поддержки, а популярность в социальных сетях может быть конвертирована в электоральный потенциал во время избирательных кампаний. Поэтому политически влиятельные мужчины и женщины весьма заинтересованы в том, чтобы их сетевая коммуникация была эффективной и давала устойчивую обратную связь.

В рамках исследования была сконструирована многоступенчатая стратифицированная выборка. На первом этапе отобраны наиболее влиятельные политические сообщества — 121 «клуб», включая 33 комиссии и совета при Президенте РФ, 74 комиссии и комитета при Правительстве РФ, а также кадровый резерв Президента, доверенные лица В. В. Путина за 2004, 2012, 2018, 2024 гг., высшие органы партии «Единая Россия», наблюдательный совет АНО «Россия — страна возможностей», научный совет при Совете безопасности РФ и пр. Имена всех членов данных «клубов» были занесены в специально созданную базу данных. Совокупная численность всех членов указанных сообществ превысила 7 тыс. персон.

На втором этапе исследования был создан индекс административного ресурса (ИАР), значение которого равнялось числу входов в отобранные «клубы». Для всех людей, вошедших в выборку на этом этапе, был составлен рейтинг по размеру ИАР, проведено ранжирование от наибольшего к наименьшему его значению. Всего в выборку второго этапа вошло 3562 человека, ИАР которых был выше единицы.

На третьем этапе из полученного рейтинга были отобраны мужчины и женщины, которые ведут аккаунты в социальных сетях, а затем из них — наиболее активные блогеры: 42 мужчины и 42 женщины. Они относились к числу чрезвычайно влиятельных людей (максимальные значения ИАР) и одновременно регулярно вели аккаунты в социальных сетях «ВКонтакте» или «Телеграм», которые были признаны доминантными для исследуемой группы. В итоге выборочная совокупность для дальнейшего контент-анализа публикаций составила 84 человека.

Исследование цифровых практик этих влиятельных персон проходило с 15 мая по 15 июня 2025 г. Авторы провели парсинг текстов их публикаций, а также комментариев к ним, которые затем были подвергнуты статистическому анализу с помощью сервиса Popsters (<https://popsters.ru/>). Всего скачано 4646 записей, которые затем были изучены с помощью количественных (построение индексов) и качественных (контент-анализ данных) методов.

Результаты

Проникновение цифровой среды в политическую сферу общества становится все более значительным. Социальные сети как вариант медиаресурсов для большого количества людей вошли в повседневную жизнь и могут считаться одним из основных каналов для получения информации, образования, развлечения, проведения свободного времени. Об этом свидетельствуют данные об аудитории, которая активно использует различные цифровые площадки.

Компания «Медиаскоп» пришла к выводу, что за апрель 2025 г. социальной сетью «ВКонтакте» воспользовались 93 816,5 тыс. человек, а «Телеграм» — 90 525,6 тыс.; это говорит о важности данных платформ для транслирования нарративов и реализации коммуникации с людьми*.

Специфика социальных сетей и большое количество равноправных акторов, создающих различного рода смыслы и в политической сфере, могут образовывать лакуны и «серые зоны», в том числе деструктивные, что делает изучение происходящих там процессов чрезвычайно важным не только для научного сообщества, но и для социума в целом.

Такой массовый охват населения вызывает необходимость изучения присутствия государства и VIP-персон в этой среде в целях формирования и распространения актуальной для страны повестки. Реализация цифровых стратегий в виртуальном пространстве данными персонами влияет не только на создание их личного образа как профессионалов, но также и на отношение граждан к государственной политике. Изучение особенностей этого рода взаимодействия поможет корректировать такую деятельность для получения оптимального отклика аудитории и преодоления тех ошибок, которые влиятельные персоны совершают сегодня, если рефлексия отсутствует. Данное исследование также позволило выявить гендерные особенности коммуникационных стратегий, взаимодействие гендерных групп и увидеть факторы, способствующие становлению привлекательного образа этих людей, а через них и всей политической системы, которую они репрезентируют в сети. Проникновение технологий в политическую сферу ставит вопросы специфики влияния такого рода активности на карьеру женщин, позволяет проследить динамику изменений гендерных стереотипов в общественном мнении. Исходя из трансформаций, происходящих в коллективном сознании россиян, можно увидеть, действительно ли технологии изменяют жизненные шансы гендерных групп, и в частности женщин, или гипотеза технофеминизма останется недоказанной. Особенно важно понимание связи между этими явлениями для публичных и влиятельных женщин в ситуации гендерной асимметрии, поэтому предстает актуальным сравнительный анализ виртуальных практик мужчин и женщин, которые они реализуют в цифровой среде.

Степень разработанности темы

Интеграция цифрового пространства и социальных сетей во все сферы общества вызывает большой интерес у исследователей как в России, так и за рубежом. К базовому пониманию изменения социального устройства под влиянием проникновения технологий и социальных медиа пришел М. Кастельс [Кастельс, 2017]. Развивая свою концепцию сетевого общества, он говорит об отходе от иерархического типа устройства, перераспределении информации и ресурсов между различного рода акторами.

Й. Бенклер отмечает, что интеграция цифровых медиа в политическую область способствует изменению коммуникации между политиками и обществом,

---

* Исследовательская компания Mediascope: сайт. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 20.06.2025).

а также воздействует на конструирование властных отношений в самом обществе [Benkler, 2006]. Российские авторы С. Ю. Белоконов и А. А. Хоконов исследуют вопрос о влиянии социальных сетей на политический процесс при возрастающем доверии к ним, особенно среди молодежи [Белоконов, Хоконов, 2021]. Т. А. Невская акцентирует внимание на влиянии сетей на избирательный процесс [Невская, 2018], а Ю. Д. Ахмедова — на изменении образа политиков в целом [Ахмедова, 2021]. Анализ деятельности политиков в онлайн-среде проводился социологом Н. А. Бальбот (Юшкина) [Юшкина, 2022], которая сосредоточивалась на специфике этого канала взаимодействия между политиками и электоратом, его эффективности и потенциале. Есть и другие работы, посвященные этой важной теме [Крыштановская, 2019], но авторы полагают, что имеется целый ряд проблем, которые пока не освещались научным сообществом. Эти лакуны авторы попытались закрыть, проведя свой анализ в данной статье.

Показатели

Прежде чем перейти к анализу данных исследования, кратко изложим свой подход к системе показателей, которые использовались для доказательства гипотез. Авторы применяли такие показатели, как сетевая активность, регулярность публикаций, размер аудитории, основные темы, которые освещали респонденты в своих аккаунтах.

Кроме этого, авторы прибегли к фрейм-анализу отклика аудитории, используя индикаторы интерактивности, интенсивности обратной связи, позитивной или негативной коннотации, которую вызывала конкретная публикация.

Эти две группы показателей дали возможность проанализировать как сам нарратив, транслируемый изучаемой группой аудитории в социальных сетях, так и фрейминг данного нарратива. Такое сочетание подходов позволило авторам сделать выводы об эффективности сетевой активности мужчин и женщин, о том, какая из этих двух гендерных групп ближе к достижению своих целей — иметь большие аудитории и находить в них поддержку.

Рассмотрим каждый из показателей более подробно (табл. 1).

Таблица 1

Гендерные особенности цифровых практик мужчин и женщин

Показатель сравнения	Женщины	Мужчины
Активность	1931 публикация за период	2715 публикаций за период
Регулярность	1,5 публикации в день	2 публикации в день
Средний размер аудитории	60 770 человек	353 059 человек
Основная тематика	Социальная политика, культура, образование	Государственное управление, региональная и местная политика, оборона и безопасность

Активность и регулярность. Показатель сетевой активности понимался авторами как частота опубликованных записей в определенный период времени. Так, за отобранный месяц вся совокупность акторов сделала 4646 постов, из них 2715 публикаций принадлежат авторству мужчин, а 1931 — авторству женщин. Разница в публикационной активности составляет 29 % в пользу мужчин. Различие в регулярности публикации постов между двумя гендерными группами также значительно: в среднем мужчины публикуют 2 поста в день, женщины — 1,5.

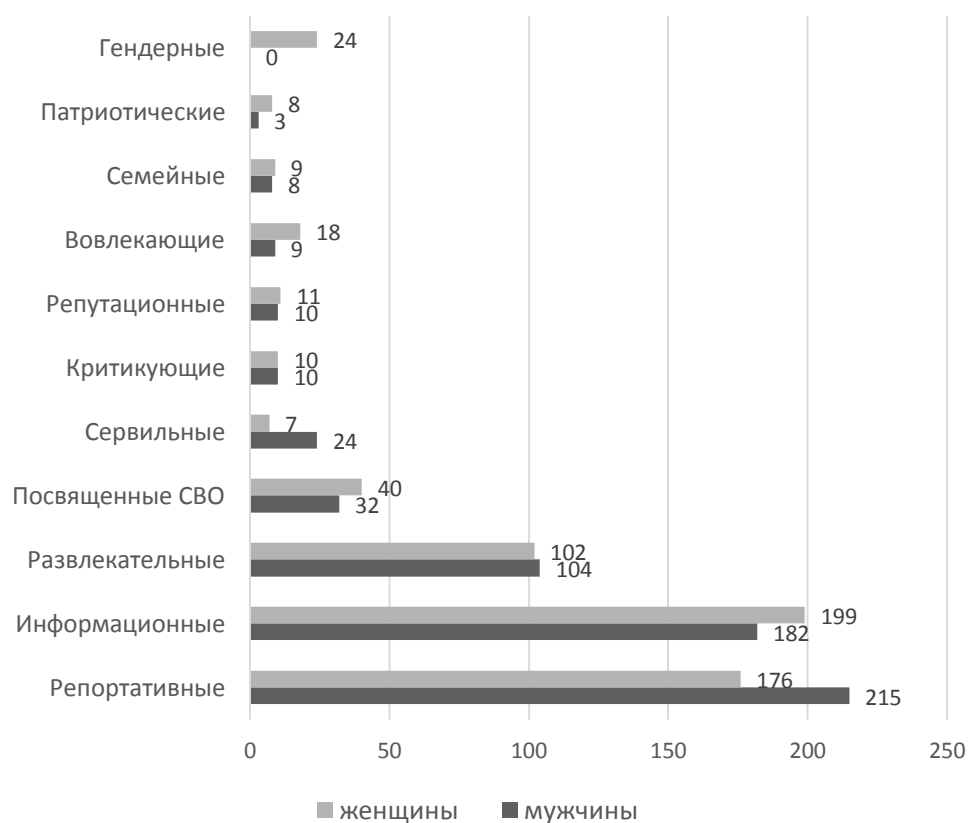
Размер аудитории. Значения данного показателя у женщин варьируются в диапазоне от 493 до 121 045 подписчиков, у мужчин — от 7278 до 698 840. Среднее количество подписчиков у женщин составило 60 770, у мужчин — 353 059. То есть количество фолловеров у женщин меньше, чем у мужчин, в 5,8 раза, что свидетельствует об их меньшей популярности у сетевого народа и потенциального электората. Если же говорить о медианных значениях данного индикатора, то отметим, что у женщин этот индекс имеет значение 8751, а у мужчин — 42 469. Вывод тут бесспорный: женщины отстают по показателям размера аудитории, активности и регулярности, что может влиять на их популярность, узнаваемость и электоральные возможности.

Тематика постов. Обратимся к темам, которые чаще всего поднимают акторы в своих публикациях. Наиболее характерными для мужчин являются вопросы государственного управления в целом, региональная и местная политика, а также проблемы, связанные с обороной страны и безопасностью. Женщинам более свойственно освещать социальную политику, культуру, образование, реже экологию.

Таким образом, анализ количественных метрик публикационной активности в социальных сетях позволяет говорить о том, что влиятельные женщины значительно уступают мужчинам по большинству параметров: они пишут реже и менее регулярно, имеют более скромные аудитории, их популярность в виртуальном пространстве меньше. Но почему так происходит? Может быть, контент-анализ содержания их публикаций позволит авторам дать ответ на этот вопрос?

Контент-анализ публикаций в социальных сетях

Для анализа специфики коммуникативных практик был разработан бланк контент-анализа, содержащий в себе 11 типов публикаций, которые авторы называли таким образом: репортативные (посты, содержащие отчеты о своей работе), репутационные, информационные, развлекательные, сервисные, вовлекающие, критикующие, патриотические (отдельно авторы выделили сообщения, посвященные специальной военной операции), семейные и затрагивающие гендерные вопросы (рис.).

Линейное распределение частот использования постов разных типов
мужчинами и женщинами

Рассмотрим каждый из типов постов более подробно.

Отчеты о работе. Наиболее популярными для всей совокупной группы являются репортативные публикации, в которых автор информирует аудиторию о своей профессиональной трудовой деятельности (отчеты). По публикационной активности у мужчин отчетные посты занимают первое место и встречаются в 52 % случаев; у женщин — второе место среди всех типов публикаций (47 %). Если рассматривать специфику отчета женщин, то здесь можно выделить демонстрацию принадлежности к некоей общности, взаимосвязи с коллегами или партией, коллективной работы. Характерным является более частое использование местоимения «мы», нежели «я», что прослеживается и в визуальном компоненте, который сопровождает текст: преобладают групповые фотографии из залов заседаний, с рабочих совещаний. Портретные фотографии практически отсутствуют. В одежде используются преимущественно серые и голубые тона,

простые формы (блузка, жакет), что, видимо, связано с желанием подчеркнуть деловитость образа и сделать акцент на своей персоне как на профессионале, а не как на представителе гендерной группы. Кроме того, можно отметить меньшую инициативность женщин по выдвижению проектов и созданию дискуссий. Публикации с коллегами артикулируют коллективистский тип ментальности, желание подчеркнуть свою принадлежность к сообществу, демонстрируют принятие им. Эта акцентированная корпоративность женского перформанса латентно свидетельствует о том, что подчеркивание индивидуальности опасно, несет в себе риски остракизма, в то время как коллективизм — это своего рода защита от нападков недоброжелателей.

Мужские репортативы отличаются большей формальностью. Мужчины, в отличие от женщин, могут выступать как отдельные персоны со своей точкой зрения и сильной позицией. Это означает, что мужчины-блогеры не ощущают на себе давления стереотипов и необходимости присоединяться к «более сильным» для придания веса своей позиции. Данные качества свойственны женщинам. Характерными глаголами для мужских блогов являются «планировать», «создавать», «решать», «участвовать», «делать» и т. п., причем они чаще всего употребляются в первом лице единственного числа. Вместо «мы» женщин, мужчины используют уверенное «я».

Информационные посты. На втором месте по популярности в рамках изучаемого периода стоят информационные публикации.

Они включают в себя сообщения о событиях, образовательных мероприятиях. Это могут быть анонсы того, что только намечается сделать, или отчеты об уже проведенных ивентах. У женщин именно этот тип стал самым популярным, он встречается в 56 % случаев от общего числа изученных публикаций. Больше половины постов женщин сводятся к какой-то информации населению, разъяснению принятых решений. К особенностям женских информационных сообщений можно отнести более мягкую риторику, дружелюбие, а также сглаживание острых углов и тем, достаточно простой язык донесения смыслов, апеллирование к авторитетам. Женщины чаще всего освещают события в области культуры, образования, социальной политики.

Для мужчин информационный тип постов стал вторым по популярности (44 %). Если говорить о особенностях этих постов мужчин, то следует отметить, что в них высказываются соображения с опорой на собственный опыт, личное мнение. Посты этого типа в большей степени формальные и объективно информирующие, нежели экспертные, стиль донесения скорее декларативный, сухой и дистанцированный от аудитории. Любимые темы у мужчин остаются теми же: государственное управление, законотворчество, решение местных проблем.

Развлекательный контент. Следующими по частоте публикации являются посты развлекательного типа, к которым авторы относили сообщения, включающие поздравления с праздниками или знаменательными датами, рассказывающие про свой отдых, хобби, содержащие личные фотографии, которые не связаны с профессиональной деятельностью, перепосты того, что автору аккаунта кажется забавным и веселым. Среди постов мужчин-политиков такой тип публикаций встречается в 25 % случаев, среди постов женщин —

в 29 %. В целом контент женских и мужских развлекательных постов весьма схож, однако мужчины больше склонны шутить, чего у женщин-блогеров почти не встретишь.

Эти три типа публикаций образуют своего рода вершину, превалируя в контенте аккаунтов как влиятельных мужчин, так и женщин, активных в социальных сетях.

Тема специальной военной операции. К типу публикаций, затрагивающих данную тему, авторы относили посты, в которых упоминаются события в зоне СВО и неизменно выражается поддержка линии государства. Доля этих постов составляет 8 % у мужчин и 11 % у женщин. Для мужчин в рамках данной категории характерно освещение изменений положения на фронте, сообщения о государственной помощи участникам СВО, деятельности волонтеров и описание подвигов бойцов. Женщины больший упор делают на необходимость помощи участникам СВО, вернувшимся из зоны боевых действий, а также их семьям. Важной темой является и память о погибших. По сравнению с мужчинами женщины пишут более эмоционально, сильнее чувствуется их личная вовлеченность в переживания, погружение в судьбы конкретных людей, описание удивительных случаев героизма и мужества. Публикации мужчин характеризует более формальный подход, повествование о масштабных событиях на фронте, крупными мазками обозначается геополитическое противостояние, позиции и ресурсы сторон. Женщины рисуют иными красками: это микромир, в котором подчеркиваются личные переживания, страдания, жизненные трагедии и невероятные подвиги. Вообще патриотическая тематика встречается в 1—2 % случаев и в мужских, и в женских публикациях. Авторы хвалят свою страну, делая акцент на преимуществах России, на позитивных аспектах ее развития, подчеркивают свою преданность родине. Здесь гендерных особенностей не было замечено: все позитивно и достаточно клишировано.

Вовлекающие посты. К этому типу постов авторы отнесли те публикации, которые включают в себя призывы к действию, приглашение прийти на какое-то мероприятие, вовлекают в коммуникацию. Эти сообщения содержат глаголы в повелительном наклонении «давайте», «напишите», «приходите» и т. п. Данная категория постов более популярна у женщин-блогеров (5 % против 2 % у мужчин). Однако различия имеют не только количественный, но и содержательный характер: у женщин дискуссия направлена на общие размышления и призывы, мужчины в большей степени ожидают от своих фолловеров высказывания предложений, которые относятся к сферам, связанным с их компетенциями как руководителей. Мужчины более склонны проводить опросы общественного мнения на своих страницах, причем такого рода опросы могут касаться любых аспектов жизни. Влиятельные женщины тоже пытаются имитировать опрос, но касается он исключительно «мягких» тем. Вот пример такого рода. Депутат Государственной думы РФ Ольга Занко приглашает свою аудиторию поделиться планами: «Завершаем эти теплые выходные. Расскажите, какие у вас планы на грядущую трудовую неделю?» Такого рода «мягкие опросы» напоминают обращение светских дам к своим подписчикам: «Какое платье мне идет больше?», и далее следует ряд фотографий героини в прекрасных нарядах. Таким образом, вовлекающие посты могут относиться к разряду

PR-мотивирующих, работающих на имидж автора как персону, открытую к интерактиву, слышащую «глас народа».

Сервильные посты. К этому типу публикаций авторы отнесли такие посты, которые призваны продемонстрировать лояльность к власти и поддержку начальства. Видеоряд, как правило, сопровождается фотографиями с руководителем или изображениями его выступлений, которые комментируются автором с выражением однозначной поддержки, а подчас и с искренним восхищением. У мужчин доля постов, включающих в себя сервильные высказывания, занимает 6 %, у женщин только 2 %, что говорит об амбициозности мужчин и их большей склонности к публичной демонстративности. Эти посты призваны сформировать мнение у аудитории, что автор близок к руководству, имеет с ним отличные отношения, находится в мейнстриме государственной политики. Для мужчин также характерно более частое упоминание собственного имени рядом с именами руководителей и публикация совместных фотографий с места событий. Женщинам присущи не столько демонстративное поведение и открытая сервильность, сколько посты с выраженной позитивной коннотацией, подчеркнутое уважение к руководству при своей скромной роли, которая никогда не выпячивается. То есть главный посыл мужчин-блогеров можно свести к формуле «Мы вместе с руководителем», а женщин — к формуле «Руководитель прекрасен, всегда прав, и я его поддерживаю».

Гендерный вопрос. В данном исследовании авторы интересовались, насколько представители разных полов склонны поднимать темы гендерного неравенства. Результат анализа данных показал, что мужчины не пишут ничего на эту тему. Ни один из аспектов темы гендерной асимметрии не получил освещения в публикациях влиятельных мужчин, которые просто ее игнорируют. Зато у женщин она звучит время от времени, причем авторы акцентируют внимание то на репрезентации женщин в различных структурах, то на стереотипах общественного сознания, отмечают барьеры, стоящие на пути развития женщинами карьеры, «стеклянные потолки», которые мешают продвижению. Кроме того, часто поднимаются семейные темы и вопросы материнства. Доля этих сообщений составляет 7 % в общем объеме публикационной активности женщин. Они пишут о развитии женских сообществ, создании возможностей для реализации женского потенциала, совмещении материнства и работы и т. п. Но несмотря на это, острые вопросы, связанные с гендерным неравенством, влиятельные женщины не поднимают. Не заметно также и поддержки, которую одни женщины оказывают другим. Не транслируются и «секреты восхождения» женщин на высокие позиции, не обсуждаются инструменты, помогающие женщинам войти в сферу политики, трудности, с которыми они сталкиваются. Интересно, что мужские посты сообщают о «женских трудовых буднях» в контексте семьи и материнства, а не успехов в работе. Сами женщины-блогеры, напротив, подчеркивают свой профессионализм, обходя молчанием семейные проблемы, успехи детей и пр. То есть мужской нарратив сводится к старой формуле «Kinder, Kuche, Kirche», что вполне соответствует консервативному взгляду на роль и место женщин в обществе. Тезис женщин противостоит мужскому взгляду и гласит: «Мы — профессионалы, посмотрите, какие мы образованные, деловитые и способные достигать многого в работе». Поэтому женщины избегают

демонстрировать свои семьи, писать об успехах детей, будучи перегруженными вмененными им гендерными ролями. Кроме того, обнародование информации о личной жизни для женщин чревато серьезной критикой, которой такого рода посты подвергаются в значительно большей степени, чем посты мужчин. Критические обсуждения того, как женщина выглядит, правильно ли она одета, хороши ли ее дети, настолько распространены среди аудитории, что, столкнувшись в прошлом с буллингом в сети, опытные блоггерши накрепко запомнили: таких скользких тем лучше избегать. Мужчины же находятся вне давления этих стереотипов, поэтому свободнее публикуют семейные фотографии, такие как «На рыбалке с сыном», «На праздничной демонстрации с детьми» и пр.

Репутационные и критические посты. Это самые непопулярные типы публикаций и для мужчин, и для женщин, частотность которых не превышает 2—3 %. Публикация информации о собственных успехах, наградах, новых назначениях часто встречает критические отзывы аудитории, поэтому влиятельные персоны стараются не хвалиться своими достижениями в сетях. Специфика репутационных публикаций женщин связана с их общей ориентацией на коллективизм и скромность в части демонстрации заслуг. Они если и пишут о своих успехах, стараются указать, что это заслуга коллектива, подчеркивают вклад в общее дело своих коллег, благодарят руководителей за оказанное доверие. Мужчинам также свойственно благодарить за награды, но они скорее подчеркивают доверие руководства лично к ним, отмечая тем самым свою субъектность и обоснованность признания их достижений руководством. Критикующие посты также следует отнести к редкому типу публикаций изучаемой категории лиц. Надо отметить, что здесь речь идет не о критике государственной политики или конкретных руководителей (такие публикации попросту отсутствуют), а о негативной оценке некоторых событий, действий людей или эффективности проделанной работы. Есть несколько акторов, достаточно активно интегрирующих критику в свои сетевые практики. Таких акторов можно было бы назвать разоблачителями, избравшими для себя роль честного человека, который не боится говорить правду-матку и выносить сор из избы, и объединить в особую группу авторов, сфокусированных на трансляции того, что и внутри властвующих структур есть понимание проблем простых людей. Такие «профессиональные критики» обрушиваются на коллег, которые ниже их по статусу, но никогда не порицают руководителей. Иногда их критический пафос может быть направлен на организацию в целом, ответственную за решение проблемы, но анонимно, без называния имен виновников. В качестве стандартной мишени для критики, как правило, избираются чиновники муниципалитетов, реже региональных администраций, но всегда эти люди рангом ниже, чем автор поста. В качестве недостатков обычно называют некомпетентность или халатность. Такое субординационное понижение способствует тому, что прожектор общественной критики отводится в сторону и вниз, оставляя образ руководителя-блогера незапятнанным. Более того, говорящий приписывает себя к стану «честных управленцев», которые действуют в интересах населения и вскрывают проблемы невзирая на лица, способствуя совершенствованию государственной системы. В этом обе гендерные группы похожи друг на друга: и мужчины, и женщины гневно пишут о подозрениях в нецелевом расходовании бюджетных средств, о халатности

чиновников на местах, об игнорировании жалоб населения. Различие между ними в данном аспекте заключается в том, что мужчины иногда уходят в обсуждение внешнеполитических вопросов, обвиняя врагов России в недружественных действиях и нечестной конкуренции. Женщины-блогеры эту тему затрагивают значительно реже.

Итак, проведя качественный контент-анализ публикаций вошедших в выборку влиятельных мужчин и женщин в двух социальных сетях, можно сделать следующие выводы: мужчины более активны в сетевом пространстве, но пишут более формально и строго, ориентируясь на выражение поддержки курса государства. Женщины более эмоциональны, но их нежелание показывать свою личную жизнь, членов своих семей говорит о том, что они ощущают беспокойство о своей безопасности. Возможно, в прошлом они имели соответствующий опыт, подвергались насмешкам в свой адрес, что и вызвало осторожность, доходящую до закрытости. Поскольку такая особенность была обнаружена авторами именно у женщин-блогеров, предположим, что по отношению к мужчинам и их семьям аудитория проявляет большую лояльность. Фиксируя схожесть в популярных темах публикаций (отчеты о работе, поздравления, информационные сообщения и пр.), отметим все же разницу, заключающуюся в характере преподнесения информации, а также в сферах, которые в большей степени освещают мужчины и женщины политики. В постах женщин особо выделяется гендерная проблематика, полностью отсутствующая в публикациях мужчин.

Фрейм-анализ отклика аудитории

Мужчины и женщины обладают равными возможностями писать в социальных сетях. Как правило, их цели одинаковы: привлечь большие аудитории подписчиков, которые выражали бы поддержку известным блогерам. Популярность — важнейшая характеристика при оценке сетевой активности, но не менее важно иметь не просто много подписчиков, но много лояльных подписчиков. А насколько лояльны аудитории мужчин и женщин? Изучить это было одной из задач данного исследования.

Презентуя себя другим, мы всегда несем определенный нарратив и рассчитываем получить позитивный отклик на наши действия. Но иногда бывает, что аудитория считывает в публикуемых сообщениях что-то другое, не то, что имел в виду автор. Политик отремонтировал дорогу, рассказал об этом в электронных медиа и рассчитывает на то, что его читатели скажут ему спасибо, поддержат его, проявят доверие и уважение. Но часто сообщение о решении проблемы рождает вовсе не благодарность, а обвинения в том, что проблема решена не до конца или не так, как ожидалось. Такие несоответствия действия и реакции на него стали предметом исследовательского интереса авторов.

Для того чтобы изучить отклик аудитории на посты мужчин и женщин, вошедших в выборку данного исследования, авторы использовали следующие сконструированные индексы: индекс популярности, индекс коммуникативности, индекс вовлеченности и индекс видимости. При расчете этих показателей был использован сервис Popsters (табл. 2).

Таблица 2

Значение индексов, фиксирующих реакцию аудитории,
для мужчин и женщин блогеров

Показатель	Женщины	Мужчины
Средний индекс популярности поста	2,39	0,75
Средний индекс коммуникативности	0,12	0,07
Средний индекс вовлеченности	2,67	0,88
Средний индекс видимости	55,47	38,31
Основные причины критики аудитории	Объектом критики может стать сам факт гендерной принадлежности, а также культурные установки	Подвергаются критике из-за недостаточной компетентности и расхождения слова и дела

Индекс популярности. В социальных сетях, как правило, существует три основных способа взаимодействия с контентом — лайки, репосты и комментарии. Индекс популярности поста демонстрирует, насколько публикация привлекательна для аудитории, т. е. сколько лайков получает пост. Данный индекс (ИП) рассчитывался по формуле: $\text{ИП} = \text{сумма лайков} / \text{количество подписчиков} / \text{количество публикаций за анализируемый период} \times 100 \%$. Анализ показал, что значения этого индекса у женщин-политиков находятся в диапазоне от 0,0941 до 31,4516; у мужчин данный разброс составляет 0,0817—2,385 единицы. Среднее значение этого показателя для постов женщин — 2,39; для постов мужчин — 0,75. Данные говорят о том, что включенность во взаимодействие с авторами постов выше у аудитории женщин, она активнее взаимодействует с авторами.

Индекс коммуникативности. Следующий показатель, влияющий на протекание дискуссии блогера с аудиторией, это возможность оставлять комментарии к записям акторов в социальных сетях. Индекс коммуникативности (ИК) показывает степень коммуникабельности аккаунта, оценивает, насколько аудитория вовлечена во взаимодействие с автором. Он рассчитывался по формуле: $\text{ИК} = \text{сумма комментариев} / \text{количество подписчиков} / \text{количество публикаций за анализируемый период} \times 100 \%$. Среднее значение индекса коммуникативности у женщин — 0,12 пункта, у мужчин — 0,07, что говорит о более интерактивной коммуникации аудитории женских аккаунтов. Диапазон, в котором располагаются показатели данного индекса у женщин, — от 0 до 1,19, у мужчин индекс колеблется в интервале от 0 до 0,27.

Индекс вовлеченности. Еще одним критерием активности может служить желание поделиться публикацией с помощью репостов. Поэтому при совокупном анализе критериев авторы использовали индекс вовлеченности (ИВ), который вычислялся по формуле: $\text{ИВ} = \text{сумма лайков} + \text{количество репостов} + \text{количество комментариев} / \text{количество подписчиков} \times 100 \%$. Он рассчитывался

для каждого поста отдельно, далее находилось среднее значение для каждого представителя выборочной совокупности. По индексу вовлеченности средними стали значения 2,67 для женщин и 0,88 для мужчин, что говорит о более сильной включенности аудитории женщин-блогеров во взаимодействие с акторами. Диапазон, в котором расположились значения по данному критерию, у женщин — от 0,13 до 32,87, у мужчин — от 0,07 до 2,63.

Индекс видимости. Данный индекс показывает долю наиболее активных участников взаимодействия и отклик, который в действительности получают публикации по сравнению со всей совокупной аудиторией. Этот показатель демонстрирует, какое число людей по отношению к общему числу подписчиков видели публикации. Он рассчитывался по формуле: $ИВид = \frac{\text{сумма просмотров}}{\text{количество подписчиков за анализируемый период}} \times 100 \%$. Далее определялись средние значения для каждого человека. Диапазон, в котором находятся данные показатели, у женщин — от 4,51 до 341,74, у мужчин — от 4,2688 до 351,82. Средний же показатель видимости постов женщин — 55,48, постов мужчин — 38,31. Это свидетельствует о том, что видимость постов в женских аккаунтах для их аудитории выше. Данный показатель опирается на реальный интерес к конкретным персонам, демонстрирует формирование ядра аудитории, наиболее включенных ее элементов.

Исходя из количественного анализа данных, можно сделать вывод о том, что у влиятельных женщин размер аудитории меньше, но она более активная и вовлеченная, чем у мужчин такого же статуса. Несмотря на отставание по ключевым критериям активности и популярности, в рамках своих аудиторий женщины получают более качественное взаимодействие, что может служить базисом для продвижения в социальных сетях, а также для конвертации аудитории в электорат. Специфика критики в адрес политиков достаточно схожа и с другими площадками (например, с традиционными СМИ). Так, критика по отношению к мужчинам-политикам чаще затрагивает темы их компетенций, профессионализма и исполнения обещаний. Женщин критикуют чаще всего из-за их гендерной принадлежности, культурных установок, внешнего вида, одежды, слишком «фемининного» стиля изложения, который, по мнению аудитории, не соответствует политической сфере, либо, напротив, из-за излишней маскулинности образа, за которым проглядывает карьеризм и циничность.

Заключение

С широким распространением социальных сетей появляются альтернативные площадки для политического участия и коммуникации, позволяя политикам и известным людям формировать публичный образ минуя институциональные ограничения. Изменяются практики работы с информацией как среди населения, так и среди представителей высшего класса. Но можно ли утверждать сегодня, что новые цифровые площадки дали преимущество одной из гендерных групп, изменили баланс сил? Данное исследование демонстрирует, что при прочих равных условиях у женщин появляется больше шансов стать участником публичной политики, формировать свой образ,

взаимодействовать с аудиторией. Авторы видят, что в цифровом пространстве отчетливо прослеживается гендерная специфика политической коммуникации, включая стереотипные ожидания, которые могут быть преодолены с помощью публикационной активности в социальных сетях. Женщины хотя и отстают от мужчин в активности использования цифрового ресурса (что может быть следствием более критического отношения к ним сетевой аудитории), в других отношениях проявляют себя более эффективно. Ключевыми особенностями их цифрового перформанса являются стиль коммуникации, а также темы, которые авторы предпочитают для интеракции.

В целом именно мужчинам удается сформировать образ профессионала, который уверенно решает вопросы во благо государства и страны. Женщинам же необходимо балансировать под давлением различных стереотипов и продолжать работу над своим позиционированием для преодоления общественных барьеров и «стеклянных потолков». Аудитория женщин-политиков в количественном отношении меньше мужской, однако она лучше взаимодействует с акторами и их контентом, что в какой-то степени нивелирует количественное отставание. Тем женщинам, которым удалось создать лояльные аудитории подписчиков, стало легче взаимодействовать с ними и влиять на формирование их мнения, что говорит о высоком потенциале женского блогинга. Это предоставляет новые возможности для дальнейшего использования социальных сетей в целях разъяснения государственной политики и дополнительную возможность для наращивания электората. Если же делать вывод о влиянии социальных сетей на преодоление ситуации гендерной асимметрии в целом, то надо признать, что в современных российских реалиях оно достаточно слабое. То есть фактор технофеминизма пока не является сколь-нибудь значимым, хотя указанный факт способности женщин тесно взаимодействовать со своими фолловерами говорит, что ресурс тут есть и его можно развивать, действуя постепенно и осторожно, чтобы избежать резкой критики и даже буллинга. Ситуация, когда владельцам аккаунтов не удается сдерживать хейтеров, приводит к сворачиванию активности и ограничению сетевой деятельности. Иначе говоря, новые технологии не меняют в корне сложившееся положение вещей, но предоставляют шансы расширять онлайн-активность, развивать коммуникативные практики, транслировать новые нарративы, которые через определенное время способны оказать влияние на традиционное представление о роли женщин в обществе. Женщины предпринимают попытки использовать новые цифровые ресурсы, но делают это крайне осторожно, стараясь не нарушить «правила игры» и не быть подвергнутыми остракизму достаточно традиционной среды. Изменение ситуации зависит главным образом не от технологий, а от социального контекста и общественных настроений, в которых сейчас достаточно сильными остаются традиционные установки, что и способствует сохранению гендерной асимметрии.

Список источников

- Ахмедова Ю. Д. Персонификация современной политической коммуникации // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 4. С. 71—78.
- Белоконев С. Ю., Хоконов А. А. Онтологический статус социальных сетей в современной публичной политике // Власть. 2021. Т. 29, № 2. С. 22—29.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. Челябинск: Социум, 2020. 348 с.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 592 с.
- Крыштановская О. В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 2. С. 4—11.
- Невская Т. А. Роль социальных сетей в избирательном процессе современной России // Политика и общество. 2018. № 9. С. 31—39.
- Сергеева О. В. Экран закрепощающий, экран освобождающий: теоретики феминизма о медиатехнологиях // Наука телевидения. 2014. № 11. С. 145—154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekran-zakreposchayuschiy-ekran-osvobozhdayuschiy-teoretiki-feminizma-o-media-tehnologiyah> (дата обращения: 21.07.2025).
- Юшкова Н. А. Электоральный потенциал публичных политиков в социальных сетях // Вестник университета. 2022. № 1. С. 188—196.
- Benkler Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven: Yale University Press, 2006. 527 p.
- Millar M. *Cracking the Gender Code: Who Rules the Wired World?* Toronto: Second Story Press, 1998. 230 p.
- Plant S. *Zeros and Ones: Digital Women + the New Technoculture*. London: Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1998. 305 p.
- Puente S. N. From cyberfeminism to technofeminism: from an essentialist perspective to social cyberfeminism in certain feminist practices in Spain // Women's Studies International Forum. 2008. Vol. 31, № 6. P. 434—440.
- Wajcman J. *TechnoFeminism*. Cambridge: Polity Press, 2004. 156 p.
- Wajcman J. Technocapitalism meets technofeminism: women and technology in a wireless world // Labour & Industry: a Journal of the Social and Economic Relations of Work. 2006. Vol. 16, № 3. P. 7—20.

References

- Akhmedova, Yu. D. (2021) Personifikatsiia sovremennoï politicheskoi kommunikatsii [The personification of present mediated political communication], *Zhurnal politicheskikh issledovaniï*, vol. 5, no. 4, pp. 71—78.
- Belokonev, S. Yu., Khokonov, A. A. (2021) Ontologicheskii status sotsial'nykh setei v sovremennoï publichnoï politike [The ontological status of social networks in contemporary public policy], *Vlast'*, vol. 29, no. 2, pp. 22—29.
- Benkler, Y. (2006) *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*, New Haven: Yale University Press.
- Castells, M. (2017) *Vlast' kommunikatsii* [The power of communication], Moscow: Izdatel'skii dom Vyssheï shkoly ekonomiki.
- Inglehart, R. (2020) *Kul'turnaia revoliutsiia: Kak izmeniautsia chelovecheskie motivatsii i kak èto meniaet mir* [Cultural evolution: How people's motivations are changing and how this is changing the world], Chelyabinsk: Sotsium.

- Kryshchanovskaya, O. V. (2019) Ėlita v setiakh: novye formy obratnoĭ svyazi v tsifrovuiu ėpokhu [Elite in social networks: new forms of feedback in the digital age], *Tsifrovaya sotsiologiya*, vol. 2, no. 2, pp. 4—11.
- Millar, M. (1998) *Cracking the Gender Code: Who Rules the Wired World?*, Toronto: Second Story Press.
- Nevskaya, T. A. (2018) Rol' sotsial'nykh setei v izbiratel'nom protsesse sovremennoĭ Rossii [The role of social media in the electoral process in contemporary Russia], *Politika i obshchestvo*, no. 9, pp. 31—39.
- Plant, S. (1998) *Zeros and Ones: Digital Women + the New Technoculture*, London: Bantam Doubleday Dell Publishing Group.
- Puente, S. N. (2008) From cyberfeminism to technofeminism: from an essentialist perspective to social cyberfeminism in certain feminist practices in Spain, *Women's Studies International Forum*, vol. 31, no. 6, pp. 434—440.
- Sergeeva, O. V. (2014) Ėkran zakreposchayushchiĭ, ėkran osvobozhdayushchiĭ: teoretiki feminizma o mediatekhnologiiakh [The enslaving screen, the liberating screen: feminist theorists on media technologies], *Nauka televideniia*, no. 11, pp. 145—154, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/ekran-zakreposchayushchiy-ekran-osvobozhdayushchiy-teoretiki-feminizma-o-media-tehnologiyah> (accessed 21.07.2025).
- Wajcman, J. (2004) *TechnoFeminism*, Cambridge: Polity Press.
- Wajcman, J. (2006) Technocapitalism meets technofeminism: women and technology in a wireless world, *Labour & Industry: A Journal of the Social and Economic Relations of Work*, vol. 16, no. 3, pp. 7—20.
- Yushkina, N. A. (2022) Ėlektoral'nyĭ potentsial publichnykh politikov v sotsial'nykh setiakh [Public politicians electoral potential in social media], *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 188—196.

Статья поступила в редакцию 19.08.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 26.08.2025.

The article was submitted 19.08.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 26.08.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Крыштановская Ольга Викторовна — доктор социологических наук, профессор, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, olgakrysht@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Director of the Scientific Center of Digital Sociology “Yadov-center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Большунова Александра Константиновна — аналитик Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, bolshunova.ak@yandex.ru (Analyst at the Scientific Center of Digital Sociology “Yadov-center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 23—37.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 23—37.

Научная статья

УДК 321:316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/zvfcyt>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.2

**ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ
В БОРЬБЕ ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО
В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ:
ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ**

Ольга Владимировна Михайлова^{1, 2},
*Дмитрий Игоревич Петропольский*²

¹ Университет «Московский государственный университет —
Пекинский политехнический институт» (МГУ — ППИ) в Шэньчжэне,
г. Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика, mikhaylova@spa.msu.ru

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Аннотация. Поднимается проблема исключенности отдельных социальных групп из процесса властвования на примере сохраняющейся гендерной асимметрии на лидерских позициях в институтах власти в современных демократиях. В этой связи возникает закономерный вопрос о факторах, препятствующих росту женского политического лидерства в демократиях при наличии условий, обеспечивающих для мужчин и женщин равный доступ к участию в выборах и конкуренцию за лидерские позиции. Значение имеют два взаимосвязанных фактора: социальный и институциональный. Авторы считают, что идеи равенства в доступе к политическим должностям диспропорционально распределены в демократических обществах, что находит свое выражение в результатах выборов. На основе анализа различных конфигураций избирательных и партийных систем авторы показывают, каким образом эти факторы ограничивают возможности женщин-кандидатов участвовать в выборах и выигрывать их.

Ключевые слова: женщины в политике, женское политическое лидерство, демократия, гендерное неравенство, выборы, гендерные стереотипы, избирательная система

Для цитирования: Михайлова О. В., Петропольский Д. И. Женщины и мужчины в борьбе за политическое лидерство в современных западных демократиях: факторный анализ // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 23—37.

Original article

WOMEN AND MEN IN THE STRUGGLE FOR POLITICAL LEADERSHIP IN CONTEMPORARY WESTERN DEMOCRACIES: FACTOR ANALYSES

Olga V. Mikhaylova^{1,2}, *Dmitry I. Petropolsky*²

¹ Moscow State University — Beijing Institute of Technology (MSU — BIT) University
in Shenzhen, Shenzhen, People's Republic of China, mikhaylova@spa.msu.ru

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article raises the issue of the exclusion of certain social groups from the process of governance, using the example of persistent gender asymmetry in leadership positions in institutions of power in modern democracies. The authors raise a logical question about the factors hindering the growth of female political leadership in democracies, given that conditions exist that ensure equal access for men and women to participate in elections and compete for leadership positions. Two interrelated factors are important, namely social and institutional factors. The authors draw attention to the gap between the state's efforts to support women politicians in taking leading positions in the power hierarchy and the election results, which show a low level of representation of women in leadership positions in politics. The authors believe that ideas of equality in access to political office are disproportionately distributed in democratic societies. The political elite is more liberal in its political views than society, whose attitudes are changing extremely slowly. Society also reacts negatively to the state's efforts to help women take up important political positions. It is this discrepancy that is reflected in the election results. As a result, favorable institutional and informational conditions are created for female candidates, but the results of the vote most often show that these values are not shared by the majority of society (at the moment of expressing their will, traditional ideas about politics have a stronger influence). Based on an analysis of various configurations of electoral and party systems, the authors show how these factors limit the ability of women candidates to participate in elections and win them. The authors conclude that the growth of democratization in the political system does not automatically lead to changes in social expectations, and that the efforts of the state lead to the opposite result, namely resistance and, when extreme positions are reached, a conservative shift in politics.

Key words: women in politics, female political leadership, democracy, gender inequality, elections, gender stereotypes, electoral system

For citation: Mikhaylova, O. V., Petropolsky, D. I. (2025) *Zhenshchiny i muzhchiny v bor'be za politicheskoe liderstvo v sovremennykh zapadnykh demokratiyakh: faktornyy analiz* [Women and men in the struggle for political leadership in contemporary Western democracies: factor analyses], *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 4, pp. 23—37.

Парадокс демократий

Проблема исключенности различных социальных групп из политического процесса, в частности той его части, которая связана с доступом к принятию решений и занятию ведущих политических позиций во власти, относится к одной из актуальных для современных демократий. На протяжении многих десятилетий в логике либеральной повестки государства предпринимали серьезные усилия по сокращению гендерного разрыва, считалось, что в большинстве своем граждане

демократических обществ являются носителями ценностей равенства в доступе всех социальных групп, в том числе к руководящим должностям во всех сферах.

Однако результаты борьбы за снижение уровня гендерного неравенства оказались неутешительными прежде всего в политической сфере. Например, по данным исследовательского проекта Global Gender Gap, индекс Political Empowerment демонстрирует самое низкое значение, по сравнению с другими индексами, — 22,9 % (Health and Survival Subindex — 96,2 %, Economic Participation and Opportunity Subindex — 61,0 %) [Global Gender Gap Report... , 2025]. По оценкам исследователей, наиболее благополучная ситуация с решением этой проблемы в странах Европы и Северной Америки, а Азия и Африка серьезно от них отстают.

В демократических странах представленность женщин в числе законодателей весьма заметна, хотя и далека от равенства, но занятие ими лидерских позиций все еще редкая практика. Кроме того, в ситуации занятия лидерской должности политическая биография женщин нетипична, их карьерный путь если и включает победу на выборах, то первопричиной часто оказывается политическое наследие их мужей или других родственников-мужчин. Например, в США, внутренняя политика которых ориентирована на репрезентативность, кандидата в президенты от Демократической партии в 2016 г. Х. Клинтон сложно назвать самостоятельным политическим игроком. Выдвижение на позицию кандидата от этой же партии в 2024 г. К. Харрис также больше похоже на наследование политического капитала Дж. Байдена, так как эту позицию она заняла вне установленных процедур, в экстраординарных условиях. Тем не менее даже такие, изначально благоприятные, стартовые позиции кандидата, в который раз не позволили женщине занять лидерскую позицию в государстве. Примечательно, что оба раза кандидаты-женщины проигрывали избирательную гонку Д. Трампу, выступающему с консервативных позиций.

В этой связи возникает закономерный вопрос о факторах, препятствующих росту женского политического лидерства в демократиях при наличии условий, обеспечивающих для мужчин и женщин равный доступ к участию в выборах и конкуренцию за лидерские позиции. Определяющее значение имеют два взаимосвязанных фактора: *социальный* (доминирующие в обществе установки и представления о социальных ролях) и *институциональный* (сложившаяся конфигурация норм и правил, регулирующих электоральный процесс).

Думается, тот факт, что избиратели не отдают предпочтение кандидатам-женщинам в том масштабе, которого можно было бы ожидать от граждан демократических обществ, свидетельствует об отсутствии у большинства из них установки на инклюзивность в вопросах политики. Политика в их представлении является делом мужчин [Перес, 2020], чьи социальные характеристики мало изменились за последний век. Успех женщин в борьбе за политические должности во многом связан со значительными усилиями государства, которое использует законодательные и информационно-коммуникационные меры для закрепления в обществе идей равенства и обеспечения неконкурентного доступа женщин к позициям во власти. Помимо этого, следует заметить, что популярность идей снижения гендерного неравенства в политике непропорционально распределена между элитой и обществом: среди представителей элиты сторонников этих

ценностей больше, чем среди рядовых граждан. В силу особенностей рекрутирования элиты на политические и бюрократические должности приходят выпускники университетов, где широко распространены мейнстримные идеи. Общество в этом отношении более консервативно, в нем изменения происходят медленнее и менее равномерно, длительное время сохраняют силу традиционные представления о социальных ролях. При этом именно элита имеет доступ к недемократическому продвижению своих интересов и ценностей через законотворческий процесс, а также промотированию своих нарративов через средства массовой коммуникации и социальные медиа. В итоге для кандидатов-женщин создаются благоприятные институциональные и информационные условия, однако итоги голосования чаще всего фиксируют, что эти ценности не разделяются большинством общества (в момент волеизъявления сильнее оказывается влияние традиционных представлений о политике).

Барьеры на пути к лидерским позициям

Имеющийся в демократиях разрыв между отношением к проблеме гендерного неравенства элиты и общества прекрасно иллюстрирует модель на основе разработок Д. Далеруп [Dahlerup, 2018]. На пути кандидатов-женщин к лидерской позиции у них возникают барьеры на следующих этапах электорального процесса: принятие решения баллотироваться на должность; выдвижение в качестве кандидата от политической партии; получение голосов избирателей в ходе голосования. Рассмотрим подробнее каждый из этапов.

1. Принятие решения баллотироваться на должность

Принятие решения баллотироваться на высокую политическую должность обусловлено главным фактором — доступом к ресурсам для получения конкурентного преимущества в предвыборной кампании. Финансовые ресурсы чаще всего не являются собственностью кандидата, а привлекаются в период кампании, что требует понимания того, насколько спонсоры готовы вкладывать деньги в продвижение кандидата, важна их оценка риска потерь, если на должность выдвигается женщина. В политике большое значение имеет и такой ресурс, как социальный капитал, или имеющиеся у кандидата социальные связи, в том числе с влиятельными персонами внутри политической системы, на ведущих должностях в ключевых политических институтах, которые могли бы оказать поддержку при продвижении кандидата на выборный пост. Время — другой важный ресурс, которым необходимо располагать для построения сначала политической карьеры и потом, в случае успеха, исполнения лидерских функций.

Важное значение имеют образование и профессиональная сфера деятельности будущего кандидата. С одной стороны, на ведущие политические должности могут выдвинуться кандидаты с любым уровнем образования и из любой профессиональной сферы, с другой — в каждой системе есть неформальные барьеры, преодолеть которые могут обладатели дипломов определенных университетов и сделавшие карьеру, например, в юриспруденции, участвующие в гражданских ассоциациях, в политическом активизме. И конечно, достижение лидерских позиций невозможно без амбиций и желания получить определенные значимые для себя результаты.

Таким образом, для возникновения у кандидата готовности баллотироваться на лидерский пост необходимо, чтобы у него возникла уверенность в том, что он не просто может участвовать в этом процессе, но и имеет конкурентное преимущество или может вести конкурентную борьбу наравне с другими кандидатами. Аналогичные ожидания должны возникнуть у руководства политической партии и ее спонсоров. Исследователи пишут, что общественные предрассудки в отношении женщин на лидерских позициях сохраняются и наиболее сильны именно в политике, но на женщин-кандидатов возрастает запрос в определенные моменты времени [Reynolds, 1999; Jalalzai, 2008]:

1) после крупных политических скандалов общественность больше доверяет женщинам-политикам, возлагая на них надежды по наведению порядка, считая их более честными и некоррупцированными, более морально устойчивыми;

2) в результате падения электоральной поддержки политической партии ее руководство нередко выдвигает на лидерскую позицию женщину, полагая, что новая фигура привлечет внимание избирателей и сможет восстановить утраченные позиции.

Как представляется, в силу отсутствия у многих женщин доступа к необходимым для построения карьеры ресурсам по причинам того, что они стремятся и пытаются совмещать профессиональные и семейные траектории, им требуется неформальная поддержка однопартийцев, которые далеко не всегда готовы увидеть женщину на лидерской позиции, их запрос на участие в политике остается невысоким. В этом отношении семейные узы (к примеру, кейс М. Ле Пен) помогают войти в политику, минуя многие важные барьеры, преодолеть «страх успеха» [Hogner, 1992].

2. Выдвижение в качестве кандидата от политической партии

Выдвижение в качестве кандидата от политической партии — важный этап для кандидата, потому что черт характера и мотивации недостаточно для движения к политическому лидерству, они лишь позволяют попасть в селекторат партии. Партийное руководство ведет отбор кандидатов, которые будут баллотироваться в избирательных округах и участвовать в реальной борьбе за голоса избирателей. На его решение выдвигать мужчину или женщину оказывает влияние ряд факторов.

Во-первых, тип политической системы, в которой проводятся выборы. С одной стороны, демократии в силу большей прозрачности и предсказуемости правил политической игры, открытости и понятности каналов рекрутирования на политические должности создают женщинам благоприятные условия ведения конкурентной борьбы при наличии необходимых компетенций и ресурсов. С другой стороны, в переходных и авторитарных политических системах женщины могут оказаться на ключевых позициях, не участвуя в выборах персонально, выдвинутся благодаря протекции партийных руководителей, семейным связям, игнорируя общественную поддержку и мнение избирателей, минуя гендерные предрассудки, которые проявляются на выборах в демократиях.

Во-вторых, избирательная система. На отбор кандидатов партийным руководством влияет, по каким правилам проводятся выборы, какая действует конфигурация элементов избирательной системы, каким образом голоса транслируются в мандаты [Norris, 1985; Paxton, Hughes, 2007]. При действии

мажоритарной избирательной системы относительного большинства страна делится на количество одномандатных округов равное количеству мест в нижней палате парламента. Конкуренция в одномандатных округах самая острая, в них обычно соревнуются только две партии, поэтому цена проигрыша для каждой из них чрезвычайно высока. По этой причине руководство партии с высокой долей вероятности выдвинет в качестве кандидата мужчину, имеющего реальные шансы быть избранным, соответствующего общественным стереотипам электората, чтобы максимизировать голоса.

При действии пропорциональной избирательной системы страна делится на несколько многомандатных округов (либо используется один многомандатный округ), что создает благоприятные условия для появления женщин в качестве кандидатов. Партийный список будет выглядеть более сбалансированно и репрезентативно, отражать особенности социальной структуры общества. Эта связь актуальна для голосования как с открытыми списками, так и с закрытыми. Разница будет, как видится, только в том, что в первой конфигурации ставка делается на женщин с профессиональным авторитетом в округе, потому что избиратель голосует за кандидатов из списка. Во втором случае это могут быть узнаваемые женщины, добившиеся результатов в сферах, не связанных с политикой (к примеру, культура, спорт), и избиратель не может повлиять на получение ими мандата, так как голосует за партию. Кроме того, важно отметить, что пропорциональная избирательная система менее конкурентная, чем мажоритарная система, вследствие чего она открывает партиям больше возможностей для экспериментов с кандидатами без угрозы потери поддержки избирателей.

Выборы глав государств в президентских и полупрезидентских системах проходят по мажоритарной системе. Для политических партий цена проигрыша очень высока, каждая стремится к контролю высшего политического поста в государстве, поэтому отбор кандидатов будет еще более жесткий, внимание к общественным настроениям и стереотипам будет наивысшим. В таких условиях выдвижению женщины могут помочь семейные связи. Однако и этот фактор не всегда срабатывает. Примером является кейс выдвижения Х. Клинтон. Ее неудачная президентская кампания 2016 г., по мнению исследователей, стала результатом действия гендерных стереотипов, что впоследствии сыграло важную роль в отказе партийного руководства от продолжения практики выдвижения женщин (см., напр.: [Masket, 2020]). При этом следует заметить, что Х. Клинтон на выборах собрала суммарно больше голосов избирателей, но проиграла Д. Трампу по количеству голосов выборщиков, что объясняется именно особенностями избирательной системы. Неожиданное для Демократической партии выдвижение в 2024 г. К. Харрис скорее вынужденная рискованная мера для партии, не в последнюю очередь приведшая к проигрышу.

В-третьих, отношение конкретной партии к женскому лидерству [Niven, 1998]. Имеют значение не только институциональные факторы, но и предпочтения партийного руководства и влиятельных фигур внутри партии. Если для избирателя партийная идентичность может сгладить неудовлетворенность от того, что кандидатом является женщина, то для партийцев стереотипы и предрассудки выходят на первый план при принятии решений [Henderson et al., 2022]. Они усиливаются, если являются частью партийной идеологии. Так, консервативные

партии не склонны продвигать женщин-кандидатов. Здесь Великобритания является исключением: в истории Консервативной партии четыре женщины в разное время возглавляли ее и три из них становились премьер-министрами страны — Маргарет Тэтчер (1979—1990 гг.), Тереза Мэй (2016—2019 гг.) и Элизабет Трасс (сент. 2022 г. — окт. 2022 г.). И это наилучший результат. Ныне положение действующего лидера Консервативной партии и лидера оппозиции занимает Кэми Баденкок (возглавила партию в ноябре 2024 г.), первая чернокожая женщина, занявшая эти должности*. Левые партии, придерживающиеся эгалитарных принципов, будут более открыты для привлечения представителей разных социальных групп [Krook et al., 2009]. Если партия использует модель распределенного партийного лидерства, то у нее также есть возможность назначить на пост сопредседателя партии женщину с дальнейшей перспективой ее участия в борьбе за лидерскую позицию.

В-четвертых, гендерные квоты. Несколько десятков стран ввели гендерные квоты, фиксирующие определенное количество мест в парламенте или на должностях, которые должны занять женщины. Эта мера предполагает стремительное решение проблем гендерного дисбаланса в политике, в противовес постепенному расширению возможностей женщин в этой сфере. Например, во Франции с 2013 г. представители одного пола не могут занимать в государственных учреждениях более 60 % должностей. За нарушение этого закона в 2020 г. была оштрафована мэрия Парижа, где было выявлено несоответствие квоте, хотя нарушение и произошло в пользу женщин [Григорьева, Жохова, 2022]. В 2021 г. гендерные квоты для замещения руководящих должностей в государственных и коммерческих организациях установила Германия, сопроводив это жесткими мерами контроля, потому что добровольное следование подобным установлениям часто не приводит к желаемому для государства результату.

Вопрос использования гендерных квот до сих пор остается одним из самых дебатированных в науке и практике. В этой связи следует обратить внимание на два эффекта от их использования. С одной стороны, квоты способствуют росту представленности женщин в политике и создают благоприятные условия для роста женского политического лидерства, потому что партийное руководство под давлением требований закона вынуждено обеспечивать гендерное равенство между кандидатами [Aldrich, Daniel, 2020; Hallman, 2020; Lu, 2020]. Присутствие женщин в парламенте положительно коррелирует с их доступом к работе в комитетах, к министерским портфелям и должностям главы государства или правительства. Многочисленные исследования подтверждают, что уровни образования и профессиональной квалификации женщин, пришедших в политику благодаря квотам, не отличаются в худшую сторону от аналогичных показателей мужчин.

Однако у этой медали есть и вторая сторона, потому что убедительно звучат и доводы тех, кто полагает, что квоты вредят представительству тех социальных групп, которым призваны помочь. Например, они порождают эффект

---

* В истории Лейбористской партии Великобритании только две женщины возглавляли ее, среди либеральных демократов — три, наибольшее число женщин стояли во главе партии зеленых Англии и Уэльса — 8. С 2016 г. Партию альянса Северной Ирландии возглавляет Наоми Лэнг.

компромисса, при котором краткосрочные выгоды в гендерном представительстве приводят в долгосрочном плане к исключению женщин из доступа к занятию руководящих позиций во власти [O'Brien, Rickne, 2016]. Позитивная дискриминация подрывает статус и эффективность нахождения женщин в политике, приводит к стигматизации, что может нанести урон их политической карьере в будущем. Стигматизация в данном случае означает, что группа большинства приписывает негативные и стереотипные атрибуты членам группы меньшинства. Это проявляется, к примеру, в более тщательном изучении законопроектов, инициируемых женщинами, в агрессии со стороны мужчин в отношении женщин в ходе дебатов (на предвыборных дебатах Д. Трамп назвал представительниц Демократической партии США «бездетными кошачницами», говорил о том, что у К. Харрис «смех сумасшедшего»). Основная проблема с квотами состоит в том, что они воспринимаются как способ обеспечения доступа к власти неквалифицированным кандидатам в обход меритократического принципа. Профессионализм женщин, таким образом, постоянно ставится под вопрос, что не позволяет им эффективно выполнять свои функции, участвовать в правительственных коалициях [Kanthak, Krause, 2012].

Важно заметить, что политика квот не работает сама по себе и не дает запланированного результата вне институционального контекста, ее эффективность напрямую связана с типом принятой в стране избирательной системы. По оценкам исследователей, квоты проще применять в пропорциональных избирательных системах, наибольшая эффективность достигается при условии использования закрытых списков и требовании закона к размещению кандидатов (например, каждый третий), а также при наличии санкций за неисполнение требований (отклонение списков партий).

Влияние квот при использовании пропорциональной избирательной системы с открытыми списками уже менее предсказуемо, потому что увеличение доли женщин зависит в данном случае не от воли партийного руководства, а от того, за каких кандидатов отдадут голоса избиратели. Это означает, что партия может включить в список кандидатов-женщин, но за них не проголосуют [Jankowski, Marcinkiewicz, 2019]. Например, такая система действует в Люксембурге, где установлена цель достичь 40 %-го женского представительства, а на практике достигнуто 35 % [Luxembourg's ptofile... , 2025].

Квоты могут работать в мажоритарных избирательных системах, но в ситуациях наличия зарезервированных мест для женщин, в противном случае уровень представительства женщин поднять крайне проблематично [Bhavnani, 2009]. В Индии целевая квота — 30 %, достигнуто — 14 % [India's ptofile... , 2025]. Например, во Франции действует мажоритарная система абсолютного большинства и при запланированном 50 %-м представительстве достигнуто только 36 % [France's ptofile... , 2025]. Великобритания использует мажоритарную систему относительного большинства, но не ввела квоты, при этом именно в данной стране женщины наиболее успешны в достижении лидерских позиций. Как уже говорилось, новым лидером Консервативной партии стала первая чернокожая женщина Кемми Баденкок. При благоприятном развитии событий для этой партии на следующих выборах она сможет занять пост главы правительства. В то же время нельзя не отметить, что ее политическая карьера началась

в 2017 г., когда она одержала победу над соперницей (не над кандидатом-мужчиной) от Лейбористской партии на выборах в палату общин.

При действии смешанных избирательных систем влияние квот также нельзя назвать убедительным. Например, в Непале действует параллельная смешанная система (мажоритарная и пропорциональная с закрытыми списками), что привело к сильному разрыву между целью и достижением (50 и 34 % соответственно) [Nepal's ptofile... , 2025].

Для эффективности гендерных квот большое значение имеет также тип партийной системы. В однопартийных системах руководство партии часто предпринимает шаги по повышению уровня представительства женщин в целях демонстрации своей прогрессивности, открытости вызовам времени [Bush, Zetterberg, 2021]. В многопартийных системах инновации в одной партии могут стимулировать подражание и копирование со стороны партий-конкурентов [Caul, 2001]. В то же время большое количество партий в целом негативно влияет на электоральные перспективы женщин, потому что каждой партии становится доступно меньше мандатов в парламенте и они делают ставку на мужчин [Belscher, 2022]. Более сильные в организационном плане партии с устоявшейся и разветвленной структурой с большей вероятностью поддержат квоты, так как они могут создавать дополнительные возможности для участия женщин в политике и их профессионального роста посредством организации специальных внутрипартийных комитетов [Bjarnergard, Zetterberg, 2011].

3. Получение голосов избирателей в ходе голосования

До сих пор в массовом сознании граждан даже в демократических странах, декларирующих толерантность и готовность повышать представительство различных социальных групп в политике, доминирует классическая парадигма политического лидерства, акцентирующая значение определенных качеств для политика, находящегося на вершине властной иерархии. Неслучайно во всех странах в процессе принятия политических решений участвуют в основном только мужчины среднего возраста из доминирующей этнической, социальной и экономической элиты. Избиратели часто ценят в политиках, претендующих на лидерские позиции, смелость, амбициозность, решительность, но не наделяют этими чертами женщин-политиков, которые, наоборот, если и демонстрируют такие черты, то вызывают скорее отторжение и критику. Сильная связь политического лидерства с чертами характера, приписываемыми мужчинам, определяет в итоге и гендерный состав лидеров в мире.

Один из наиболее известных примеров — это статистика по всей выборной кампании 2008 г. в США (праймериз Клинтон/Обама). Согласно опросу, проведенному в тот период исследовательским центром Pew Research Center среди 1501 человека взрослого населения, 71 % опрошенных заявили, что для них не имеет значения, будет ли кандидат в президенты женщиной; 19 % сказали, что с большей вероятностью проголосуют за женщину-кандидата, 9 % — с меньшей вероятностью. И тем не менее в «супервторник» молодые женщины отдали предпочтение Обама — 53 % против 45 % в пользу Клинтон, и ни в одном штате, кроме родного для Клинтон Арканзаса, где за нее проголосовало более 60 % женщин, голоса женщин были не в ее пользу (везде менее 50 %).

В электоральном поведении граждан просматриваются разные подходы. Один из них основан на исследовании устойчивых паттернов голосования, которые существуют как в странах, так и на уровне разных регионов внутри страны, а именно насколько электоральное поведение граждан отражает влияние локальной политической среды, включая случаи, когда отдельный гражданин имеет взгляды, отличные от своего окружения, но в момент выборов он, вероятнее всего, подчинится доминирующему в его районе мнению, поскольку никто не желает выделяться из толпы. Пространственная модель электорального поведения граждан в различных районах Франции активно анализировалась в ходе и после выборов 2022 г. [Захарова, 2021; Григорьева, Жохова, 2022].

Во многом по этой причине женщины, стремящиеся добиться лидерских позиций, намеренно демонстрируют или пытаются демонстрировать наличие ценных избирателями черт характера, стремятся не соответствовать традиционным гендерным стереотипам в своих поступках, одновременно стараясь не разрушить ожидаемый образ женственности во внешности и личной жизни [Жохова, 2023]. Достичь такого баланса крайне сложно, потому что гендерные ожидания чрезвычайно сильны именно в политике, они культурно укоренены и неформально поддерживаются, несмотря на все формальные попытки их преодолеть.

Заключение

Политическое лидерство является наиболее сложной проблемой в вопросах гендера, потому что оно полностью зависит от общественных ожиданий: лидер связан со своими последователями и не получит поддержки, если не обладает легитимностью в их глазах. Акцентирование гендерной принадлежности лидера негативно сказывается на успехах женщин в этой роли, их ошибки и неудачи будут связываться с гендерной принадлежностью, что закрепляет предрассудки в сознании. В наиболее сложной ситуации оказываются женщины-лидеры, которые первыми достигают этой позиции в своей области. Их действия, решения, поступки оказываются в центре внимания, усиливается символический эффект, по сути, они лишаются права на ошибку, оценка обществом их деятельности будет впоследствии проецироваться на других женщин, претендующих на лидерские позиции.

Таким образом, складывается ситуация, при которой кандидат-женщина, пройдя сложный путь от принятия решения участвовать в политике, выдвижения от политической партии до голосования на выборах, сталкивается с самым сложноподолимым препятствием — получением поддержки консервативного в вопросах политического лидерства электората, не готового поддержать ее, если существует альтернатива. Альтернатива появляется благодаря действию определенной конфигурации институтов (избирательная и партийная системы), что в итоге создает парадокс: ориентированные на принцип демократичности и расширения представительства многопартийные системы при действии пропорциональной избирательной системы с открытыми списками сужают коридор карьерных возможностей для женщин, потому что предоставляют избирателю широкий выбор кандидатов, за которых они могут отдать голос, не нарушая свою политическую идентичность. Например, в открытом списке поддержать кандидатов-мужчин несмотря на то, что партия изначально предлагает гендерно сбалансированный набор.

Или отдать свой голос за кандидата от другой политической партии, но близкой по своей идеологии к той, за которую избиратель готов был проголосовать, если бы эта партия не выдвинула в качестве кандидата женщину.

В противоположность этому менее репрезентативные двухпартийные системы при действии мажоритарной системы относительного большинства институционально оказываются более перспективными для женщин-кандидатов, поэтому не оставляют избирателю возможности проголосовать за альтернативу без нарушения политической идентичности. Иначе говоря, если политическая партия выдвинула на выборы кандидата-женщину, что противоречит ожиданиям избирателей, они с высокой долей вероятности ее все-таки поддержат, так как отказ от голосования за нее будет означать рост шансов на победу у конкурирующей партии, что имеет более негативные последствия для сторонников партии (партийная идентичность оказывается важнее гендерных стереотипов).

Однако институциональный фактор не действует изолированно от социально-культурного фактора, социальные ожидания партийного руководства и электората также имеют большое значение. Руководители партий обоснованно опасаются, что избиратели не проголосуют за кандидата-женщину, и стараются застраховать риски, делая ставку на кандидатов-мужчин в одномандатных округах. Кроме того, значение имеет и качество институтов (структурированность партийной системы, волатильность предпочтений электората). В стабильных партийных системах с устоявшейся партийной идентичностью электората (для избирателя имеют значение ценности партии, а не личность кандидата) поддержка женщин-кандидатов с высокой долей вероятности будет выше, чем в неустоявшихся партийных системах (новые демократии, поставторитарные режимы), где личность политика, его авторитет в глазах избирателей имеют большее значение, чем партийная принадлежность.

В итоге следует констатировать, что проблема исключенности отдельных социальных групп из процесса принятия политических решений и занятия лидерских позиций в политической сфере остро встает в ситуации роста уровня демократизации политической системы, который автоматически не влечет за собой изменений социальных ожиданий, гендерной культуры, исчезновение стереотипов в отношении тех или иных групп. Институциональные изменения проходят более стремительно, правительства проводят политику по ускоренному включению социальных групп в политическую систему, законодательно формируют режим особого благоприятствования, но социально-культурная среда очень устойчива и часто входит в конфликт с институциональными трансформациями. В демократических системах этот конфликт проявляет себя наиболее остро, потому что волеизъявление на выборах не контролируется государством. Делая свой выбор, давая оценку работе политиков, граждане находятся не только под влиянием информационного потока, но и в плену своих стереотипов. Со временем происходит постепенное изменение отношения к тем или иным социальным группам, но, как представляется, политическое лидерство находится в конце списка, о чем убедительно свидетельствует гендерная асимметрия в политике. Нередко активность государства встречает сопротивление, что приводит к стигматизации и неприятию практики позитивной дискриминации.

Список источников

- Григорьева Н. С., Жохова А. А. Политическая риторика женщин-лидеров в избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г. // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 4. С. 48—58.
- Жохова А. А. Сравнительный анализ особенностей женского политического лидерства в Великобритании и Франции в XX—XXI вв.: проблемы и перспективы // *Вопросы политологии*. 2023. Т. 13, вып. 6, ч. 1. С. 2607—2615.
- Захарова Е. А. Влияние административно-территориальной реформы на электоральное поведение во Франции // *Международные процессы*. 2021. Т. 19, № 3. С. 123—146.
- Перес К. К. Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин: неравноправие, основанное на данных: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2022. 496 с.
- Aldrich A., Daniel W. The consequences of quotas: assessing the effect of varied gender quotas on legislator experience in the European Parliament // *Politics and Gender*. 2020. Vol. 16, iss. 3. P. 738—767.
- Belscher J. Electoral engineering in new democracies: strong quats and weak parties in Tunisia // *Government and Opposition*. 2022. Vol. 51, iss. 1. P. 108—125.
- Bhavnani R. Do electoral quotas work after they are withdrawn? Evidence from a natural experiment in India // *American Political Science Review*. 2009. Vol. 103, iss. 1. P. 23—35.
- Bjarnergard E., Zetterberg P. Removing quotas. Maintaining representation: overcoming gender inequalities in political party representation // *Representation*. 2011. Vol. 47, iss. 2. P. 187—199.
- Bush S., Zetterberg P. Gender quotas and international reputation // *American Journal of Political Science*. 2021. Vol. 65, iss. 2. P. 326—341.
- Caul M. Political parties and the adoption of candidate gender quates: a cross-national analysis // *The Journal of Politics*. 2001. Vol. 62, iss. 4. P. 1214—1229.
- Dahlerup D. *Has Democracy Failed Women?* Cambridge: Polity Press, 2018. 144 p.
- France's profile. United Nations Gender Quota Portal // UN Women. Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=44> (дата обращения: 27.09.2025).
- Global Gender Gap Report 2025 // World Economic Forum. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf (дата обращения: 27.09.2025).
- Hallman M. Gender quotes, women's representation and legislation diversity // *The Journal of Politics*. 2020. Vol. 82, iss. 4. P. 1271—1286.
- Henderson J., Sheagley G., Goggin S., Dancey L., Theodoridis A. Primary divisions: how voters evaluate policy and group differences in interparty contests // *The Journal of Politics*. 2022. Vol. 83, iss. 3. P. 1760—1776.
- Horner M., Fleming J. The motive to avoid success // *Motivation and Personality: Handbook of Thematic Content Analysis*. Cambridge University Press (UK), 1992. P. 179—189.
- India's profile. United Nations Gender Quota Portal // UN Women. Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=259> (дата обращения: 27.09.2025).
- Jalalzai F. Women rule: shattering the executive glass ceiling // *Politics and Gender*. 2008. Vol. 4, iss. 2. P. 205—231.
- Jankowski M., Marcinkiewicz R. Ineffective and counterproductive? The impact of gender quotes in open-list proportional representation systems // *Politics and Gender*. 2019. Vol. 15, iss. 1. P. 1—33.

- Kanthak K., Krause G. The Diversity Paradox: Political Parties, Legislatures, and the Organisational Foundations of Representation in America. New York: Oxford University Press, 2012. 224 p.
- Krook M., Lovenduski J., Squires J. Gender quotas and models of political citizenship // *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39, iss. 4. P. 781—803.
- Lu S. The electoral quota — a form of gender quota to increase women's participation in parliament: a quantitative study from a survey in the Middle East // *Journal of International Women's Studies*. 2020. Vol. 21, iss. 6. P. 391—404.
- Luxembourg's profile. United Nations Gender Quota Portal // UN Women. Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=64> (дата обращения: 27.09.2025).
- Maskett S. Learning from Loss: the Democrats 2016—2020. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 256 p.
- Nepal's profile. United Nations Gender Quota Portal // UN Women. Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=73> (дата обращения: 27.09.2025).
- Niven D. Party elites and women candidates. The shape of bias // *Women and Politics*. 1998. Vol. 19, iss. 2. P. 57—80.
- Norris P. Women's legislature participation in Western Europe // *Western European Politics*. 1985. Vol. 8, iss. 4. P. 90—101.
- O'Brien D., Rickne J. Gender quotas and women's political leadership // *American Political Science Association*. 2016. Vol. 110, iss. 1. P. 112—126.
- Paxton P., Hughes M. Women, Politics, and Power: a Global Perspective. Thousand Oaks (California): Pine Forge Press, 2007. 400 p.
- Reynolds A. Women in the legislature and executives of the world: knocking at the highest glass ceiling // *World Politics*. 1999. Vol. 51, iss. 4. P. 547—572.

References

- Aldrich, A., Daniel, W. (2020) The consequences of quotas: assessing the effect of varied gender quotas on legislator experience in the European Parliament, *Politics and Gender*, vol. 16, iss. 3, pp. 738—767.
- Belscher, J. (2022) Electoral engineering in new democracies: strong quotas and weak parties in Tunisia, *Government and Opposition*, vol. 51, iss. 1, pp. 108—125.
- Bhavnani, R. (2009) Do electoral quotas work after they are withdrawn? Evidence from a natural experiment in India, *American Political Science Review*, vol. 103, iss. 1, pp. 23—35.
- Bjarnegard, E., Zetterberg, P. (2011) Removing quotas. Maintaining representation: overcoming gender inequalities in political party representation, *Representation*, vol. 47, iss. 2, pp. 187—199.
- Bush, S., Zetterberg, P. (2021) Gender quotas and international reputation, *American Journal of Political Science*, vol. 65, iss. 2, pp. 326—341.
- Caul, M. (2001) Political parties and the adoption of candidate gender quotas: A cross-national analysis, *The Journal of Politics*, vol. 62, iss. 4, pp. 1214—1229.
- Dahlerup, D. (2018) *Has Democracy Failed Women?*, Cambridge: Polity Press.
- France's profile. United Nations Gender Quota Portal (2025), *UN Women*, Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union.

- As of January 1, 2025, available from <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=44> (accessed 27.09.2025).
- Global Gender Gap Report 2025 (2025), *World Economic Forum*, available from https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf (accessed 27.09.2025).
- Grigorieva, N. S., Zhokhova, A. A. (2022) Politicheskaia ritorika zhenshchin-liderov v izbiratel'noi kampanii po vyboram prezidenta Frantsii 2022 g. [Political rhetoric of women leaders in the French presidential election campaign 2022], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 48—58.
- Hallman, M. (2020) Gender quotes, women's representation and legislation diversity, *The Journal of Politics*, vol. 82, iss. 4, pp. 1271—1286.
- Henderson, J., Sheagley, G., Goggin, S., Dancy, L., Theodoridis, A. (2022) Primary divisions: How voters evaluate policy and group differences in interparty contests, *The Journal of Politics*, vol. 83, iss. 3, pp. 1760—1776.
- Horner, M., Fleming, J. (1992) The motive to avoid success, in: Smith, C. P. (ed.), *Motivation and Personality: Handbook of Thematic Content Analysis*, Cambridge University Press, UK, pp. 179—189.
- India's profile. United Nations Gender Quota Portal (2025), *UN Women*, Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025, available from <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=259> (accessed 27.09.2025).
- Jalalzai, F. (2008) Women rule: shattering the executive glass ceiling, *Politics and Gender*, vol. 4, iss. 2, pp. 205—231.
- Jankowski, M., Marcinkiewicz, R. (2019) Ineffective and counterproductive? The impact of gender quotes in open-list proportional representation systems, *Politics and Gender*, vol. 15, iss. 1, pp. 1—33.
- Kanthak, K., Krause, G. (2012) *The Diversity Paradox: Political Parties, Legislatures, and the Organisational Foundations of Representation in America*, New York: Oxford University Press.
- Krook, M., Lovenduski, J., Squires, J. (2009) Gender quotes and models of political citizenship, *British Journal of Political Science*, vol. 39, iss. 4, pp. 781—803.
- Lu, S. (2020) The electoral quota — a form of gender quota to increase women's participation in parliament: A quantitative study from a survey in the Middle East, *Journal of International Women's Studies*, vol. 21, iss. 6, pp. 391—404.
- Luxembourg's profile. United Nations Gender Quota Portal (2025), *UN Women*, Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025, available from <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=64> (accessed 27.09.2025).
- Masket, S. (2020) *Learning from Loss: the Democrats 2016—2020*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nepal's profile. United Nations Gender Quota Portal (2025), *UN Women*, Last updated, January 1, 2025. Data source for women's representation: Inter-Parliamentary Union. As of January 1, 2025, available from <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=73> (accessed 27.09.2025).
- Niven, D. (1998) Party elites and women candidates. The shape of bias, *Women and Politics*, vol. 19, iss. 2, pp. 57—80.
- Norris, P. (1985) Women's legislature participation in Western Europe, *Western European Politics*, vol. 8, iss. 4, pp. 90—101.
- O'Brien, D., Rickne, J. (2016) Gender quotes and women's political leadership, *American Political Science Association*, vol. 110, iss. 1, pp. 112—126.
- Paxton, P., Hughes, M. (2007) *Women, Politics, and Power: A Global Perspective*, Thousand Oaks, California: Pine Forge Press.

- Peres, K. K. (2022) Nevidimye zhenshchiny: pochemu my zhivëm v mire, udobnom tol'ko dl'a muzhchin: Neravnopravie, osnovannoe na dannyykh [Invisible women: exposing data bias in a world designed for men], Moscow: Al'pina Publisher.
- Reynolds, A. (1999) Women in the legislature and executives of the world: knocking at the highest glass ceiling, *World Politics*, vol. 51, iss. 4, pp. 547—572.
- Zakharova, Ye. A. (2021) Vliianie administrativno-territorial'noï reformy na èlektoral'noe povedenie vo Frantsii [The impact of administrative-territorial reform on electoral behavior in France], *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 19, no. 3, pp. 123—146.
- Zhokhova, A. A. (2023) Sravnitel'nyĭ analiz osobennostey zhenskogo politicheskogo liderstva v Velikobritanii i Frantsii v XX—XXI vv.: problemy i perspektivy [Comparative analysis of the features of women's political leadership in the Great Britain and France in the 20th — 21st centuries: problems and prospects], *Voprosy politologii*, vol. 13, iss. 6, pt. 1, pp. 2607—2615.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 22.10.2025.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 22.10.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Михайлова Ольга Владимировна — доктор политических наук, профессор, Университет МГУ — ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, КНР; профессор кафедры политического анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, mikhaylova@spa.msu.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Shenzhen MSU — BIT University, Shenzhen, People's Republic of China; Professor at the Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Петропольский Дмитрий Игоревич — соискатель кафедры социологии управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, dip.txt@gmail.com (Applicant at the Department of Sociology of Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 38—53.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 38—53.

Научная статья

УДК 001.1-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/wiutro>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.3

ЦИФРОВАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО: ЛИЧНЫЙ БРЕНД И АКАДЕМИЧЕСКАЯ РЕПУТАЦИЯ

Анастасия Владимировна Швецова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия, shvetsovaav@mail.ru

Аннотация. Телеграм-каналы становятся важным инструментом формирования личного бренда женщин-ученых, однако материалов о том, какова механика функционирования этих площадок, какие темы фигурируют в качестве ключевых и как это глобально влияет на академическую репутацию исследователей, практически нет. Цель работы — выявление и анализ ключевых тем контента в данных каналах, через призму которых конструируется личный бренд авторов и их академическая репутация. Установлено, что в контенте российских исследовательниц ядро академической идентичности («исследование») глубоко интегрировано с социально значимыми темами («женщина», «человек», «семья», «ребенок») и прагматическими аспектами («бизнес», «рынок», «доход», «медиа»). Тематическое моделирование структурировало контент в пять взаимосвязанных тем, демонстрируя целостность цифрового образа: академическую коммуникацию и культурный контекст; социально-демографические исследования; родительство и семейные ценности; инновации и коммерциализацию науки; академическую инфраструктуру и технологии. Анализ специфики самопрезентации показал интеграцию приватного и профессионального через включение темы семьи и родительства, отражающей вызовы совмещения карьеры и личной жизни; совмещение экспертности и эмоциональности через активное использование личных историй; инструментальное использование термина «женщина» для репрезентации (объект исследования, социальная категория, идентичность) при отсутствии явного акцента на гендерном неравенстве; индивидуализацию личного бренда (минимум упоминаний коллаборации, акцент на личных достижениях); формирование академической репутации через прикладные исследования и интеграцию науки в практику. Кроме того, наши данные позволяют предположить существование потенциального риска снижения восприятия академической строгости из-за перекоса в сторону приватного и эмоционального контента. Популярность телеграм-каналов может рассматриваться как стратегия к расширению «коллаборативных

кругов», хотя существующий акцент на индивидуализацию указывает на начальные этапы этого процесса. Исследование эмпирически подтверждает сложность конструирования профессиональной субъектности в цифровом пространстве.

Ключевые слова: женщины-ученые, телеграм-канал, наука, анализ данных, Python, личный бренд, цифровизация

Для цитирования: Швецова А. В. Цифровая самопрезентация женщины-ученого: личный бренд и академическая репутация // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 38—53.

Original article

DIGITAL SELF-PRESENTATION OF WOMEN SCIENTISTS: PERSONAL BRAND AND ACADEMIC REPUTATION

Anastasia V. Shvetsova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, shvetsovaav@mail.ru

Abstract. Telegram channels are becoming an important tool for building the personal brand of women scientists. However, there is virtually no data on how these platforms function mechanically, what topics feature as key themes, or how they globally impact researchers' academic reputations. This study aims to identify and analyze the key content themes in these channels through which authors construct their personal brand and academic reputation. The methodology included parsing and automated content analysis of Telegram channels of Russian women scientists (frequency analysis, TF-IDF, topic modeling) using Python (version 3.13). A total of 1,486 messages from 10 personal Telegram channels were collected and analyzed. The core of academic identity ("research") is deeply integrated with socially significant themes ("woman", "person", "family", "child") and pragmatic aspects ("business", "market", "income", "media"). Topic modeling structured the content into five interconnected themes, demonstrating the integrity of the digital image: Academic Communication and Cultural Context; Socio-Demographic Research; Parenthood and Family Values; Innovation and Science Commercialization; Academic Infrastructure and Technology. Analysis of self-presentation specifics revealed: integration of private and professional spheres through family and parenthood themes, reflecting career-life balance challenges; blending expertise and emotionality via personal narratives; instrumental use of the term "woman" for representation (research object, social category, identity) without explicit focus on gender inequality; personal brand individualization (minimal collaboration mentions, emphasis on personal achievements); formation of academic reputation through applied research and science-practice integration. Additionally, the author's data suggests a potential risk of undermining perceived academic rigor due to skew toward private and emotional content. The popularity of Telegram channels may reflect a strategy for expanding "collaborative circles", though the current emphasis on individualization indicates early stages of this process. The study empirically confirms the complexity of constructing professional identity in digital space.

Key words: women in science, Telegram channel, science, data analysis, Python, personal branding, digitalization

For citation: Shvetsova, A. V. (2025) Tsifrovaya samoprezentatsiia zhenshchiny-uchëno: lichnyĭ brend i akademicheskaya reputatsiia [Digital self-presentation of women scientists: personal brand and academic reputation], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 38—53.

Введение

Практики цифровой самопрезентации становятся неотъемлемым элементом профессиональной деятельности ученого. Для женщин в науке, сталкивающихся с вызовами недостаточной видимости и признания, активность в цифровой среде приобретает особое значение, трансформируясь из простого инструмента популяризации в стратегический ресурс конструирования профессиональной идентичности, управления академической репутацией и формирования личного бренда. Эти процессы особенно заметны в сфере социальных наук, где личность исследователя, его ценности и мировоззрение часто тесно переплетены с предметом изучения, что делает вопросы имиджа особенно значимыми. Между тем ведение персональных аккаунтов (создание контента, привлечение аудитории) само по себе является работой и требует существенных временных затрат. Это обстоятельство поднимает глобальный вопрос об эффективности и целесообразности «инвестиций» в создание персональных цифровых профилей и их влиянии на научную карьеру женщины-ученого (репутацию, цитируемость, популяризацию идей, взаимодействие с коллегами и др.). В рамках данного исследования осуществляется поиск прикладных инструментов анализа социальных сетей для решения более узкого вопроса: какие темы доминируют в телеграм-каналах российских женщин-ученых и как они могут влиять на академическую репутацию?

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами: глобальным запросом на повышение видимости и авторитета женщин в науке; растущей конкуренцией в академической среде, где эффективный личный бренд становится важным конкурентным преимуществом; уникальной ролью платформы Telegram в российском медиапространстве, которая благодаря своей популярности у интеллектуальной аудитории, формату длинных постов (так называемых телеграм-каналов) и относительной свободе контента стала значимой площадкой для публичной интеллектуальной деятельности. На сегодняшний день специфика стратегий, используемых российскими женщинами-учеными в рамках их персональных телеграм-каналов, остается неизученной. Неясно, какие именно тематические направления они выбирают для представления себя, как сочетают демонстрацию научной экспертизы с выражением личной позиции и как эти практики в совокупности влияют на формирование их профессионального образа. Цель работы — выявление и анализ ключевых тем контента в данных каналах, через призму которых конструируется личный бренд авторов и их академическая репутация.

Поскольку нам не удалось найти исследований, имеющих сходже с нашей цели или методы, очертим ближайший круг работ. Анализ научных публикаций позволяет сделать вывод о растущем интересе ученых к телеграм-каналам как базе данных по широкому спектру вопросов. Классической работой об участии ученых в онлайн-сетях и презентации результатов своей деятельности является статья Дж. Велетсианоса и Р. Киммонса, посвященная взаимосвязи научной практики и технологий [Veletsianos, Kimmons, 2012]. Они приходят к выводу, что технокультурное давление подталкивает ученых к пересмотру принципов организации работы и возникновению феномена сетевой партиципаторной науки — участия ученых в онлайн-сетях для обмена мнениями, размышления,

критики, улучшения, подтверждения и иного развития своих результатов. Еще одним часто цитируемым источником является аналитический отчет Д. Луптон [Lupton, 2014], в котором представлены результаты международного онлайн-опроса 711 ученых об использовании ими социальных сетей в рамках их работы (2014 г.). Результаты дают представление о сложности стратегий использования учеными социальных сетей и о тех преимуществах, которые они получили в своей академической работе (установление академических связей, открытость и обмен информацией, популяризация и развитие исследований, получение поддержки). Однако у сетевой активности есть и обратная сторона. Опасения автора связаны с вопросами неприкосновенности частной жизни и размыванием границ между личным и профессиональным временем, плагиатом, авторским правом, а также риском поставить под угрозу свою карьеру из-за «неразумного использования социальных сетей».

В российском сегменте исследования телеграм-каналов охватывают широкий круг тем, но особенно популярны экспертизы политическая [Казанин, 2017; Ляховенко 2022; Ибрагимова, Исрафилов, 2023; Меркушева и др., 2024; Самойлов, 2025] и лингвистическая [Кожухова, Кошкарова, 2023; Саламова, 2023; Лазутова, Малахов, 2024]. В частности, политологи Кубанского государственного университета исследуют способы конструирования имиджа политических деятелей в социальных сетях, уделяя также внимание специфике женской репрезентации [Гнедаш, 2022; Бирючева и др., 2024]. К. Кузьмин и коллеги анализируют политические телеграм-каналы на предмет тематических паттернов, формирующих политический бренд кандидата в президенты РФ [Кузьмин и др., 2024]. Исследования телеграм-каналов, связанных с функционированием и развитием науки в нашей стране, единичны. С точки зрения анализа механизмов доведения научных результатов до широкой аудитории интерес представляет работа Н. Прокофьевой и Е. Щегловой (Санкт-Петербургский государственный университет), фокусирующаяся на проблеме резистентности к возражению в научно-популярном дискурсе [Прокофьева, Щеглова, 2024]. Отдельно стоит упомянуть исследование А. Афанасьевой (РЭУ им. Г. В. Плеханова) [Афанасьева, 2024], в котором автор освещает потенциал влияния телеграм-каналов преподавателей на имидж вуза и делает вывод о недостаточной конвертации влияния профессуры в пространство новых медиа.

Методологически мы опираемся на идею о значимости стратегии построения личного бренда для современных ученых. В этой связи стоит отметить работу Дж. Н. Паркера и У. Корте, в которой авторы анализируют факторы, объясняющие различия в успешности и влиянии высокотворческих групп («коллаборативных кругов») в науке и искусстве [Parker, Corte, 2017]. Развивая концепцию «стратегических полей действия», они рассматривают «коллаборативные круги» в качестве акторов внутри таких полей, борющихся за признание, ресурсы и доминирование. Ключевой тезис заключается в том, что успешность круга зависит от его способности стратегически позиционировать себя и действовать в рамках существующего поля (мобилизовывать ресурсы, формировать коалиции, соответствовать (или умело маневрировать) институциональным ожиданиям и доминирующим определениям ценности интеллектуального труда). Эта концепция важна для понимания сути личного бренда ученого, так как

подчеркивает, что академическая репутация и влияние строятся не только на качестве работы, но и на стратегическом позиционировании и управлении восприятием в рамках «стратегического поля» академии и публичной сферы. В технологичной среде, когда реальное взаимодействие часто замещается виртуальным, имеет смысл говорить о цифровизации «коллаборативных кругов». Мессенджеры предоставляют куда более широкие возможности (по сравнению с традиционными — симпозиумами, конференциями, семинарами и прочими площадками) для развития «стратегических полей» действия, однако появляется проблема качества и глубины возникающих научных связей, что в итоге вновь возвращает нас к вопросу о влиянии цифровой самопрезентации на академическую карьеру женщин-ученых.

Методы сбора и анализа данных

Наше исследование посвящено анализу стратегий цифровой самопрезентации женщин-ученых в публичном пространстве мессенджера Telegram, с фокусом на взаимосвязи ключевых тем и их потенциальном эффекте для академической репутации. Мы применили комплекс методов вычислительного анализа текстовых данных. В качестве источников выступили публичные телеграм-каналы, отобранные по следующим критериям: автор канала должен открыто позиционировать себя как действующего ученого, контент должен быть публично доступен без ограничений подписки, а сам канал — находиться в активном состоянии (подтверждается публикациями не старше одного месяца на момент начала сбора данных). Текстовый контент (посты) с отобранных каналов собирался автоматизированно с использованием языка программирования Python (версия 3.13) и специализированных библиотек для работы с Telegram API и охватил всю доступную историю публикаций. Итоговая выборка включает 10 телеграм-каналов, созданных женщинами-учеными преимущественно из сферы социальных наук; общий объем проанализированных текстовых сообщений составил 1486 единиц.

Чтобы выявить паттерны самопрезентации, ключевые темы и языковые особенности контента, мы последовательно применили ряд методов компьютерного анализа текста (Python 3.13). На первом этапе собранные тексты прошли стандартную предобработку. Она включала токенизацию (разбиение текста на отдельные слова), приведение слов к нижнему регистру, удаление стоп-слов (частотных, но малосодержательных слов русского языка), лемматизацию (приведение слов к их словарной, начальной форме), а также очистку от цифр, пунктуации и имен собственных. На подготовленном таким образом корпусе текстов был проведен частотный анализ, позволивший определить наиболее употребимые леммы (слова в нормальной форме). Результаты этого анализа легли в основу визуализации ключевых терминов в виде облака слов, где размер каждого слова наглядно отражает частоту его использования, что дает интуитивное представление о центральных концепциях в дискурсе женщин-ученых. Для определения терминов, наиболее значимых и уникальных для конкретных авторов по сравнению со всей коллекцией каналов, мы использовали метрику TF-IDF (Term Frequency — Inverse Document Frequency). Этот метод позволяет определить, какие термины являются не просто частотными, но и дифференцирующими

для конкретного автора (или небольшой группы) по сравнению со всей коллекцией каналов. Принцип TF-IDF заключается в том, что он присваивает термину высокий вес, если тот часто встречается в документах одного автора (высокая Term Frequency, TF), но редко встречается в документах других авторов (высокая Inverse Document Frequency, IDF). Таким образом, TF-IDF эффективно выделяет лексические «визитные карточки» — слова, которые особенно характерны и значимы для дискурса женщин-ученых в нашей выборке.

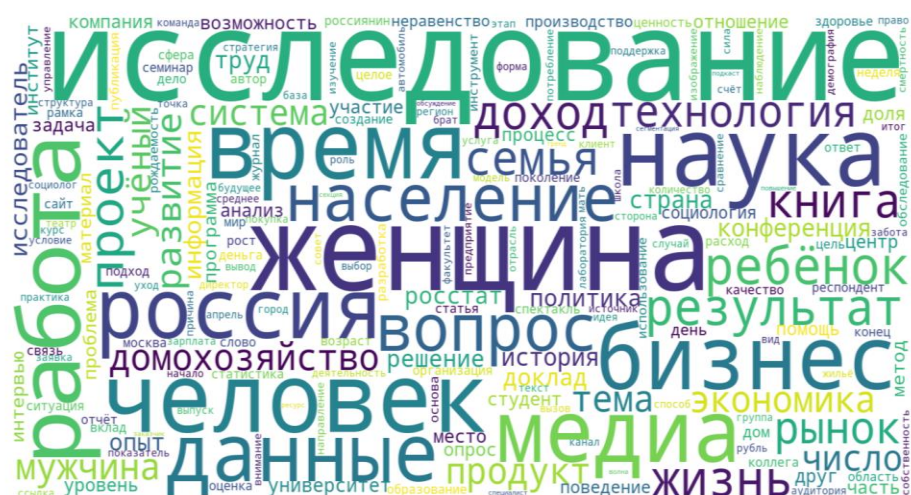
Далее был применен алгоритм Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA), который статистически группирует слова, часто встречающиеся вместе, в устойчивые «темы». Тематическое моделирование LDA автоматически обнаруживает группы слов (темы), часто встречающихся вместе в документах коллекции (корпуса), исходя из предположения, что каждый документ представляет собой смесь нескольких тем. В нашем исследовании LDA позволило структурировать обширный корпус сообщений Telegram в пять интерпретируемых тематических кластеров.

Важно осознавать методологические ограничения данного исследования. Относительно небольшой размер выборки (10 каналов, 1486 сообщений) и способ ее формирования (без использования алгоритмического поиска, по ключевым словам) ограничивают возможности широкой генерализации выводов на всю популяцию женщин-ученых в России. Существенным фактором является и дисциплинарная специфика: все авторы отобранных каналов представляют социальные науки. Это означает, что полученные результаты могут быть смещены в сторону тем, характерных именно для данной области знания (социальные, культурные, гендерные проблемы), и их применимость к женщинам-ученым из естественно-научных или технических дисциплин требует дополнительной проверки. Наше исследование также сфокусировано исключительно на платформе Telegram, следовательно, стратегии самопрезентации в других цифровых средах (социальные сети, блоги и т. д.) могут существенно отличаться. Сосредоточенность на текстовом контенте означает, что мы не анализировали визуальные элементы (изображения, видео), играющие важную роль в самопрезентации, а также не оценивали тональность текстов (сентимент). Кроме того, исследование не охватывает анализ характеристик аудитории или показателей вовлеченности (лайки, комментарии), которые могли бы дать ценный контекст для понимания восприятия контента. Учет этих ограничений является неотъемлемой частью интерпретации полученных результатов. Тем не менее проведенный комплексный анализ позволяет установить ключевые лингвистические и тематические паттерны, характеризующие цифровую самопрезентацию женщин-ученых в социальных науках на платформе Telegram, и закладывает основу для понимания стратегий конструирования их личного бренда и академической репутации в онлайн-пространстве.

Результаты

Анализ ключевых терминов: картирование дискурса через облако слов

Первым шагом в анализе результатов стало построение и интерпретация облака слов (рис. 1) на основе наиболее частотных лемм во всем корпусе из 1486 сообщений. Визуализация предоставила наглядную картину ключевых концептов, доминирующих в цифровой самопрезентации женщин-ученых в Telegram.

Одновременно с этим облако слов ярко высветило включение личного и социального контекста. Значительную частотность показали термины, описывающие демографические и социальные категории, а также повседневные реалии: «женщина», «человек», «мужчина», «семья», «ребенок», «население», «поколение», «отношения», «жизнь», «время», «работа», «опыт». Особенно показательным присутствием терминов, связанных с гендерной и семейной тематикой («женщина», «семья», «ребенок», «рождаемость»), что согласуется с дисциплинарным профилем выборки (социальные науки) и может указывать на актуальность этих тем как в профессиональных исследованиях, так и в личном осмыслении роли женщины-ученого. Упоминание «Росстат» подчеркивает работу с официальной статистикой, характерную для социальных исследований.

Кроме того, в облаке четко представлены аспекты коммуникации и распространения знаний: «медиа», «аудитория», «информация», «интервью», «опрос», «книга». Это свидетельствует о том, что самопрезентация включает не только описание исследовательской работы, но и рефлексию о способах взаимодействия с обществом, популяризации науки и работе с общественным мнением. Термины «задача», «результат», «развитие», «система», «технология», «политика»

отражают процессуальный и системный характер как научной деятельности, так и обсуждаемых социальных явлений.

Таким образом, облако слов рисует комплексную картину дискурса: ядро профессиональной идентичности («ученый», «исследование», «наука») тесно переплетено с социальной позицией («женщина», «семья», «ребенок») и активно включает темы публичной коммуникации и практического применения знания («медиа», «аудитория», «бизнес»). Этот синтез ключевых концептов служит первым указанием на стратегии построения личного бренда, который интегрирует академическую компетентность с социально значимыми темами и личным опытом.

Частотный анализ: иерархия ключевых концептов в дискурсе

Углубляя картину, полученную из облака слов, мы провели детальный частотный анализ, выявивший топ-30 наиболее употребляемых существительных (лемм) во всем корпусе сообщений. Этот анализ позволил не только подтвердить, но и уточнить иерархию значимости ключевых концептов в цифровой самопрезентации женщин-ученых и выявить нюансы, менее очевидные при визуализации. Результаты частотного анализа (рис. 2) демонстрируют устойчивое ядро профессиональной идентичности — микс исследовательской деятельности и контекста научной работы. Термины «исследование» (наиболее частотное), «данные», «результат», «вопрос», «анализ», «проект» подчеркивают фокус на процессе и продуктах научной работы. Высокая частотность слов «наука» и «ученый» постоянно актуализирует принадлежность авторов к научному сообществу. Упоминания контекста («университет», «конференция», «публикация», «статья» (из облака слов, поддерживаемые частотностью смежных терминов) фиксируют институциональную и коммуникативную среду, в которой существует ученый.

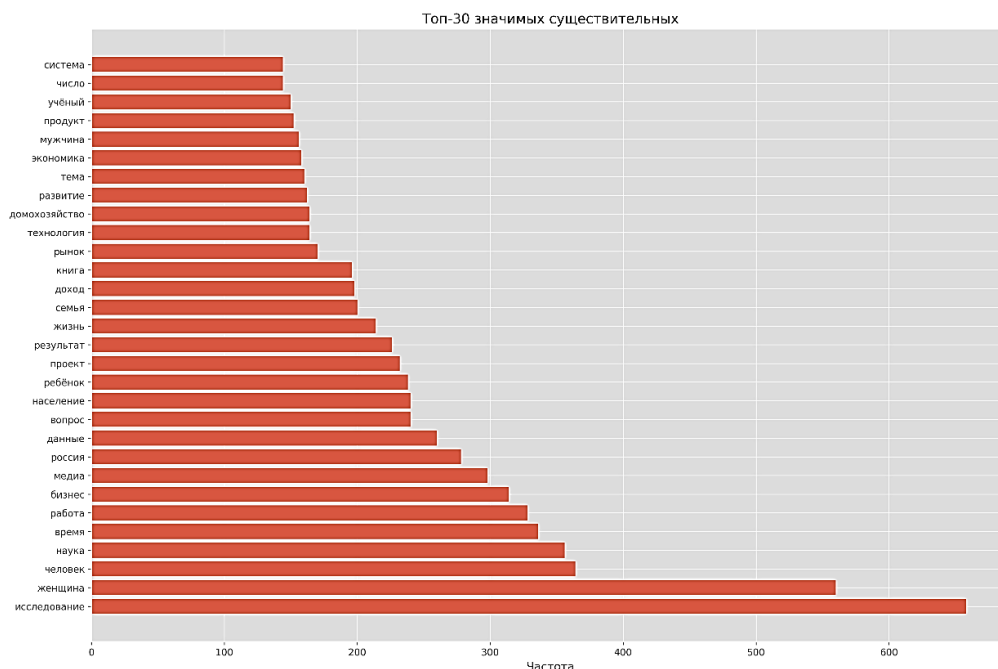

Рис. 2. Результаты частотного анализа распределения ключевых слов

Однако частотный анализ также усиливает видимость важных тематических кластеров, выявленных ранее:

1) социально-демографический фокус. Термины «человек», «женщина», «мужчина», «население», «семья», «ребенок», «поколение», «домохозяйство» подтверждают глубокую вовлеченность авторов в социальную проблематику. Особенно значимо устойчивое присутствие лексики гендерной («женщина», «мужчина») и семейной («семья», «ребенок»);

2) экономические и прикладные аспекты. Высокие позиции слов «бизнес», «рынок», «продукт», «доход», «экономика» (усилившейся в топе), «работа» указывают на то, что дискурс активно включает обсуждение экономических реалий, рынков труда, благосостояния и практического применения знаний. «Домохозяйство» дополняет эту картину, связывая экономику с повседневной жизнью;

3) системность и процессы. Термины «система» (заметно усилил позицию), «развитие», «технология», «время», «жизнь», «опыт» отражают стремление описывать явления и свою деятельность в рамках системного, процессуального и временного контекстов;

4) коммуникация и информация. Слова «медиа», «информация», «книга», «вопрос» (как ключевой элемент диалога) подчеркивают важность аспектов распространения знания и взаимодействия с аудиторией.

Таким образом, частотный анализ позволяет зафиксировать абсолютное лидерство слова «исследование», что подчеркивает позиционирование себя как активного исследователя, генератора нового знания. Состав и высокие позиции терминов «женщина», «семья», «население», «домохозяйство», «экономика», «рынок», «доход» однозначно маркируют дисциплинарную принадлежность авторов к социальным и экономическим наукам, определяя специфику обсуждаемых проблем. Частотный анализ также наглядно показывает, что базовые исследовательские концепты («исследование», «данные», «наука») органично переплетаются с социальными категориями («женщина», «семья») и экономической лексикой («бизнес», «доход», «рынок»). Это свидетельствует о стратегии построения личного бренда, который не замыкается в «башне из слоновой кости», а активно связывает академическую деятельность с актуальными социальными и экономическими вопросами. Рост значимости слова «система» в топе указывает на важность системного подхода и мышления как характерной черты дискурса этих ученых. Частотный анализ количественно подтвердил и детализировал картину, намеченную облаком слов. Он выявил четкую иерархию терминов, где ядро профессиональной идентичности неизменно доминирует, но глубоко интегрировано с лексикой, отражающей их специфическую предметную область (социальные проблемы, экономика, семья) и практические аспекты работы. Этот лингвистический паттерн выступает в качестве фундаментального для стратегии цифровой самопрезентации, объединяющей академическую репутацию с социально ориентированным и прикладным личным брендом.

Анализ уникальных лексических маркеров

Для установления уникальных лексических маркеров индивидуальных стратегий мы применили TF-IDF анализ (рис. 3). Высокий вес TF-IDF означает, что слово часто встречается в конкретном документе, но редко в других, т. е.

оно специфично для данного документа. Результаты (топ-10 терминов с наибольшим средним весом TF-IDF) показали, что, несмотря на общее ядро («исследование» и «наука» остаются высокосignимыми и уникальными для авторов как группа), исследовательницы расставляют индивидуальные акценты. Высокий вес TF-IDF у терминов «женщина» и «человек» подтвердил, что фокус на антропоцентричных и гендерных темах является не только частым, но и важным отличительным элементом дискурса. Уникальность терминов «бизнес», «работа» и «книга» указала на то, что для части ученых обсуждение прикладных аспектов знаний (связь с бизнесом, рынком труда) и результатов интеллектуального труда (публикация книг) служит ключевым дифференциатором их личного бренда. Существенную уникальность показали слова «время» (рефлексия о ресурсах) и «Россия» (национальный контекст). Главным наблюдением стало доминирование термина «медиа» (с весом 295.1, значительно превосходящим остальные). Это указывает, что для, как минимум, одной (или нескольких) женщины-ученого в выборке тема медиа, коммуникации, взаимодействия с информационной средой и публичной сферой является центральной, уникальной «визитной карточкой» ее контента в Telegram. Этот акцент на медиа подчеркивает стратегию самопрезентации, где женщины позиционируют себя не только как исследователи, но и как активные участники медийного поля, эксперты по коммуникациям. Разнообразны уникальные «лексические портреты», отражающие специализацию, основные интересы и сознательные акценты в конструировании личного бренда и академической репутации, причем роль медиа как главного дифференцирующего фактора оказалась исключительно сильной.

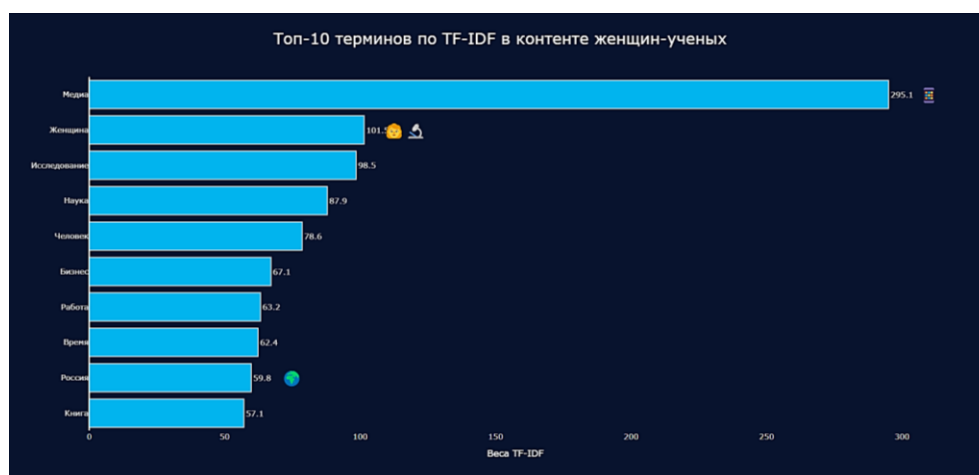

Рис. 3. Анализ уникальных лексических маркеров

Структурирование смысловых ландшафтов посредством тематического моделирования

Алгоритм латентного размещения Дирихле (LDA) позволяет проводить анализ глубинных, скрытых тематических структур в корпусе сообщений. Он позволил выделить пять устойчивых тематических кластеров, которые структурируют дискурс женщин-ученых в Telegram и отражают ведущие аспекты их цифровой самопрезентации:

1) академическую коммуникацию и культурный контекст. Контент направлен на популяризацию науки через призму культуры и образования. Ключевыми маркерами выступают обзоры спектаклей, журналов, книг, а также обсуждение образовательных и культурных инициатив. Тема отражает стратегию позиционирования себя не только как исследователя, но и как «культурного посредника», транслирующего научное знание в широкий публичный дискурс через доступные и творческие форматы;

2) социально-демографические исследования. Данный кластер концентрируется на ядре исследовательской деятельности авторов в социальных науках. Он включает анализ собственных и вторичных социологических данных, с особым фокусом на гендерных ролях (ключевые слова: «домохозяйство», «женщина») и критическом осмыслении повседневных практик. Эта тема является основой их профессиональной идентичности и экспертного бренда в области социального анализа;

3) родительство и семейные ценности. Тема фокусируется на взаимосвязи профессионального и приватного, характерной для дискурса женщин-ученых. Она включает обсуждение гендерных отношений, специфики российской семейной политики, практик родительства и вызовов совмещения карьеры и семьи. Ее присутствие в тематической модели подчеркивает, что личный опыт и социальная позиция женщины интегрируются в публичную самопрезентацию, становясь частью их целостного образа и экспертизы в социальных вопросах;

4) инновации и коммерциализацию науки. Этот кластер отражает прагматическую и предпринимательскую грань самопрезентации. Он охватывает темы внедрения научных разработок в бизнес-процессы, активного участия в конференциях как площадках нетворкинга и продвижения, а также практическую разработку продуктов или услуг на основе исследований. Тема демонстрирует стратегию построения бренда «ученого-практика», ориентированного на прикладную ценность знания и его рыночную востребованность;

5) академическую инфраструктуру и технологии. Эта тема акцентирует связь научной деятельности с современными технологическими трендами и медиасредой. Она включает обсуждение цифровизации исследований, использования новых инструментов, роли медиакommunikаций (включая сам телеграм-канал как инструмент) в продвижении науки и экспертного мнения. Это позиционирует ученого как компетентного актора цифровой эпохи, владеющего актуальными средствами производства и распространения знания.

Анализ связей между выделенными темами, основанный на совместной встречаемости ключевых слов и смысловом анализе контекстов, выявил взаимосвязанность этих аспектов самопрезентации, формирующую комплексный образ современной женщины-ученого (рис. 4). Ключевое слово «исследование» выступает мощным связующим звеном, особенно между академической коммуникацией, инновациями и академической инфраструктурой. Это подчеркивает, что продвижение культуры, внедрение в бизнес и использование технологий преподносятся не как самостоятельная деятельность, а как неотъемлемые результаты или инструменты исследовательского процесса, укрепляя ядро академической идентичности. Слово «жизнь» образует мост между академической коммуникацией и родительством, семейными ценностями. Эта связь символизирует,

что культурно-просветительские проекты (публичная сфера) часто осмысляются и презентуются через призму личного опыта, семейных ценностей и повседневных реалий (приватная сфера), создавая тем самым аутентичный и релевантный аудитории нарратив. Термин «человек» связывает академическую коммуникацию, родительство, семейные ценности и инновации, коммерциализацию. Это отражает фокус на человеке как конечном бенефициаре, объекте изучения и активном участнике всех процессов.

Тематическое моделирование подтвердило и структурировало основные выводы, полученные ранее. Оно выявило, что цифровая самопрезентация женщин-ученых в социальных науках строится вокруг пяти взаимосвязанных смысловых полей, каждое из которых вносит вклад в их личный бренд: от ядра исследовательской экспертизы (тема 2) до культурного посредничества (тема 1), рефлексии приватного опыта (тема 3), предпринимательского духа (тема 4) и технологической компетентности (тема 5). Глубокие связи между этими темами через универсальные концепты («исследование», «жизнь», «человек») демонстрируют не фрагментированность, а целостность и синтетичность их цифровой идентичности. Ученый предстает многогранной личностью, чья академическая репутация неразрывно связана с социальной вовлеченностью, личным опытом, практической ориентацией и активным участием в культурном и технологическом контексте своего времени. Эта способность интегрировать разнообразные аспекты жизни и деятельности в связный публичный нарратив является главной характеристикой их стратегии конструирования личного бренда в онлайн-пространстве Telegram.

Рис. 4. Результаты тематического моделирования телеграм-каналов женщин-ученых

Заключение

Проведенное исследование позволило зафиксировать специфические стратегии цифровой самопрезентации, формирующие личный бренд и академическую репутацию женщин-ученых. Частотный анализ и TF-IDF анализ подтвердили абсолютный приоритет термина «исследование» как ядра академической идентичности, одновременно выявив глубокую интеграцию социально значимых тем («женщина», «человек», «семья», «ребенок») и прагматических аспектов («бизнес», «рынок», «доход», «медиа»). Тематическое моделирование структурировало этот синтез в пять взаимосвязанных тем: академическую коммуникацию, социально-демографические исследования, родительство и семейные ценности, инновации и коммерциализацию, академическую инфраструктуру. Анализ связей между темами через ключевые концепты («исследование», «жизнь», «человек») демонстрирует целостность цифровой идентичности: академическая деятельность органично переплетается с социальной вовлеченностью, личными ценностями, предпринимательским духом и технологической подкованностью.

Полученные результаты свидетельствуют о следующих основных особенностях цифровой самопрезентации женщин-ученых.

1. Интеграция приватного и профессионального. Включение тематики родительства и семейных ценностей отражает вызовы совмещения научной карьеры и личной жизни, делая этот опыт видимой частью публичного нарратива и экспертизы в социальной сфере.

2. Совмещение экспертности и эмоциональности. Ученые активно используют личные истории и эмоциональные суждения, особенно в темах, связанных с семьей, культурой и социальными проблемами, создавая аутентичный и релевантный образ, не отказываясь от научного фундамента.

3. Отсутствие явного акцента на гендерном неравенстве. Несмотря на доминирование слова «женщина» в дискурсе (подтвержденное частотным анализом и TF-IDF), отсутствует явный акцент на обсуждении гендерного неравенства как системной проблемы. Термин «женщина» используется преимущественно как инструмент репрезентации — для обозначения объекта исследования, социальной категории или собственной идентичности в контексте обсуждения семьи, работы или демографии, а не как отправная точка для феминистской или критической повестки.

4. Индивидуализация бренда. Анализ выявил минимум терминов, указывающих на коллаборации. Это, в сочетании с результатами TF-IDF, подчеркивает стратегию «индивидуализации личного бренда», когда акцент делается на личных достижениях, экспертизе и уникальном взгляде, а не на коллективной научной деятельности или принадлежности к институции.

5. Целенаправленное формирование академической репутации через демонстрацию прикладных исследований и активную интеграцию науки в практику. Это проявляется в лексике («бизнес», «продукт», «рынок») и тематике, ориентированной на практическую ценность знаний и взаимодействие с неакадемическими сферами.

6. Потенциальный риск, который несет выявленная стратегия, в виде перекоса в сторону «приватного» (личные истории, темы семьи) и эмоционального.

При недостаточном акценте на методологической строгости или теоретических основах в публичном контенте этот перекося может влиять на восприятие академической серьезности и объективности частью профессионального сообщества или аудитории, ожидающей более традиционной академической подачи.

Таким образом, в своих телеграм-каналах российские женщины-ученые создают цифровую идентичность, где академическая репутация, базирующаяся на прикладных исследованиях и позиционировании себя как активного исследователя, неразрывно связана с социально ориентированным и персонализированным личным брендом. Цифровую самопрезентацию можно рассматривать как способ расширения «коллаборативных кругов», однако, судя по акценту на собственных достижениях в ущерб групповым, мы находимся на начальных этапах формирования этих кругов силы. Как было отмечено вначале, академическая репутация строится не только на качестве работы, но и на управлении восприятием в рамках «стратегического поля». Соответственно популярность телеграм-каналов у женщин-ученых может быть связана с интуитивным стремлением создать узнаваемый образ в поле стратегического взаимодействия. Данная работа эмпирически подтверждает сложность и специфику путей, посредством которых женщины-ученые формируют свою профессиональную субъектность в цифровом пространстве, однако методические ограничения позволяют делать лишь аккуратные предположения об истинных механизмах цифровой самопрезентации и ее влиянии на академическую репутацию.

Список источников

- Афанасьева А. Г.* Потенциал телеграм-канала преподавателя университета для развития имиджа вуза // *Филология: научные исследования*. 2024. № 10. С. 58—65.
- Бирючева Е. И., Гнедаш А. А., Рябченко Н. А.* Дискурсивные маркеры имиджеобразующей деятельности российских губернаторов в социальных медиа // *Общество: политика, экономика, право*. 2024. № 12. С. 24—34.
- Гнедаш А. А.* Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Политология. 2022. Т. 24, № 1. С. 64—89.
- Ибрагимова П. А., Исрафилов И. Р.* Роль телеграм-каналов в освещении общественно-политической жизни Республики Дагестан // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 2. С. 483—485.
- Казанин В. Е.* Телеграм-каналы как перспективная технология публичности власти // *Вопросы политологии*. 2017. № 3. С. 142—149.
- Кожухова И. В., Кошкарлова Н. Н.* Телеграм-канал М. Захаровой: языковые особенности // *Когнитивные исследования языка*. 2023. Вып. 3, ч. 2. С. 698—701.
- Кузьмин К. Н., Кравцов В. В., Шишков О. Г.* Развитие телеграм-канала в продвижении политического бренда // *Коммуникология*. 2024. Т. 12, № 3. С. 61—81.
- Лазутова Н. М., Малахов А. А.* Телеграм-каналы: новые или социальные медиа // *Вестник филологических наук*. 2023. Т. 3, № 12. С. 215—219.
- Ляховенко О. И.* Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. № 1. С. 114—144.
- Меркушева А. С., Тузова Е. А., Гришанин Н. В.* Цифровые технологии в формировании имиджа политической элиты Санкт-Петербурга // *Вестник Российского*

- университета дружбы народов. Сер.: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11, № 3. С. 312—319.
- Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Резистентность к возражению в научно-популярном дискурсе: продвигающий и новостной текст // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15, № 3. С. 735—754.
- Саламова З. К. Проблема конструирования экспертной позиции в социальных медиа и блогах // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 7, ч. 2. С. 251—267.
- Самойлов П. А. Роль telegram-каналов в трансформации политической экосистемы современного общества // Социодинамика. 2025. № 1. С. 69—84.
- Lupton D. «Feeling better connected»: academics' use of social media. Canberra: News & Media Research Centre, University of Canberra, 2014. 36 p. URL: <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2014-06/apo-nid39673.pdf> (дата обращения: 02.06.2025).
- Parker J. N., Corte U. Placing collaborative circles in strategic action fields: explaining differences between highly creative groups // Sociological Theory. 2017. Vol. 35, № 4. P. 261—287.
- Veletsianos G., Kimmons R. Networked participatory scholarship: emergent techno-cultural pressures toward open and digital scholarship in online networks // Computers and Education. 2012. Vol. 58, № 2. P. 766—774.

References

- Afanasyeva, A. G. (2024) Potentsial telegram-kanala prepodavatel'ia universiteta dlia razvitiia imidzha vuza [Potential of a university teacher's telegram channel for developing the university's image], *Filologiya: nauchnye issledovaniia*, no. 10, pp. 58—65.
- Biryucheva, Ye. I., Gnedash, A. A., Ryabchenko, N. A. (2024) Diskursivnye markery imidzheobrazuiushchei deiatel'nosti rossiiskikh gubernatorov v sotsialnykh media [Discursive markers of image-building activities of Russian governors in social media], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 12, pp. 24—34.
- Gnedash, A. A. (2022) Chetvertaia volna feminizma: politicheskii diskurs i lidery mnenii v sotsial'noi seti Twitter [The fourth wave of feminism: political discourse and opinion leaders on Twitter], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, seriia Politologiya*, vol. 24, no. 1, pp. 64—89.
- Ibragimova, P. A., Israfilov, I. R. (2023) Rol' telegram-kanalov v osveshchenii obshchestvenno-politicheskoi zhizni Respubliki Dagestan [The Role of telegram channels in covering socio-political life in the Republic of Dagestan], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 2, pp. 483—485.
- Kazanin, V. Ye. (2017) Telegram-kanaly kak perspektivnaia tekhnologiya publichnosti vlasti [Telegram channels as a promising technology for government publicity], *Voprosy politologii*, no. 3, pp. 142—149.
- Kozhukhova, I. V., Koshkarova, N. N. (2023) Telegram-kanal M. Zakharovoï: iazykovye osobennosti [M. Zakharova's telegram channel: linguistic features], *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3, pt. 2, pp. 698—701.
- Kuzmin, K. N., Kravtsov, V. V., Shishkov, O. G. (2024) Razvitie telegram-kanala v prodvizhenii politicheskogo brenda [Developing telegram channels for political brand promotion], *Kommunikologiya*, vol. 12, no. 3, pp. 61—81.
- Lazutova, N. M., Malakhov, A. A. (2023) Telegram-kanaly: novye ili sotsial'nye media [Telegram channels: new or social media], *Vestnik filologicheskikh nauk*, vol. 3, no. 12, pp. 215—219.

- Lupton, D. (2014) *“Feeling better connected”: academics’ use of social media*, Canberra: News & Media Research Centre, University of Canberra, available from <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2014-06/apo-nid39673.pdf> (accessed 02.06.2025).
- Lyakhovenko, O. I. (2022) Telegram-kanaly v sisteme èkspertnoï i politicheskoi kommunikatsii v sovremennoi Rossii [Telegram channels in expert and political communication systems in modern Russia], *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 1, pp. 114—144.
- Merkusheva, A. S., Tuzova, Ye. A., Grishanin, N. V. (2024) Tsifrovye tekhnologii v formirovanii imidzha politicheskoi èlity Sankt-Peterburga [Digital technologies in shaping the image of St. Petersburg’s political elite], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*, seriia Gosudarstvennoe i munitsipal’noe upravlenie, vol. 11, no. 3, pp. 312—319.
- Parker, J. N., Corte, U. (2017) Placing collaborative circles in strategic action fields: Explaining differences between highly creative groups, *Sociological Theory*, vol. 35, no. 4, pp. 261—287.
- Prokofieva, N. A., Shcheglova, Ye. A. (2024) Rezistentnost’ k vozrazheniiu v nauchno-populiarnom diskurse: prodvigaiushchiï i novostnoi tekst [Resistance to objection in science communication discourse: promotional and news texts], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*, seriia Teoriia iazyka, Semiotika, Semantika, vol. 15, no. 3, pp. 735—754.
- Salamova, Z. K. (2023) Problema konstruirovaniia èkspertnoi pozitsii v sotsial’nykh media i blogakh [Constructing expert positions in social media and blogs], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, seriia Literaturovedenie, Iazykoznanie, Kul’turologiia, no. 7, pt. 2, pp. 251—267.
- Samoilov, P. A. (2025) Rol’ telegram-kanalov v transformatsii politicheskoi èkossistemy sovremennogo obshchestva [Telegram channels’ role in transforming modern society’s political ecosystem], *Sotsiodinamika*, no. 1, pp. 69—84.
- Veletsianos, G., Kimmons, R. (2012) Networked participatory scholarship: Emergent technocultural pressures toward open and digital scholarship in online networks, *Computers and Education*, vol. 58, no. 2, pp. 766—774.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 07.07.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 07.07.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Швецова Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, shvetsovaav@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 54—70.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 54—70.

Научная статья

УДК 614-053.88

EDN: <https://elibrary.ru/vjmwnt>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.4

**ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР РАБОТЫ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН
ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА
И ПРОБЛЕМА ЕГО ПОДДЕРЖАНИЯ**

Наталия Сергеевна Григорьева¹, Татьяна Владимировна Чубарова²

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, griгорьева@spa.msu.ru

² Институт экономики, Российская академия наук,
г. Москва, Россия

Аннотация. Цель исследования — оценка потенциала здоровья работающих пенсионеров (женщин и мужчин) как фактора продолжения работы и возможностей его поддержания в условиях современного российского здравоохранения. Результаты показывают, что, с одной стороны, состояние здоровья является важным фактором, побуждающим пожилых граждан продолжать трудиться; с другой стороны, что имеются ограничения возможностей пользования медицинскими (здравоохранительными) услугами в связи с продолжением трудовой деятельности. В заключении сделан вывод о необходимости специализированного мониторинга состояния здоровья работающих женщин и мужчин пенсионного возраста и улучшения их доступа к медицинским услугам, в том числе разработки отдельной подпрограммы в рамках действующей программы «Активное долголетие».

Ключевые слова: здравоохранение, здоровье работающих пенсионеров, качественные интервью, активное долголетие, мониторинг состояния здоровья, доступность медицинской помощи

Для цитирования: Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Здоровье как фактор работы женщин и мужчин пенсионного возраста и проблема его поддержания // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 54—70.

Original article

HEALTH STATUS AS A FACTOR TO CONTINUE WORKING FOR WOMEN AND MEN OF RETIREMENT AGE AND THE PROBLEM OF ITS PROTECTION

Natalia S. Grigorieva¹, Tatiana V. Chubarova²

¹ Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation, grigorieva@spa.msu.ru

² Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The objective of the study is to examine the importance of health status as decision making factor for pensioners, both women and men, to continue working and to identify possible ways to maintain it, taking into account the socio-economic characteristics of the population group in question. The interviews were based on four questions, which were then expanded depending on the reactive response. The issues of self-identification of working pensioners, the presence/absence of programs in the healthcare system covering specifically working pensioners; the availability and demand for healthcare services; and the specifics of motivation to maintain health of older people were considered. The results of the study show that, on the one hand, health status is an important factor motivating pensioners to continue working; on the other hand, restrictions are recorded in the ability to use medical (healthcare) services because of the continuation of labor activity. On this basis, the authors conclude that there is a need to monitor health status of working women and men of retirement age and to undertake measures to improve their access to medical services, first of all outpatient, including development of specialized subprogram within the framework of the current Active Longevity program.

Key words: healthcare, health status of working pensioners, qualitative interviews, active longevity, health monitoring, access to healthcare

For citation: Grigorieva, N. S., Chubarova, T. V. (2025) Zdorov'e kak faktor raboty zhenshchin i muzhchin pensionnogo vozrasta i problema ego podderzhaniia [Health status as a factor to continue working for women and men of retirement age and the problem of its protection], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 54—70.

Введение

Современная социально-демографическая ситуация во многих странах, в том числе и в России, обостряет академический интерес к проблемам людей старшей возрастной группы — пенсионерам, многие из которых продолжают трудовую деятельность. Пожилые люди представляют собой значительный трудовой ресурс, что подтверждается рядом зарубежных и отечественных исследований [Арстангалиева и др., 2015; Короленко, Калачикова, 2020; Козырева, Смирнов, 2023; Воробьева и др., 2022, 2024]. Поэтому изучение проблемы поддержания здоровья представителей пенсионного возраста, продолжающих

трудовую деятельность, становится особенно актуальным. Охрана здоровья работающих пенсионеров зависит прежде всего от государства, обеспечивающего деятельность национальной системы здравоохранения, работодателей, поддерживающих или нет корпоративные программы, направленные на сохранение здоровья лиц старших возрастов. Значительная роль в здоровьесбережении отводится самим пенсионерам, с их установками, привычками и индивидуальными практиками поддержания здоровья [Чубарова, 2011; Григорьева, 2016; Chubarova, Grigorieva, 2024].

Задача данного исследования состоит в том, чтобы рассмотреть значение состояния здоровья как условия принятия пенсионерами — женщинами и мужчинами — решения о продолжении трудовой деятельности и определить возможные способы его поддержания с учетом социально-экономических особенностей рассматриваемой группы населения.

Методология исследования

Здоровье является важным фактором, который позволяет сделать выбор между выходом на пенсию и продолжением работы [Арстангалиева и др., 2015; Короленко, Калачикова, 2020; Рязанцев, Ниорадзе, 2022]. Еще в 2011 г. был издан специальный выпуск журнала «Управление здравоохранением», посвященный проблемам государственной политики в отношении здоровья работающих пенсионеров, перспективам и ограничениям продления трудовой жизни, особенностям организации санаторно-курортного лечения работников старших возрастов, анализу программ поддержки здоровья на предприятиях. Фактически все вопросы, касающиеся здоровья работающих пенсионеров, были поставлены. Спустя почти 15 лет они не только не потеряли своей актуальности — потребность ответа на них только усилилась.

В основном исследовании состояния здоровья пенсионеров опираются на результаты социологических опросов. Объем сведений об этой социально-демографической группе населения весьма ограничен, и, к сожалению, они не отражают ее реальных потребностей, поэтому качественные исследования являются важным источником информации, в том числе в аспекте доступа к медицинским услугам [Калашников, 2025; Kartseva, Rogozin, 2025].

В отличие от опросов качественные исследования позволяют выявить переживания, сомнения участников, что обогащает материал, раскрывает его. Это возможно, когда исследователи не стремятся к представлению числовых данных, а акцентируют внимание на контексте, интерпретациях, восприятии, эмоциях.

Преимущество качественных исследований проявляется в разных аспектах: целях, выборе методов, анализе данных, что помогает понять обоснованность выбора пенсионеров в отношении продолжения трудовой активности, разновекторность мотиваций, наконец, социальный контекст, в котором они живут и принимают решения.

Триггером к проведению исследования послужило изучение авторами вопросов распределения ответственности за состояние здоровья работающих пенсионеров в современном обществе в интересах достижения лучшего результата здоровья данной категории населения. Результаты были отражены в докладе «Healthcare for the Working Pensioners in an Aging Society: Public or Private

Case?»), представленном на Международной конференции «Digitalization and Innovation for Aging Society» (4—6 ноября 2024 г., г. Шэньчжень, КНР) [Chubarova, Grigorieva, 2024]. Исследование показало, что социологические опросы не дают ответов на ряд вопросов, связанных со здоровьем работающих пенсионеров, их восприятием тех мер, которые предпринимаются/не предпринимаются в отношении этой группы; не позволяют в полной мере понять закономерности и темы, которые неочевидны и которые трудно обнаружить, используя количественные методы.

Эмпирическим материалом послужили 25 неформализованных интервью граждан пенсионного возраста, продолжающих работать. В качестве интервьюируемых выступили 19 женщин и 6 мужчин разного семейного положения, включая три семейные пары, где оба супруга продолжают работать, что отражает гендерный диспаритет в данной возрастной группе.

Возраст интервьюируемых находится в диапазоне 63—75 лет. Все — люди с высшим образованием (среди них трое — кандидаты наук, один — доктор наук). При этом 17 человек находились на отдыхе в одном из санаториев Кавказских Минеральных Вод; 15 человек живут и работают в Москве и Московской области; остальные представляют разные регионы России: Новосибирск, Иваново, Краснодар, Санкт-Петербург, Воронеж, Сергиев Посад.

В основу интервью были положены четыре вопроса, которые далее разворачивались в зависимости от реактивного ответа:

- 1) каковы причины, по которым Вы продолжаете работать;
- 2) насколько важно состояние здоровья при принятии Вами решения о продолжении трудовой деятельности;
- 3) как Вы следите за своим здоровьем и как решаете проблемы здоровья, если они возникают, доступны ли и в какой степени здравоохранительные/медицинские услуги;
- 4) нужна ли специальная система оказания медицинской помощи работающим пенсионерам.

Для обработки интервью был использован феноменологический метод Колаицци [Colaizzi, 1978], который имеет значительный потенциал для качественных исследований, особенно в случаях, когда отмечается существенная зависимость результата от личного опыта респондента, его восприятия событий. Колаицци подчеркивает необходимость гибкости в феноменологических исследованиях, когда явление требует всестороннего изучения смысла, а индивидуальные интервью позволяют углубить обсуждение темы. Этот метод уже применялся в подобного рода исследованиях [Chubarova, Grigorieva, 2022].

Результаты исследования

При ответе на *первый вопрос* — о причинах продолжения трудовой деятельности — было предложено выбрать варианты в порядке приоритетности. Мы указываем те, которые назвали все участники: существенный дополнительный заработок, поддержка привычного (многолетнего) образа жизни, общение. Почти у всех этот «дополнительный заработок» превышает пенсию, у большинства — существенно.

Моя зарплата в 4 раза больше моей пенсии. Скорее это пенсия — мой дополнительный доход. Живу на зарплату, а пенсия для экстренных случаев. Вот, например, за путевку в санаторий я заплатила с пенсионного счета. Стоимость путевки — это моя пенсия за год. Пенсией я пользуюсь и для больших покупок (№ 3, Сочи).

Второй приоритет — дисциплина привычного образа жизни, организация повседневности, уважительное отношение на работе, знакомый коллектив и др.

Больше чем за 40 лет я привыкла к определенной организации дня и жизни. Это позволяет держать себя в форме... следить за собой. <...> В моем отделе больше 20 человек — уже пенсионеры, и все мы работаем вместе уже много лет. Это постоянное общение не только на работе, но и за ее пределами. Например, мы все ходим в бассейн 1—2 раза в неделю. Раньше дети ходили в одну школу, теперь — внуки. Мы... поддерживаем друг друга. И что особенно важно: я на работе не «старушка», а коллега (№ 5, Сочи).

Вопросы дисциплины оказались важными для всех без исключения мужчин, участвующих в исследовании.

Я бывший военный пенсионер, и жизнь покидала по стране. Вышел в отставку, посидел дома 2 месяца, озверел и пошел преподавать в училище. И вот уже 10 лет это мой дом. Дело не в зарплате, у меня хорошая пенсия. Дело в смысле жизни. На работе он есть. Нужны мои знания, опыт... я сам. Для меня это очень важно. Я одеваюсь на работу и становлюсь другим человеком. В глазах окружающих тоже (№ 17, Новосибирск).

И наконец, коммуникация и общение. Здесь одни участники интервью подчеркивали именно возможность поделиться накопленными знаниями, информацией и др. Особенно важно это для преподавателей (вузов, училищ, школ).

У меня потребность в объяснении каких-то позиций, фактов, интерпретации историй и т. д. И если дома внуки воспринимают мои попытки что-то объяснить с раздражением, то на работе ребята слушают меня затаив дыхание. Мои случающиеся повторы их не смущают, а иногда даже наоборот, сами просят повторить еще раз (№ 7, Иваново).

Именно потребность быть в гуще событий, иметь возможность поделиться знаниями и навыками, ощущать свою востребованность заставляет продолжать работу, в том числе и в профессиях, которые, казалось бы, в общественном мнении имеют возрастные ограничения.

Я преподаватель физкультуры в школе, и мне 68 лет. Через год точно уйду, это же смешно — в 70 быть учителем физкультуры в школе! Но тут мне в помощь наши знаменитые тренеры! Я недавно смотрела выступление Москвиной (Т. Москвина — знаменитая фигуристка и тренер) на каком-то мероприятии и... ликовала! Это талант — сделать занятия по физкультуре интересными, увлечь детей. Пришла в школу сразу после института, и за всю жизнь никто из моих учеников не получил травмы. Горжусь этим! И еще — без детей не могу, мне нравится с ними общаться, причем буквально по всем вопросам и на разные темы. Городок у нас небольшой, половина взрослого населения — мои ученики в разные годы. Не поверите, для бабушек моих первых учениц организовала

физкультурный кружок в школе. Дедушки посмеялись, но, когда бабушки построились, сбросив приличные килограммы, сами пришли «вспомнить молодость»... Теперь субботы нарасхват — волейбол, городки освоили... А какие у нас встречи «дети — родители — внуки» (возможны разные комбинации) (№ 11, Сергиев Посад, Московская обл.).

Некоторые высказались еще категоричнее.

...Могу сказать точно — без общения я умру, умрет мой мозг. И это не вариант «посидим и посплетничаем на скамеечке», это другой уровень жизни (№ 12, Санкт-Петербург).

Ответ на **второй вопрос** — о месте здоровья в жизни — получился однозначный. Для всех интервьюируемых, как мужчин, так и женщин, здоровье — это фактор, который позволяет работать. Звучащая у всех в различных вариантах фраза «Я буду работать, пока здоровье позволит» может рассматриваться как коллективный ответ. Все 17 человек интервьюируемых из числа отдыхающих отметили, что основным побудительным мотивом их нахождения в санатории является именно поддержание здоровья, при этом у всех наличествуют хронические заболевания, а у 12 из 17 не одно. Именно желание проверить, улучшить здоровье, а не возможность воспользоваться бесплатной путевкой было основным мотиватором (практически все приобрели путевки, некоторые на льготных условиях от работодателя, ведь для работающих пенсионеров социальные путевки не предусмотрены). Большинство (13 человек) делают это ежегодно, выбирая санатории в соответствии со своим диагнозом. Почти половина предпочитает одно и то же санаторно-оздоровительное учреждение.

Я предпочитаю для лечения зимний период, прежде всего потому что людей меньше... легче получить необходимые процедуры... Я не хожу по врачам дома именно потому, что это требует много времени, не всегда удобного для работы. Здесь я могу посвятить этому все 12 дней. Только здоровью. Этим занята первая половина дня целиком и немного вторая. Ежедневно хожу в бассейн, занимаюсь лечебной гимнастикой (что дома не делаю). Во второй половине, опять же если нет процедур, езжу на экскурсии (во время пребывания в санатории у меня получается одна), по вечерам хожу на концерты (в городе) или в кинозал санатория... одним словом, отдыхаю (№ 15, Москва).

Стараюсь бывать в санатории 2 раза в год по 12—14 дней. И это оптимальный вариант, но не всегда получается. Во-первых, трудно купить путевку; во-вторых, рабочий график не позволяет (по разным причинам, в том числе и потому, что летом молодые коллеги берут отпуска, чтобы быть с детьми); в-третьих, копят семейные дела, которые тоже надо решать... ну и нельзя исключать фактор непредвиденных обстоятельств, включая и фактор здоровья (например, необходимость операции) (№ 5, Сочи).

Отвечая на **третий вопрос** — о том, как они следят за своим здоровьем, решают возникающие проблемы и доступны ли им и в какой степени здравоохранительные/медицинские услуги, в большинстве случаев интервьюируемые подчеркивали два факта: они решают свои вопросы самостоятельно и преимущественно в частном порядке (через платные услуги).

Пока тяжелых случаев, которые требуют больших финансовых вложений, у меня не было, во всех других прибегаю к платным услугам (опять же — зарплата позволяет), вот только санаторно-курортную карту оформляла в поликлинике, на что ушло почти 2 месяца, хотя набор необходимых исследований минимален (№ 8, Краснодар).

Обобщая, подобную позицию можно выразить одной короткой фразой: «Пока работаю, буду платить». Но есть и исключения.

Обслуживаюсь в ведомственной поликлинике, есть постоянное наблюдение и ежегодная диспансеризация в удобном графике (№ 18, Москва).

Все мои попытки получить нужную помощь в поликлинике не были успешными: то запись только в следующем месяце, то нет специалиста нужного профиля, то еще что-то... так у меня ничего толком и не получилось. Может быть, я такая невезучая, но я общаюсь с коллегами, все истории как под копирку... (№ 8, Краснодар).

Только одна интервьюируемая из г. Сергиев Посад пользуется исключительно городской поликлиникой («Там в регистратуре работает моя бывшая ученица, даже если не сразу, всегда что-нибудь подходящее подберет...»). Еще трое отметили, что периодически обращаются в поликлинику, но ни у одного не получилось попасть к врачу в тот же день. В принципе, все опрошенные имели опыт посещения государственных медицинских организаций за последние 5 лет (некоторые с трудом вспоминали, когда это было в последний раз), отмечая, что потребность такая есть «в силу возраста и наличия длительных хронических заболеваний». Среди основных сложностей при получении медицинской помощи были отмечены отсутствие нужного врача по причине неукомплектованности кадров поликлиники и длительное время ожидания приема, невозможность пройти необходимое обследование в разумные сроки. Женщины быстрее адаптируются к возникающим проблемам и принимают решения (ждать 2 недели или идти по пути платных услуг), мужчины следуют за их выбором. Возможно, такое поведение связано с тем, что все мужчины из этой группы состояли в браке и предпочитали перекладывать решение вопросов относительно здоровья на своих жен.

Исследование показало, что однозначный ответ на **четвертый вопрос** — о необходимости специальных программ для поддержки здоровья работающих пенсионеров — не был получен. Более того, создалось впечатление, что интервьюируемые об этом не задумывались, но, наверное, «было бы очень хорошо, если бы была какая-то контрольная схема». Некоторые вспомнили, что во времена их молодости почти на всех предприятиях были медсанчасти, куда можно было обратиться в случае необходимости.

Я еще застала время, когда у нас на предприятии был медицинский пункт, где работала замечательная врач (вот говорю и как будто вижу ее с улыбкой, прической...), куда всегда можно было обратиться, например в обеденный перерыв. Уже точно не помню, но была и какая-то схема направления в поликлинику. Но я тогда была молода, особо не пользовалась... (№ 2, Сочи).

Кроме того, некоторые отметили, что в городских поликлиниках был специальный производственный врач, в обязанности которого входило оказание

первой помощи при травмах, внезапных заболеваниях и в профессиональных случаях. Производственные врачи посещали предприятия, находящиеся на обслуживаемой территории, где проводили санитарно-гигиенические мероприятия и занимались санитарным просвещением.

Когда заходил разговор о программе «Активное долголетие», то все участники исследования были едины во мнении, что она не для работающих пенсионеров, по крайней мере в том виде, в каком она реализуется в настоящее время.

Те программы по здоровью, которые есть для пенсионеров вообще, не для меня, мой график оставляет мне только выходные, к которым накапливаются домашние дела, их нужно делать... силы уже не те, чтобы все держать под контролем. Поэтому... я бы для работающих пенсионеров сделала бы специальный график диспансерного наблюдения, выделяя на это четкие дни... обязать руководителей их выделять (по закону они есть), может быть даже фиксируя их в рабочей табеле как обязательные. Потому что получается «как обычно»: формально работодатель обязан мне этот день предоставить по требованию, но по факту получается — на усмотрение работодателя со всеми вытекающими из этого последствиями (№ 8, Дагомыс).

Общая идея, которую поддержали и женщины, и мужчины, — они бы хотели иметь удобные графики посещения медицинских учреждений, особенно в части сдачи анализов и исследований, посещения специалистов.

Анализ ответов выявил парадоксальную ситуацию: с одной стороны, работающие пенсионеры считают, что им в каком-то виде (четко не смогли сформулировать) нужна своя ниша в поликлинических учреждениях, которая бы облегчала доступ к медицинским услугам, возможно — специальные дни диспансеризации; с другой стороны, они опасаются, что излишняя информация о состоянии их здоровья на предприятии «создаст повод для увольнения» или к ним станут относиться предвзято.

Следует отметить одну существенную разницу в ответах, она касается главным образом мотивации. Женщины, рассуждая о потребности в продлении трудовой жизни, подчеркивают прежде всего свое желание быть финансово независимыми и платежеспособными и, кроме того, иметь свое социальное пространство для самореализации.

Я ушла на пенсию, но очень быстро вернулась на работу — привыкла к определенному уровню и образу жизни: могу позволить себе купить дорогой билет в театр на спектакль... и даже для этого поехать в другой город; купить путевку в санаторий, который нравится; летом «ходила в круиз» в Петрозаводск, а также ездила на несколько дней в Питер (и делаю это регулярно); могу покупать подарки родственникам, не думая об их цене; не экономить на питании и т. д. (№ 1, Москва).

Дети ждали моего ухода на пенсию. Жарко обсуждали тему моего летнего отдыха с внуками на даче и были очень разочарованы, когда поняли, что «дачной жизни» в их представлении не будет. Я не хочу превращаться только в бабушку, мне все еще интересна жизнь во всех ее проявлениях (№ 9, Воронеж).

У мужчин доминирующим был ответ о потребности по-прежнему чувствовать себя главой семьи, брать ответственность на себя. И вторая

по значимости позиция — держать себя в форме, жить в режиме и уберечься от вредных привычек.

Я всегда был главным в семье, добытчиком, обеспечивал жене, детям, а раньше родителям определенный комфорт. И буду продолжать это делать, а то уважать себя перестану (№ 17, Новосибирск).

Мой график был одинаков уже много лет, кому-то это может показаться скучным, но мне нравится порядок и четкая организация жизни. Может быть, поэтому я особо не жалею о здоровье, и мой вес стабилен, и размер одежды за 50 лет увеличился только на один (№ 20, Воронеж).

Не обошлось и без традиционного стереотипа мужского поведения.

...Что касается моего здоровья, за этим следит жена: она знает, когда мне надо к врачу (и записывает тоже она), контролирует прием лекарств и то, что мы здесь в санатории, это исключительно ее инициатива и ее настойчивость. Сам бы я никогда не поехал. По мне, так лучше бы в гости к сыну съездили, внуков повидали (№ 17, Новосибирск).

Обсуждение

Анализ позволил выделить четыре основных сюжета, которые прослеживаются в ответах интервьюируемых.

Сюжет 1. Пенсионер или работник: проблема идентичности работающего пенсионера. Выход на пенсию — это переломный момент в жизни человека. Возникает вопрос, почему одни индивиды, достигнув пенсионного возраста, прекращают профессиональную деятельность, а другие продолжают работать. Для ответа на него необходимо, на наш взгляд, обратиться к классификации социальных связей, предложенной Э. Дюркгеймом и позднее доработанной современным французским социологом С. Погамом [Paugam, 2005]¹. Ее смысл сводится к тому, что при выходе на пенсию происходит перераспределение значения (веса) различных социальных связей индивида. Для анализа идентичности работающих пенсионеров используются некоторые теоретические концепции, скажем «теория ярлыков» Г. Беккера [Куштанова, 2008]. Выход на пенсию предполагает потерю важного элемента идентичности взрослого человека в современном обществе — работы. И даже в том случае, если пенсионер продолжает работать, его все равно называют пенсионером. Это его официальный статус, хотя само по себе понятие «пенсионер» не нейтрально, оно имеет множество коннотаций, в том числе «работающий пенсионер». В России статус пенсионера является своего рода стигматом [Goffman, 1975], т. е. несет определенные негативные характеристики, имеющие несколько аспектов: пенсия, во-первых, ассоциируется со старостью, во-вторых — с бедностью, в-третьих, часто воспринимается самими

¹ С. Погам выделил 4 типа связей, посредством которых индивид встраивается в общество: органическую (через рынок труда и трудовую деятельность), гражданскую (через отношения с государством), филиативную или семейную и элективную (дружеские отношения и отношения с соседями). См.: Avenel C. Serge Paugam. Les formes élémentaires de la pauvreté // Sociologie du travail. 2007. Vol. 49, № 2. P. 275—277. URL: <http://journals.openedition.org/sdt/21949> (дата обращения: 01.05.2025).

пенсионерами как наступление ненужности (как признак «социальной смерти»), что многократно демонстрировал, например, отечественный кинематограф².

Сами работающие пенсионеры чаще всего ассоциируют себя с теми, кто трудится, поэтому они выстраивают стратегии своего поведения в соответствии с продолжением профессиональной деятельности, хотя причины для того, чтобы продолжать трудиться, могут быть различными. Одна из участниц исследования четко обозначила свой статус — «на работе я коллега». Таким образом, работающие пенсионеры находятся в ситуации двойной идентичности: с одной стороны, они «пенсионеры» по закону, с другой — они трудящиеся люди со всеми вытекающими последствиями (опять же в большинстве случаев «по закону», если работают на основе договора). Иными словами, происходит, по определению Е. Гоффмана, несоответствие двух типов идентичности: виртуальной и реальной. Виртуальная идентичность — это совокупность характеристик, приписываемых индивиду, реальная — это совокупность характеристик, обладание которыми он может предъявить (доказать) [Goffman, 1975]. Виртуальная идентичность в случае российских пенсионеров зачастую имеет явный негативный оттенок, и проведенные интервью показывают, что сами люди пенсионного возраста это осознают.

Сначала я с радостью ушла на пенсию в 60 лет, решила пожить для себя. Но не тут-то было. Очень быстро и как-то незаметно я стала кухаркой для всех и дневной и ночной няней для внука. Но если раньше дочь спрашивала: «Мама, не могла бы ты забрать Алешу сегодня из детского сада?» — то теперь это стало звучать по-другому: «Мама, Алешу надо забрать в пять...» А когда я пыталась сказать, что как раз сегодня я занята, то в ответ звучало: «А чем это ты занята, ты же теперь не работаешь?» Через полгода, к великому удовольствию семьи, я вернулась на работу, и мне были рады (№ 10, Дагомыс).

Женщины болезненнее относятся к статусу «пенсионерка», не любят, когда к ним так обращаются, мужчины — спокойнее, даже с некоторой долей иронии, стараясь показать свое безразличие. Положительное влияние занятости на общее состояние и благополучие сильнее выражено у мужчин, особенно в обществах со значительными обязанностями кормильца семьи [Ashwin et al., 2021].

Сюжет 2. Работа спасает от одиночества. Пенсия может стать временем одиночества. Для большинства опрошенных работа играла роль важного источника каждодневного общения. Выход на пенсию, как правило, вызывает существенное снижение числа социальных контактов. Поэтому для тех пожилых людей, у кого нет семьи и мало друзей, переход к новой организации жизни на пенсии может стать тяжелым испытанием.

Очевидно, что вдовство при этом играет рольотягчающего фактора (из 19 участниц интервью — 12 вдовы, что подтверждает печальную статистику разрыва между мужской и женской продолжительностью жизни в России, где гендерный диспаритет составляет 10—11 лет и является самым большим в мире). Смерть супруга осложняет выход на пенсию, так как может повлечь за собой прекращение определенных занятий, которыми раньше супруги занимались совместно.

---

² Взять хотя бы хорошо известный фильм Э. Рязанова «Старики-разбойники» (1971 г.) или фильм Я. Лапшина «Продлись, продлись очарованье...» (1984 г.).

В ответах вдов явно прослеживалось стремление скрыть одиночество (или уйти от него). Кроме того, у женщин данной группы фактор здоровья — это не только наличие работы, а самоподдержка, гарантия жизнеобеспечения на долгие годы.

Муж умер три года назад, и мне до сих пор невозможно страшно приходить в опустевший дом. Фактически там я только ночую — рано ухожу и поздно прихожу. На работе активна и здорова, а возвращаясь домой — и силы мгновенно покидают меня, и мне кажется, что все болит. Включаю телевизор, тогда появляется иллюзия, что в квартире еще кто-то есть... Часто так с включенным и засыпаю, утром еле встаю, собираю себя буквально по частям... но опять день на работе возвращает к жизни (№ 23, Москва).

Однако пенсия и вдовство необязательно влекут за собой одиночество. Многое зависит от предыдущего жизненного опыта: люди, которые привыкли жить одни, меньше тяготеют к одиночеству и боятся его. А некоторые находят в этом какое-то новое качество жизни.

Я столько лет крутилась как белка в колесе: дом — работа, работа — дом. Приготовить, постирать, отвести в детский сад, собрать в школу, проводить на работу... на себя вообще никогда не обращала внимания. Два года назад после COVID-19 отправили в санаторий в абсолютно разобранном состоянии. С тех пор езжу ежегодно и думаю, какая же была... (№ 15, Москва).

В условиях ограничения контактов в период пандемии COVID-19 проблема одиночества, отсутствия общения с близкими, друзьями и просто знакомыми, невозможность присутствия на рабочем месте стала для граждан старших возрастов причиной панических атак, ухудшения общего состояния здоровья вообще и ментального в частности [Chubarova, Grigorieva, 2024]. Одиноким женщины, принявшие участие в опросе, продолжают работать «убегая» от одиночества. В жизни они рассчитывают только на себя, и работа защищает их от возникающих проблем. Качественные исследования показывают, что продолжение оплачиваемой работы может быть способом поддержания пенсионерами личных связей и ведения активного и здорового образа жизни [Hokema, Scherger, 2016; Григорьева, 2016; Hussam et al., 2022].

Сюжет 3. Поддержание здоровья работающих пенсионеров: кто в ответе? С биологической точки зрения старение неизбежно приводит к постепенному уменьшению физиологических запасов человека и определенному общему спаду индивидуальной жизнеспособности. При этом биологические изменения не являются линейными (последовательными), скорее можно предположить, что у пожилого человека выше риск наличия заболеваний, в том числе хронических. Ухудшение здоровья, особенно в старшем возрасте, почти автоматически приводит к увеличению спроса на услуги здравоохранения [Всемирный доклад... , 2016].

Для России с низкими показателями рождаемости процесс старения населения несет ряд вызовов, а следовательно, возникает необходимость существенного увеличения затрат на пенсионное обеспечение, здравоохранение и социальную поддержку по уходу в старших возрастах и др. Иными словами, общество заинтересовано в здоровом старении населения [Стратегия и план действий... , 2012]. Это подразумевает сохранение функциональной способности людей старшего возраста, которой можно достичь двумя путями: посредством

развития и поддержания индивидуальной жизнеспособности и посредством предоставления возможности людям со сниженной функциональной способностью выполнять важные для них действия [Report of the Second World Assembly... , 2002].

Поэтому ВОЗ для достижения целей Концепции здорового старения предлагает следующие приоритетные направления действий [Всемирный доклад... , 2016]:

- 1) согласование систем здравоохранения с потребностями пожилых людей;
- 2) разработка систем долгосрочной помощи пожилым;
- 3) создание благоприятных условий для людей пожилого возраста;
- 4) улучшение измерения, мониторинга и понимания проблемы.

Работающие пенсионеры сохраняют функциональные способности, но их надо поддерживать, что сложно, поскольку эта социальная группа, как работники, несет дополнительное бремя. На сегодняшний день специальных программ мониторинга, поддержания их здоровья не существует. Есть пожелания, но не действия.

Интервью показали, что забота о здоровье для работающих пенсионеров во многом остается делом индивидуальным, что свидетельствует о проблемах в организации их медицинского обслуживания в государственной системе здравоохранения, которая на данный момент не предусматривает специализированных маршрутов (программ) для работающих пенсионеров. Это приводит к тому, что возникновение у них потребности в медицинской помощи часто ведет к росту личных платежей, т. е. расходов на медицину, не покрываемых ОМС. В интервью с одинокими женщинами разговор часто выходил на тему финансовой обеспеченности: здоровье важно поддерживать сейчас, создавая «подушку безопасности», чтобы была возможность сохранить достигнутый уровень обслуживания и дальше, когда работа закончится, а рассчитывать, кроме себя, будет не на кого. Интересно, что ни у одного из мужчин эта тема в таком варианте не звучала. Они уверены, что не останутся без поддержки близких.

Барьеры доступности для этой группы населения обусловлены трудностями записи к врачу, неудобным графиком работы медицинских учреждений, отсутствием в поликлиниках врачей нужной специальности. Так, например, давно существуют методики, позволяющие врачам общей практики / терапевтам дать комплексную оценку состояния здоровья пожилого человека (отдельно для мужчин и женщин), выявить приоритетные проблемы здоровья, скорректировать его здравоохранительное поведение. По мнению специалистов, на полноценное обследование одного пожилого человека необходимо затратить от 1 до 1,5 часов. Но при установленных стандартах врачи не могут себе позволить такие затраты времени, несмотря на пользу комплексной оценки [Фролова, Корыстина, 2010].

Сюжет 4. Трудоспособность как мотивация к сохранению здоровья работающих пенсионеров. В современном обществе доминирует индустриальная модель, предполагающая трехчастную структуру жизненного цикла индивида: детство и юность как подготовительный этап, взрослый возраст — основа такой модели и пенсионный возраст, определяемый как время отдыха после трудовой деятельности. Но увеличение продолжительности жизни означает улучшение состояния здоровья, и представления о старении и традиционные

возрастные связи этапов жизненного цикла претерпевают изменения. Это ведет к изменению жизненных стратегий у представителей «третьего возраста» [Короленко, Барсуков, 2017].

В ответах практически все участники интервью в разных вариантах подчеркивали, что лучшая мотивация для того, чтобы следить за своим здоровьем и поддерживать его, — это стремление как можно дольше сохранить трудоспособность. Основными положительными паттернами для мотивации здоровья и трудового долголетия для работающих пенсионеров являются наличие и стабильность работы, удовлетворенность трудом [Закономерности...].

И женщины, и мужчины, принявшие участие в опросе, настроены трудиться на своем рабочем месте, пока позволит здоровье. Если работодатель решит прервать (не продлевать) договор, то будут решать вопрос, исходя из новой ситуации. Часть намерены найти другую работу, другие не знают, что будут делать, но надеются, что этого не случится.

Заключение

Проблемы здоровья работающих пенсионеров как отдельной социально-демографической группы часто оказываются вне фокуса как научных исследований, так и политических решений.

Данное исследование показало, что, помимо финансовых/экономических причин, на решение женщин и мужчин продолжать трудиться после достижения пенсионного возраста влияют внутренние мотивы, такие как смысл работы, поддержание социальных контактов и активности. Для многих продолжительная работа может также означать улучшение здоровья и благополучия. Однако представляется крайне важным, чтобы решение работать было добровольным и чтобы условия труда позволяли людям работать дольше без потери здоровья.

Было бы крайне интересно провести аналогичное исследование среди людей пенсионного возраста из разных социально-профессиональных групп. Вполне возможно, что для иных групп финансовый фактор будет иметь большее значение, в то время как почти для всех респондентов нашего исследования он оказался несколько нивелирован. Было бы также интересно исследовать стратегии адаптации к пенсии и реконструкции идентичности людей из другой социокультурной среды.

Основной вывод исследования состоит в том, что в условиях современной демографической ситуации и состояния рынка труда необходимы специальные меры по поддержанию здоровья работающих пенсионеров: как специализированный мониторинг состояния их здоровья, так и учет их потребностей при оказании медицинской помощи (отдельные программы медицинского обслуживания в поликлинических учреждениях здравоохранения, привлечение ресурсов работодателей).

В связи с запросом общества на привлечение граждан пенсионного возраста на рынок труда вопрос о специальных мерах по поддержанию здоровья непосредственно женщин и мужчин в пенсионном возрасте, продолжающих трудиться, требует мер государственной здравоохранительной политики.

Список источников

- Арстангалиева З. Ж., Чернышкова Е. В., Андриянова Е. А. Практики здоровьесбережения современных работающих пенсионеров // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 7. С. 41—51.
- Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Демографическое старение населения: региональные российские тренды // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30, № 6. С. 1230—1235.
- Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Тенденции трудовой занятости пенсионеров в разрезе занятий и видов экономической деятельности в 2017—2022 гг. // Социально-трудовые исследования. 2024. Т. 54, № 1. С. 60—72.
- Всемирный доклад о старении и здоровье / Всемирная организация здравоохранения. Женева, 2016. 301 с. URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf (дата обращения: 01.05.2025).
- Григорьева Н. С. Охрана здоровья пожилых в зарубежных странах: пример Японии // Совершенствование законодательства, регулирующего медицинскую помощь пожилым людям и их лекарственное обеспечение. М., 2016. С. 51—55.
- Закономерности к мотивации здоровья и трудовому долголетию у работников предпенсионного и пенсионного возраста: форум Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: <https://fcrisk.ru/forums/node/1176> (дата обращения: 15.05.2025).
- Калашиников К. Н. Доступность и качество медицинской помощи для пожилого населения как особой социально-демографической группы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18, № 2. С. 180—193.
- Козырева П. М., Смирнов А. И. Век живи — век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 3. С. 149—174.
- Короленко А. В., Барсуков В. Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 643—657.
- Короленко А. В., Калачикова О. Н. Детерминанты здоровья работающего населения: условия и характер труда // Здоровье населения и среда обитания. 2020. № 11. С. 22—30.
- Куштанова В. А. Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. 2008. № 4. С. 152—163.
- Рязанцев С. В., Ниорадзе Г. В. Трудовой потенциал старшего поколения: межрегиональный анализ // Уровень жизни населения в регионах России. 2022. Т. 18, № 1. С. 107—119.
- Стратегия и план действий в поддержку здорового старения в Европе, 2012—2020 гг. Европейский региональный комитет, шестьдесят вторая сессия, Мальта, 10—13 сентября 2012 г. / Всемирная организация здравоохранения. 2012. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/175544/RC62wd10Rev1-Eng.pdf (дата обращения: 01.05.2025).
- Фролова Е. В., Корыстина Е. М. Комплексная оценка состояния здоровья пожилого человека и возможности ее осуществления в общей врачебной практике // Российский семейный врач. 2010. Т. 14, № 1. С. 12—23.
- Чубарова Т. В. Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.
- Ashwin S., Keenan K., Kozina I. M. Pensioner employment, well-being, and gender: lessons from Russia // American Journal of Sociology. 2021. Vol. 127, № 1. P. 152—193.

- Chubarova T. V., Grigorieva N. S. Impact of restrictive policies on lives of the elderly: lessons of the COVID-19 pandemic // *Population and Economics*. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2022. Т. 6, № 4. С. 146—161.
- Chubarova T. V., Grigorieva N. S. Healthcare for the working pensioners in aging society: public or private case // *International Conference on Digitalization and Innovation for Aging Society*, Shenzhen University (China). Shenzhen (Guangdong): Shenzhen University, 2024. P. 120—128.
- Colaizzi P. F. Psychological research as a phenomenologist views it // *Existential-Phenomenological Alternatives for Psychology* / ed. by R. S. Valle, M. King. New York: Oxford University Press, 1978. P. 48—71.
- Goffman E. *Stigmaté: les usages sociaux des handicaps*. Paris: Les Editions de Minuit, 1975. 180 p.
- Hokema A., Scherger S. Working pensioners in Germany and the UK: quantitative and qualitative evidence on gender, marital status, and the reasons for working // *Journal of Population Ageing*. 2016. Iss. 9. P. 91—111.
- Hussam R., Kelley E. M., Lane G., Zahra F. The psychosocial value of employment: evidence from a refugee camp // *American Economic Review*. 2022. Vol. 112, № 11. P. 3694—3724.
- Kartseva M. A., Rogozin D. M. Assessing accessibility of health care for the oldest old // *Population and Economics*. 2025. Vol. 9, iss. 2. P. 1—13.
- Paugam S. Les formes élémentaires de la pauvreté. Collection «Le lien social». Paris: P.U.F., 2005. 276 p. URL: <https://journals.openedition.org/sdt/21949> (дата обращения: 15.05.2025).
- Report of the Second World Assembly on Ageing, Madrid, 8—12 April, 2002 / United Nations. New York, 2002. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/MIPAA.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
- Social Sustainability in Ageing Welfare States / ed. by M. Vaalavuo, K. Nelson, K. Kuitto. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2025. 268 p.

References

- Ashwin, S., Keenan, K., Kozina, I. M. (2021) Pensioner employment, well-being, and gender: Lessons from Russia, *American Journal of Sociology*, vol. 127, no. 1, pp. 152—193.
- Arstangalieva, Z. Zh., Chernyshkova, E. V., Andriyanova, E. A. (2015) Praktiki zdorov'esberezheniia sovremennykh rabotaiushchikh pensionerov [Practice of health-saving of modern working pensioners], *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem*, no. 7, pp. 41—51.
- Chubarova, T. V., Grigorieva, N. S. (2022) Impact of restrictive policies on lives of the elderly: lessons of the COVID-19 pandemic, *Population and Economics*, Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova, vol. 6, no. 4, pp. 146—161.
- Chubarova, T. V., Grigorieva, N. S. (2024) Healthcare for the working pensioners in aging society: public or private case, in: *International Conference on Digitalization and Innovation for Aging Society*, Shenzhen University, China, Shenzhen, Guangdong: Shenzhen University, pp. 120—128.
- Chubarova, T. V. (2011) *Sotsial'naia otvetstvennost' v rynochnoi ekonomike: rabotnik, biznes, gosudarstvo* [Social responsibility in a market economy: employee, business, state], St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Colaizzi, P. F. (1978) Psychological research as a phenomenologist views it, in: Valle, R. S., King, M. (eds), *Existential-Phenomenological Alternatives for Psychology*, New York: Oxford University Press, pp. 48—71.

- Frolova, Ye. V., Korystina, Ye. M. (2010) Kompleksnaia otsenka sostoianiia zdorov'ia pozhilogo cheloveka i vozmozhnosti eĝ osushchestvleniia v obshcheĭ vrachebnoĭ praktike [Comprehensive geriatric assessment in general medical practice], *Rossiĭskĭ semeĭnyi vrach*, vol. 14, no. 1, pp. 12—23.
- Goffman, E. (1975) *Stigmat: Les usages sociaux des handicaps*, Paris: Les Editions de Minuit.
- Grigorieva, N. S. (2016) Okhrana zdorov'ia pozhilykh v zarubezhnykh stranakh: primer Iaponii [Health protection of the elderly in foreign countries: the example of Japan], in: *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva, reguliruiushchego meditsinskuiu pomoshch' pozhilym liudiam i ikh lekarstvennoe obespechenie*, Moscow, pp. 51—55.
- Hokema, A., Scherger, S. (2016) Working pensioners in Germany and the UK: Quantitative and qualitative evidence on gender, marital status, and the reasons for working, *Journal of Population Ageing*, iss. 9, pp. 91—111.
- Hussam, R., Kelley, E. M., Lane, G., Zahra, F. (2022) The psychosocial value of employment: Evidence from a refugee camp, *American Economic Review*, vol. 112, no. 11, pp. 3694—3724.
- Kalashnikov, K. N. (2025) Dostupnost' i kachestvo meditsinskoĭ pomoshchi dlia pozhilogo naseleniia kak osoboi sotsial'no-demograficheskoi gruppy [Healthcare access and quality for older adults as a special socio-demographic group], *Ėkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 18, no. 2, pp. 180—193.
- Kartseva, M. A., Rogozin, D. M. (2025) Assessing accessibility of health care for the oldest old, *Population and Economics*, vol. 9, iss. 2, pp. 1—13.
- Korolenko, A. V., Barsukov, V. N. (2017) Sostoianie zdorov'ia kak faktor trudovoi aktivnosti naseleniia pensionnogo vozrasta [Health status as a factor of labor activity of the retirement-age population], *Vestnik Permskogo universiteta, Filosofiia, Psikhologiiia, Sotsiologiiia*, iss. 4, pp. 643—657.
- Korolenko, A. V., Kalachikova, O. N. (2020) Determinanty zdorov'ia rabotaiushchego naseleniia: uslovia i kharakter truda [Determinants of health of the working population: conditions and nature of work], *Zdorov'e naseleniia i sreda obitaniia*, no. 11, pp. 22—30.
- Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2023) Vek zhivi — vek trudis': sotsial'noe samochuvstvie rabotaiushchikh pensionerov [Live a century — work a century: social well-being of working pensioners], *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 14, no. 3, pp. 149—174.
- Kushtanina, V. A. (2008) Vykhod na pensiiu kak moment peresmotra identichnosti [Retirement as a moment of identity revision], *Mir Rossii*, no. 4, pp. 152—163.
- Paugam, S. (2005) *Les formes élémentaires de la pauvreté. Collection "Le lien social"*, Paris: P.U.F., available from <https://journals.openedition.org/sdt/21949> (accessed 15.05.2025).
- Report of the Second World Assembly on Ageing, Madrid, 8—12 April 2002 (2002), United Nations, New York, available from <http://www.unecce.org/fileadmin/DAM/pau/MIPAA.pdf> (accessed 15.05.2025).
- Ryazantsev, S. V., Nioradze, G. V. (2022) Trudovoi potentsial starshego pokoleniia: mezhregional'nyi analiz [The labour potential of older generation: interregional analysis], *Uroven' zhizni naseleniia v regionakh Rossii*, vol. 18, no. 1, pp. 107—119.
- Social Sustainability in Ageing Welfare States* (2025), Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Strategiia i plan deĭstviĭ v podderzhku zdorovogo starenii v Evrope, 2012—2020 gg., Evropeĭskĭĭ regional'nyi komitet, shest' desiat vtoraiia sessiia, Mal'ta, 10—13 sentiabria 2012 g.* (2012) [Strategy and action plan for healthy ageing in Europe 2012—2020, Regional Committee for Europe, sixty-second session, Malta, 10—13 September, 2012], World Health Organization, available from http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/175544/RC62wd10Rev1-Eng.pdf (accessed 15.05.2025).
- Vorobyova, O. D., Topilin, A. V., Nioradze, G. V., Khrolenko, T. S. (2022) Demograficheskoe starenie naseleniia: regional'nye rossiĭskie trendy [The demographic aging of population: regional trends in Russia], *Problemy sotsial'noi gigieny, zdavoookhraneniia i istorii meditsiny*, vol. 30, no. 6, pp. 1230—1235.

- Vorobyova, O. D., Topilin, A. V., Nioradze, G. V., Khrolenko, T. S. (2024) Tendentsii trudovoi zaniatosti pensionerov v razreze zaniatii i vidov ekonomicheskoi deiatel'nosti v 2017—2022 gg. [Trends in labor employment of pensioners by occupation and types of economic activity in 2017—2022], *Sotsial'no-trudovye issledovaniia*, vol. 54, no. 1, pp. 60—72.
- Vsemirnyi doklad o starenii i zdorov'e* (2016) [World report on ageing and health], World Health Organization, Zheneva, available from https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf (accessed 01.05.2025).
- Zakonomernosti k motivatsii zdorov'ia i trudovomu dolgoletiiu u rabotnikov predpensionnogo i pensionnogo vozrasta*: Forum Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitel' i blagopoluchiiu cheloveka [Patterns of health motivation and labor longevity in pre-retirement and retirement age workers: Forum of the Federal Service for Supervision and Protection of Consumer Rights and Human Well-Being], available from <https://fcrisk.ru/forums/node/1176> (accessed 15.05.2025).

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 19.06.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 19.06.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Григорьева Наталия Сергеевна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Head of the Department of Sociology of Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Чубарова Татьяна Владимировна — доктор экономических наук, PhD (LSE, Social Policy), главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, г. Москва, Россия, t_chubarova@mail.ru (Dr. Sc. (Economics), PhD (LSE, Social Policy), Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 71—82.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 71—82.

Научная статья

УДК 396

EDN: <https://elibrary.ru/tgzgcm>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.5

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ НАУКИ И ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Зоя Александровна Хоткина

Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, zoia-alex2012@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос о взаимодействии женского движения (практики) и феминистской теории (науки). Основное внимание уделено характеру и моделям взаимосвязи этих двух институтов, и особенно роли науки в данном тандеме. Предпринята попытка разобраться в вопросе, что происходит: наука производит смыслы и идеи, которые потом подхватывает женское движение и борется за их воплощение в жизнь, или, наоборот, наука занимается осмысливанием, интерпретацией и сциентификацией того, что осуществляется в женском движении? Поиск ответов на эти вопросы и являлся целью данной статьи. В результате проведенного анализа обозначены различные варианты взаимосвязи между наукой и женским движением, а также показано, как они менялись в зависимости от исторического контекста.

Ключевые слова: наука, женское движение, феминизм, гендерное равенство, права женщин, гендерные исследования

Для цитирования: Хоткина З. А. К вопросу о взаимосвязи науки и женского движения // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 71—82.

Original article

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN SCIENCE AND THE WOMEN'S MOVEMENT

Zoya A. Khotkina

Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N. M. Rimashevskaya,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, zoya-alex2012@yandex.ru

Abstract. The article examines the interaction between the women's movement (practice) and feminist theory (science). The main focus is on the nature and models of the relationship between these two institutions, and especially on the role of science in this tandem. The author attempted to understand what is happening: does science produce meanings and ideas that are then taken up by the women's movement and fought for in order to bring them to life? Or, conversely, is science engaged in comprehending, interpreting, and scientizing what is happening in the women's movement? The search for answers to these questions was the purpose of the article. The analysis identified various types of relationships between science and the women's movement, and showed how they changed depending on the historical context.

Key words: science, women's movement, feminism, gender equality, women's rights, gender studies

For citation: Khotkina, Z. A. (2025) К вопросу о взаимосвязи науки и женского движения [On the relationship between science and the women's movement], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 71—82.

Между женским движением и наукой, которая его изучает, существует тесная взаимосвязь, и сомневаться в этом не приходится, поскольку они даже обозначаются одним и тем же словом — *феминизм*. Хотя феминистская наука и женское движение занимают совершенно разное положение в жизни общества и у них принципиально различные методы, их объединяет единство цели и задач — *достижение равенства женщин и мужчин*. Тема феминизма не теряет своей актуальности, поскольку ни в одной стране мира до сих пор не достигнуто равенства полов. Цель статьи — на основе изучения научной литературы и источников выявить *характер и особенности взаимосвязи* между наукой и женским движением в России и мире, уделив особое внимание *роли науки* в данном тандеме. В статье рассмотрены несколько важных эпизодов из истории женского движения с разными вариантами и моделями его взаимосвязи с феминистской теорией.

Многоликий феминизм

Ответ на вопрос о взаимодействии науки и женского движения на первый взгляд кажется очевидным: связь между этими институтами — «дорога» с двухсторонним движением. Однако важное значение имеют *авторские интерпретации этой взаимосвязи*, которые отличаются разнообразием, что придает им особую ценность. Большинство российских авторов при определении понятия «феминизм» пишут о науке и женском движении в контексте «во-первых» и «во-вторых». Так,

О. А. Хасбулатова считает, что «в социальную историю и современную практику *феминизм* вошел как *научная мысль* и *общественное действие*, имеющие цель добиться равноправия полов во всех сферах жизнедеятельности общества» [Хасбулатова, 2019: 21]¹. Вместе с тем многогранность понятия особенно видна при анализе взглядов на *характер и сущность* отношений между наукой и практикой феминизма у отдельных российских исследователей. Например, социолог А. А. Темкина утверждает, что «термин “феминизм” чаще используется для обозначения идеологии или теории, а термин “женское движение” — для обозначения организованной *деятельности, реализующей феминистские* (и не только) *идеи*» [Темкина, 2004: 60]. В научных работах И. И. Юкиной, которая в основном разделяет обозначенную выше позицию по вопросу о роли науки (теории) в женском движении, содержится важный нюанс относительно синонимичности этих понятий: «*Феминизм как теория* равенства полов, лежащая в основе движения женщин, часто используется в качестве *синонима* понятия “женское движение”» [Юкина, 2007: 221].

Вопросы взаимоотношения между наукой и женским движением находились в фокусе внимания диссертационного исследования О. А. Ворониной, в результате которого она пришла к выводу, что «*женские исследования и феминистская теория* возникли под влиянием социального движения, а не вследствие развития самой социальной науки» [Воронина, 2004: 37]. То, что женские исследования (Women's studies) как область науки и университетская дисциплина «выросли» из женского движения второй волны феминизма (60—80-е гг. XX в.), безусловный факт. Однако насколько это справедливо в отношении феминистской теории в целом и гендерной концепции в частности — вопрос спорный. Мнения о «первенстве» женского движения по отношению к теории феминизма придерживается также И. В. Крыкова, которая считает, что «первоначально феминизм возник *не столько как теория, сколько как движение* против социально-экономической дискриминации женщин и был синонимом понятия “эмансипация женщин”» [Крыкова, 2008: 69]. С этой авторской точкой зрения трудно согласиться, поскольку феминизм — это идейное движение, а не «голодный бунт», когда женщины выходили на улицу греметь кастрюлями из-за того, что из магазинов пропал хлеб. Чтобы выйти на улицу с плакатами за права женщин, идея равных прав должна быть сформулирована, доказана и донесена через публикации и дискуссии до широких масс женщин, которые бы восприняли ее как «свою» проблему. Поэтому представляется, что в тандеме женского движения и теории феминизма все-таки «вначале было слово», т. е. идея и теория.

Оригинально на общем фоне мнений российских авторов выглядят взгляды Е. В. Водопьяновой, которая на основе исследования идей и движения европейского и американского феминизма приходит к выводу об их автономном развитии: «Женское движение и феминистская теоретическая мысль фактически с момента своего возникновения и до сих пор *развиваются достаточно автономно*, реализуя различные — практические либо объяснительные — цели» [Водопьянова, 2000: 61]. Перечислять все авторские точки зрения и определения понятия «феминизм» не представляется возможным, поскольку еще в прошлом веке в «Энциклопедии феминизма» было отмечено, что существует более

¹ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — З. Х.

300 определений данного понятия [Tuttle, 1986: 107]. Однако автор приведет еще одну неординарную точку зрения на взаимоотношение между теорией (наукой) и женским движением (практикой), которой придерживается доктор политических наук Н. А. Баранов: «Феминизмом в современной общественно-политической жизни принято называть, во-первых, систему взглядов (или *теорию, философию, идеологию*), центральной идеей которых является гражданское равноправие женщин и мужчин; во-вторых, данное понятие используется для обозначения *женского движения*, являющегося “продуктом” феминизма» [Баранов, 2016].

Итак, подводя итог рассмотрению различных авторских позиций, которые представляют лишь каплю в море мнений по интересующему нас вопросу, можно отметить их разнообразие и выделить следующие *существенные характеристики взаимосвязи* между наукой (теорией) и женским движением (практикой):

- женское движение — это *предмет* изучения феминистской науки;
- женское движение — «*продукт*» феминизма как научной теории (Н. А. Баранов);
- женское движение *реализует идеи* науки (А. А. Темкина);
- наука (теория) *лежит в основе* женского движения (И. И. Юкина);
- женские исследования и феминистская теория (наука) *возникли под влиянием* женского движения (О. А. Воронина);
- женское движение и феминистская теория (наука) *развиваются автономно*, реализуя свои различные цели (Е. В. Водопьянова).

Приведенные выше варианты авторских подходов в общих чертах отвечают на вопрос о *сложном и неоднозначном характере взаимосвязей* между наукой (теорией) и женским движением (практикой), которые в исторической ретроспективе феминизма были реализованы на практике и изучены на уровне теории.

По волнам феминизма

Циклически-волновой подход к периодизации истории женского движения отражает его не линейное, а волнообразное развитие, где чередуются подъемы и спады активности, а каждая из волн проблематизирует и пытается решить актуальные вопросы своего времени. Но проблемы гендерного неравенства настолько глубоки, что чаще всего остаются нерешенными в рамках одной волны. Волновой подход является общепризнанным, но при этом единства мнений ни по поводу времени возникновения первой волны феминизма, ни относительно общего количества волн среди специалистов не существует.

По мнению большинства исследовательниц, *первая волна феминизма* приходится на середину XIX — начало XX в., а С. Г. Айвазова и Г. А. Брандт, например, считают, что начало «волнам» феминизма положили события Великой французской революции (конец XVIII в.) [Брандт, 2000: 26]. В этой связи хотелось бы сделать важное замечание: в контексте данной статьи, анализирующей роль науки в женском движении, суть волнового подхода следует рассматривать не как вопрос о датах начала и окончания волн, а как *вопрос о смыслах, идеях (наука), целях и результатах (практика) каждой из волн* феминизма. То есть как вопрос о том, на решение каких проблем была направлена волна и каких результатов удалось достичь вследствие подъема активности ее участниц.

В этом отношении первую волну феминизма² как в большинстве стран Европы³ и США, так и в России следует считать успешной, поскольку ее основные цели в начале XX в. были достигнуты⁴. Женщины получили доступ к высшему и профессиональному образованию, гражданские и основные трудовые права, а также политические (избирательные) права. Следовательно, общепринятая периодизация первой волны феминизма выглядит более правомерной, поскольку именно в начале XX в., а не в конце XVIII женщины *получили де-юре практически все права*, за которые они боролись. Напрямую сопоставлять философское обоснование (наука) равноправия женщин и реализацию этих идей феминистским движением первой волны (практика) вряд ли правомерно, поскольку между ними прошло 100 лет. Но этот колоссальный временной разрыв свидетельствует о том, насколько мощным было (и остается) сопротивление идеям равноправия в патриархальных обществах как того, так и нашего времени.

Успехи и социальные завоевания первой волны феминизма позволили женщинам во всем мире сильно продвинуться не только в сферах труда и образования, но также в академической науке. Уже в 20—30-х гг. XX в. женщины стали лауреатами Нобелевских премий по физике и химии. А вот глубокого научного анализа и осмысления изменений, произошедших в жизни женщин в результате завоеваний первой волны феминизма, не произошло. Научное осмысление результатов женского движения начала XX в. было проведено в его конце, когда началась вторая волна феминизма. И это относится не только к западной, но и российской историографии. Например, наиболее фундаментальное исследование на тему первой волны женского движения в России было сделано О. А. Хасбулатовой в середине 90-х гг. XX в. [Хасбулатова, 1994]. С 30-х до 60-х гг. XX в. женское движение во всем мире оказалось поставленным на паузу, причиной этому можно считать политические катаклизмы и войны.

Вторая волна феминизма датируется 60—80-ми гг. XX в., когда стало очевидно, что полученные женщинами в результате первой волны социально-политические права, *уравненные де-юре* с правами мужчин, в силу *разницы их социальных ролей и статусов в обществе и семье* не всегда работают на практике. Поэтому вторая волна феминизма поставила задачу перехода от прав *де-юре* к достижению возможностей их реализации *де-факто*. Результаты, которых добились участницы второй волны феминизма к концу 1980-х гг., были настолько грандиозными, что их перечисление заняло бы очень много места. Они касались изменений не только в законодательстве, но и в реальной жизни женщин в сферах труда, образования, политики, финансов, здравоохранения, а также личных прав женщин. Вторая волна феминизма подняла женское движение на *международный уровень*, что привело к проведению всемирных женских конференций и разработке программ ООН, направленных на поддержку женщин и решение их проблем. Важно отметить принципиально новую *роль науки в феминистском*

² См.: [От суфражисток... , 2023].

³ Однако француженки получили избирательные права лишь в 1944 г., а женщины Швейцарии — только в 1971 г.

⁴ France marks 70 years of women's voting rights // France 24. 2014. 21 April. URL: <https://www.france24.com/en/20140421-france-womens-voting-right-anniversary> (дата обращения: 01.08.2025).

движении этого периода: если в начале XX в. женщины боролись за право заниматься наукой, то в конце того же века у них появилась своя научная область для изучения проблем женщин — женские исследования. Используя приведенные выше характеристики взаимосвязи науки и женского движения, можно констатировать, что, с одной стороны, Women's studies — это «продукт» женского движения второй волны, а с другой — в рамках Women's studies был актуализирован широкий круг проблем, ставших предметом науки. Таким образом, вторая волна феминизма ознаменовалась выдающимися достижениями и результатами в решении практических проблем женщин, а также успехами в сферах науки, образования и международных отношений.

На теорию феминизма второй волны значительное воздействие оказала работа С. де Бовуар «Второй пол» (1949) с ее тезисом «Женщиной не рождаются, ею становятся» [Бовуар, 1997: 310]. Он опровергал биологическую предопределенность женского жизненного пути, которую афористично выразил З. Фрейд: «Анатомия — это судьба». В книге суть различий между мужчинами и женщинами впервые была обоснована не как биологический, а как социальный феномен. Тем самым, по мнению феминистских исследовательниц, С. де Бовуар заложила основу для различения «пола» и «гендера», а также теории социального конструирования гендера. Ее идеи впоследствии были развиты и преобразованы в концепцию гендерного равенства.

Разработка концепции гендерного равенства — это следующий важный этап в развитии женского движения и феминистской науки. Хотя гендерные исследования (Gender studies) берут свое начало в женских исследованиях, но в них «перемещен акцент с изучения неравноправного положения женщины, обсуждения и осуждения патриархата на исследование более широкого социального контекста — на анализ гендерной системы» [Чикалова, 2007: 91]. В результате новый концепт гендера перестал ассоциироваться только с женским опытом, поскольку феминистские ученые начали заниматься также изучением проблем мужчин (Man studies) и системой отношений между полами, которая является основой социальной стратификации общества, т. е. ядром гендерного неравенства.

Переход от женской проблематики к гендерной в науке и женском движении с особой остротой был выявлен в 1995 г. на Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, проходившей в Пекине (далее: Пекин-95), где был подведен итог достижениям и проблемам двух первых волн женского движения [Пекинская декларация... , 2014]. Глубокий анализ работы, проделанной на международном и национальном уровне, показал, что традиционный подход, связанный с «улучшением положения женщин», себя исчерпал и стал малоэффективным. Поэтому Пекин-95 завершил череду международных женских конференций XX в. по положению женщин⁵, которые с тех пор не проводятся. В итоговых документах — Пекинской декларации и Платформе действий — был представлен принципиально новый, гендерный подход к пониманию и решению проблем неравенства мужчин и женщин, который не утратил своей актуальности и сегодня. Итоговые документы — это своего рода дорожная карта достижения гендерного равенства, по которой каждые пять лет мировое сообщество

⁵ Всемирные конференции по улучшению положения женщин были проведены в Мехико (1975), Копенгагене (1980) и Найроби (1985).

сверяет достигнутые на этом пути результаты и проводит их корректировку. В марте 2025 г. в ООН проходила сессия, посвященная 30-й годовщине Пекинской декларации и Платформы действий, на которой единогласно была принята Политическая декларация «Пекин+30», подтверждающая решимость мирового сообщества следовать обязательствам по достижению «гендерного равенства и расширению прав и возможностей всех женщин и девочек, имеющих решающее значение для устойчивого развития» [Пекинская платформа действий в 30 лет... , 2025]. Представитель Российской Федерации также подписал этот документ.

Смена парадигмы улучшения положения женщин на концепцию гендерного равенства в итоговых документах Пекина-95 показывает принципиально новую ситуацию в отношениях между наукой и женским движением. Здесь мы видим пример, как рожденный в недрах феминизма новый научный и методологический, гендерный подход изменил *смысл, содержание и направление действий* по достижению равенства женщин и мужчин и на международном, и на национальном уровнях.

Время проведения Пекинской конференции совпадает с периодом, который принято относить к *третьей волне феминизма* (конец 1980-х гг. XX в. — первые годы XXI в.). С этой датировкой нельзя не согласиться. Однако трактовка российскими авторами содержания и результатов третьей волны не кажется обоснованной. Так, например, А. В. Белова считает, что «в центре внимания третьей волны оказались вопросы преодоления множественных дискриминаций, связанных с расовыми, этническими и иными различиями» (цит. по: [От суфражисток... , 2023]). Данную позицию по вопросу о содержании третьей волны поддерживает Ж. В. Чернова, которая отмечает, что «чуть позже это оформилось в такой подход, как “*интерсекциональность*”» (цит. по: [там же]). Однако, по-моему, более корректную позицию занимает И. И. Тартаковская, которая полагает, что «*интерсекциональный феминизм* является центральным теоретическим направлением *четвертой волны*», зародившейся после 2000 г. [Тартаковская, 2024]. Таким образом, если считать, что интерсекциональность — это содержание четвертой волны, то в качестве *главного содержания и результата третьей волны феминизма* правомерно рассматривать *переход от женских исследований к гендерным*. Подтверждением обоснованности данной позиции могут служить масштабные научные и практические результаты, связанные с распространением гендерной концепции и Gender studies в странах Европы и Азии, Африки и Латинской Америки, на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке. Приведем лишь некоторые примеры. В *сфере науки* — междисциплинарные гендерные исследования обрели свою систему понятий и научный дискурс, что способствовало появлению таких специализированных областей знания и направлений исследований, как гендерная социология, гендерная история и др. На *международном уровне* — глобальные международные проекты, например Цели развития тысячелетия (2000 г.; третья цель) и Цели устойчивого развития (2015 г.; пятая цель), основаны на идеях и дискурсе гендерного равенства. В *числе практических результатов* — правительства государств ЕС в соответствии с Амстердамским договором 1999 г. взяли на себя обязательства проводить политику, способствующую равенству женщин и мужчин на всех уровнях, получившую название «государственный феминизм».

Большинство вовлеченных в гендерные исследования ученых признают существование *четвертой волны феминизма*, начало которой датируют примерно 10-ми гг. XXI в. К основным *научным* характеристикам четвертой волны обычно относят уже упомянутую выше *интерсекциональность*, радикализацию глобалистских концепций гендерной идентичности, а также «ярко выраженную и усиливающуюся *политизацию гендерной проблематики*» [Кирилина, 2021: 112]. Современная западная политизированная гендерная наука в большей мере обслуживает интересы элит, чем женского движения, а поскольку многие проблемы, связанные с гендерным неравенством в обществе, остаются нерешенными, то женское движение перешло в онлайн и превратилось в сетевой феминизм. К основным особенностям сетевого феминизма относят его децентрализованную и неиерархическую структуру, активное использование цифровых технологий и хештегов, которые позволяют вести дискуссии, отслеживать и выявлять тренды и осуществлять поддержку женщин по конкретным вопросам. Но главное, путем проведения акций, которые по-прежнему выводят на улицы многотысячные массы женщин, у сетевого феминизма появилась возможность решать их реальные проблемы. Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что и концептуально, и политически *феминистская наука и женское движение четвертой волны развиваются практически автономно*, преследуя и реализуя различные цели.

Феминизм в России вчера и сегодня

Первая волна феминизма в России не только по срокам, но и по содержанию и результатам совпала с тем, что происходило на Западе. Так же как в других странах, первая волна российского женского движения была успешной и завершилась тем, что россиянки завоевали де-юре практически все социально-политические права, уравненные с правами мужчин. А вот период активизации феминизма второй волны женского движения в России несколько отличается по времени: он был непродолжительным по сравнению с другими странами. Вторая волна феминизма, по мнению ряда исследователей, началась в России в конце 1970-х гг. XX в., когда на Западе она уже пошла на спад. Возрождение феминизма нередко связывают с выпуском самиздатовского альманаха «Женщина и Россия» (1979), в котором описываются проблемы в советских семьях и обществе, где «женщина тянет воз, на котором восседает мужчина, понукающий ею» [Женщина... , 1980: 12]. В конце 80-х гг. XX в. на волне перестройки и гласности в России начали возникать независимые женские организации. Их объединение и консолидация как женского движения связаны с проведением в подмосковной Дубне Первого и Второго независимых женских форумов в 1991 и 1992 гг. Среди организаторов форумов были в основном представители науки. Кроме практических задач, направленных на создание *сети независимых женских организаций*, на форумах была представлена *новая научная парадигма и первые результаты гендерных исследований*, уже проведенных к тому времени в некоторых российских городах (Таганроге, Набережных Челнах и Москве) (см.: [Хоткина, 2000]). Таким образом, основными результатами «новой эры феминизма в России» были, с одной стороны, возрождение женского движения (практика), а с другой — возникновение гендерных исследований (наука), которые в тот период вполне успешно взаимодействовали.

Отсчет продолжительности *третьей волны*, связанной с важными событиями и результатами в российской науке и женском движении, правильнее всего начинать с 1996 г., т. е. сразу после Пекина-95. Для российской гендерной науки это было время институционализации, а для российских ученых — период консолидации, обмена опытом и идеями по поводу преподавания и проведения новых гендерных исследований. Настоящим прорывом в сфере гендерной науки и образования в России стало издание с 1996 г. научного журнала «Женщина в российском обществе», а также введение в учебные программы некоторых российских вузов нового курса «Феминология», который с 1998 г. стал называться «Феминология и гендерные исследования». В начале XXI в. был настоящий бум публикаций и защит диссертаций по гендерной социологии, истории, психологии, экономике, лингвистике и другим научным отраслям гендерных исследований. Однако той тесной связи с женским движением, какая была в начале второй волны, уже не было.

В сфере практической деятельности конец XX — начало XXI в. отмечены воплощением в жизнь международных обязательств, которые были взяты российским государством в Пекине-95. Активно шла работа по формированию национального механизма гендерного равенства, принимались правительственные указы и региональные программы, направленные на создание условий для достижения целей, обозначенных в Пекинской платформе действий. Но подъем третьей волны феминизма в России был прерван административными реформами 2004 г., в результате которых недавно созданный национальный механизм гендерного равенства в стране оказался фактически разрушен. Поэтому, вероятно, в качестве даты окончания третьей волны российского феминизма следует считать 2004 г.

В настоящее время в стране существует достаточно много женских организаций, но лишь немногие из них имеют феминистскую направленность. Однако после 2010-х гг. в России «значительно выросла феминистская активность в социальных сетях»: «Российские феминистки новых поколений иницируют резонансные общественные кампании против домашнего насилия, сексуальных домогательств (например, “Я не боюсь сказать”), сексизма в медиа и рекламе. Помимо дискуссий на различных интернет-площадках, они проводят просветительские мероприятия и занимаются правозащитной деятельностью» [Тартаковская, 2024]. Как и во всем мире, в России происходит политизация гендерных исследований, но у нас она идет не от ученых, а сверху. Поэтому в научных публикациях одни российские ученые оценивают сегодняшнюю ситуацию с гендерными исследованиями в стране как кризисную, а другие называют четвертой волной феминизма. Кто из них прав — покажет время.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ характера связей между наукой и женским движением, а также рассмотренные исторические примеры этих взаимодействий показали их сложность и многомерность. Выявлено, что женское движение не пассивный предмет для научного изучения, а благоприятная среда, стимулирующая возникновение новых научных теорий и концепций. Активная роль науки выражалась в том, что она не только изучала женское движение, но в определенные моменты изменяла направленность его деятельности как на международном, так и на национальном уровне. Экскурс в историю феминизма

и гендерных исследований в России и мире показал, что все модели взаимосвязи между наукой и женским движением, которые были описаны в начале статьи, имели место на разных этапах и в разных контекстах. Поскольку проблемы гендерного неравенства остаются актуальными во всех странах и их нужно решать, то можно считать, что у феминизма есть не только история, но и будущее.

Список источников

- Баранов Н.* Феминизм: лекция 11. 2016. 19 июня. URL: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskie-ideologii/leksiya-11-feminizm> (дата обращения: 11.08.2025).
- Бовуар С. де.* Второй пол: в 2 т. / пер. с фр., общ. ред., вступ. ст. С. Г. Айвазовой; коммент. М. В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с. (Библиотека феминизма).
- Брандт Г. А.* Природа женщины как проблема теории феминизма: историко-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03 / Урал. гос. ун-т, Урал. гос. техн. ун-т. Екатеринбург, 2000. 50 с.
- Водопьянова Е. В.* Европейский феминизм: идеи и движение // Современная Европа. 2000. № 4. С. 60—69.
- Воронина О. А.* Социально-философский анализ теории, методологии и практики гендерного равенства: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Ин-т философии РАН. М., 2004. 52 с.
- Женщина и Россия: альманах. Париж, 1980 // Центр Андрея Белого: электронный архив. URL: [https://samizdat.wiki/Альманах_«Женщина_и_Россия»_\(Париж,_1980\)](https://samizdat.wiki/Альманах_«Женщина_и_Россия»_(Париж,_1980)) (дата обращения: 17.08.2025).
- Кирилина А. В.* Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3. С. 109—147.
- Крыкова И. В.* Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке // Аналитика культурологии. 2008. № 11. С. 65—70.
- От суфражисток до #MeToo: все, что нужно знать о четырех волнах женского движения // Forbes. 2023. 11 мая. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/488869-ot-sufrazistok-do-metoo-vse-cto-nuzno-znat-o-cetyreh-volnah-zenskogo-dvizenia?ysclid=mfldru3e49220204122> (дата обращения: 11.08.2025).
- Пекинская декларация и Платформа действий. Пекин+5. Политическая декларация и решения // ООН-женщины. 2014. URL: https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/CSW/BPA_R_FINAL_WEB.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
- Пекинская платформа действий в 30 лет: отмечая прогресс и решая проблемы в стремлении к гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин // ООН. 2025. 20 марта. URL: <https://www.un.org/ru/228814> (дата обращения: 17.08.2025).
- Тартаковская И. И.* Феминизм // Большая российская энциклопедия. 2024. URL: <https://bigenc.ru/c/feminizm-6126ed> (дата обращения: 17.08.2025).
- Темкина А. А.* Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя. Ист. кн., 2004. С. 41—75.
- Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 135 с.
- Хасбулатова О. А.* Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14—26.

- Хоткина З. А. Гендерным исследованиям в России — десять лет // *Общественные науки и современность*. 2000. № 3. С. 21—26.
- Чикалова И. Р. Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навуковы зборнік*. Мінск: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт, 2007. Вып. 3. С. 89—100.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности / под ред. Т. А. Мелешко. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Tuttle L. *Encyclopedia of Feminism*. Harlow (Essex): Longman, 1986. 399 p.

References

- Baranov, N. (2016) *Feminizm: Lektsiia 11* [Feminism: Lecture 11], 19 iunia, available from <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskie-ideologii/lektsiya-11-feminizm> (accessed 11.08.2025).
- Beauvoir, S. de (1997) *Vtoroi pol* [The second sex], transl. from French by S. G. Aivazova, Moscow: Progress, St. Petersburg: Aleteiia.
- Brandt, G. A. (2000) *Priroda zhenshchiny kak problema teorii feminizma: istoriko-filosofskii analiz*: Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.03 [The nature of women as a problem of the theory of feminism: a historical and philosophical analysis: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Ural'skii gosudarstvennyi universitet, Ural'skii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, Yekaterinburg.
- Chikalova, I. R. (2007) *Gendernyi podkhod v nauках o cheloveke i obshchestve: smeshchenie issledovatel'skikh paradigm* [Gender approach in human and social sciences: shifting research paradigms], *Krynitsaznaustva i spetsyial'nyia gistorychnyia dystsypliny: Navukovy zbornik*, iss. 3, Minsk: Belarusski dzharzhauny universitet, pp. 89—100.
- Khasbulatova, O. A. (1994) *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii (1860—1917)* [The experience and traditions of the women's movement in Russia (1860—1917)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A. (2019) *Zhenskoe dvizhenie v sovremennoi Rossii* [The women's movement in contemporary Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 14—26.
- Khotkina, Z. A. (2000) *Gendernym issledovaniiam v Rossii — desiat' let* [Gender studies in Russia celebrate ten years], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 21—26.
- Kirilina, A. V. (2021) *Gender i gendernaia lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletia* [Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium], *Voprosy psikholingvistiki*, no. 3, pp. 109—147.
- Krykova, I. V. (2008) *Feminizm: proiskhozhdenie poniatia i ego traktovaniia v sovremennoi nauke* [Feminism: the origin of the concept and its interpretation in modern science], *Analitika kul'turologii*, no. 11, pp. 65—70.
- Ot sufrazhistok do #MeToo: vse, chto nuzhno znat' o chetyreh volnakh zhenskogo dvizheniia (2023) [From suffragettes to #MeToo: everything you need to know about the four waves of the women's movement], *Forbes*, 11 maia, available from <https://www.forbes.ru/forbes-woman/488869-ot-sufrazistok-do-metoo-vse-cto-nuzno-znat-o-cetyreh-volnah-zhenskogo-dvizhenia?ysclid=mfldru3e49220204122> (accessed 11.08.2025).
- Pekinskaiia deklaratsiia i Platforma deistvii. Pekin+5. Politicheskaiia deklaratsiia i resheniia (2014) [Beijing Declaration and Platform for Action. Beijing+5. Political Declaration and decisions], *UN Women*, available from https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/CSW/BPA_R_FINAL_WEB.pdf (accessed 17.08.2025).

- Pekinskaia platforma deĭstviĭ v 30 let: otmechaia progress i reshaia problemy v stremlenii k gendernomu ravenstvu i rasshireniiu prav i vozmozhnostei zhenshchin (2025) [The Beijing Platform for Action at 30: celebrating progress and addressing challenges in pursuit of gender equality and women's empowerment], *UN*, 20 marta, available from <https://www.un.org/ru/228814> (accessed 17.08.2025).
- Tartakovskaya, I. I. (2024) Feminizm, in: *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia*, available from <https://bigenc.ru/c/feminizm-6126ed> (accessed 17.08.2025).
- Temkina, A. A. (2004) Zhenskoe dvizhenie kak obshchestvennoe dvizhenie: istoriia i teoriia [The women's movement as a social movement: history and theory], in: Stepanova, N. M., Kochkina, Ye. V. (eds), *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh system*, St. Petersburg: Aleteĭia. Istoricheskaia kniga, pp. 41—75.
- Tuttle, L. (1986) *Encyclopedia of Feminism*, Harlow, Essex: Longman.
- Vodopyanova, Ye. V. (2000) Evropeĭskii feminizm: idei i dvizhenie [European feminism: ideas and movement], *Sovremennaia Evropa*, no. 4, pp. 60—69.
- Voronina, O. A. (2004) *Sotsial'no-filosofskii analiz teorii, metodologii i praktiki gendernogo ravenstva*: Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11 [A socio-philosophical analysis of the theory, methodology, and practice of gender equality: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Institut filosofii Rossiĭskoi akademii nauk, Moscow.
- Yukina, I. I. (2007) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Zhenshchina i Rossiia: Al'manakh (1980), Paris [Woman and Russia: Almanac], *Tsentr Andreia Belogo*: Ėlektronnyi arkhiv, available from [https://samizdat.wiki/Альманах_«Женщина_и_Россия»_\(Париж,_1980\)](https://samizdat.wiki/Альманах_«Женщина_и_Россия»_(Париж,_1980)) (accessed 17.08.2025).

Статья поступила в редакцию 18.09.2025; одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 03.10.2025.

The article was submitted 18.09.2025; approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 03.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Хоткина Зоя Александровна — кандидат экономических наук, доцент, эксперт по гендерному равенству Программы развития ООН в Российской Федерации, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, zoia-alex2012@yandex.ru (Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Gender Equality Expert at the United Nations Development Programme in the Russian Federation, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N. M. Rimashevskaya of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 83—101.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 83—101.

Научная статья

УДК 314.15

EDN: <https://elibrary.ru/liaxdm>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.6

**ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
НА БРАЧНОСТЬ И РОЖДАЕМОСТЬ В РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЯХ
РОССИЙСКИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН
(По данным переписей)**

Александр Борисович Синельников

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния изменений в структуре населения по брачному статусу на эффективность демографической политики. На основании анализа данных переписей населения автор пришел к выводу, что многие люди надолго откладывают вступление в брак. Из-за этого становится все больше никогда не состоявших в браке мужчин и женщин в возрасте не только от 20 до 29 лет, но и от 30 до 39 и даже от 40 до 49 лет, а также увеличивается число бездетных, в том числе и среди супружеских пар. По мнению автора, демографическая политика в России влияет на увеличение среднего числа детей у супружеских пар, которые уже имеют как минимум одного ребенка, но не способствует созданию новых семей. Эффективность этой политики снижается из-за уменьшения числа замужних женщин с детьми. Автор предлагает ввести дополнительные меры демографической политики, направленные на устранение препятствий к вступлению в брак.

Ключевые слова: откладывание браков, поздние браки, никогда не состоявшие в браке, бездетные, среднее число рожденных детей, поколения, демографическая политика

Для цитирования: Синельников А. Б. Влияние демографической политики на брачность и рождаемость в разных поколениях российских мужчин и женщин: (по данным переписей) // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 83—101.

Original article

THE IMPACT OF DEMOGRAPHIC POLICY ON MARRIAGE AND FERTILITY RATES IN DIFFERENT GENERATIONS OF RUSSIAN MEN AND WOMEN (Based on census data)

Alexander B. Sinelnikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, sinalexander@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the impact of changes in the structure of the population by marital status on the effectiveness of demographic policy. Based on the analysis of census data, the author concluded that many people postpone marriage for a long time. Therefore, there are more and more men and women who have never been married, not only between the ages of 20 and 29, but between 30 and 39 and 40 and 49. The number of childless people, including among married couples, is also increasing. The author believes that demographic policy in Russia influences the increase in the average number of children of couples who already have at least one child, but does not contribute to the creation of new families. The effectiveness of this policy is reduced due to the decreasing number of married women with children. The author proposes to introduce additional demographic policy measures aimed at removing obstacles to marriage.

Key words: delayed marriage, late marriage, never-married adults, childless people, total fertility rate, generations, population policy

For citation: Sinelnikov, A. B. (2025) Vlianie demograficheskoi politiki na brachnost' i rozhdaemost' v raznykh pokoleniiakh rossiiskikh muzhchin i zhenshchin: (Po dannym perepisei) [The impact of demographic policy on marriage and fertility rates in different generations of Russian men and women: (Based on census data)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 83—101.

Введение

Демографы оценивают влияние демографической политики на рождаемость по среднему числу детей, рожденных к определенному возрасту женщинами разных поколений [Население России... , 2022: 113—137; Кишенин и др., 2024; Андреев и др., 2025].

Суммарный коэффициент рождаемости (или коэффициент суммарной рождаемости — Total Fertility Rate) — это показатель для *условного* поколения, рассчитанный по методу *поперечного анализа* путем суммирования возрастных коэффициентов рождаемости за один год для женщин от 15 до 49 лет. Например, при расчете суммарного коэффициента рождаемости за 2023 г. суммируются возрастные коэффициенты рождаемости для 35 разных *реальных* поколений женщин, которые в 2023 г. находились в возрастах от 15 (2007—2008 годы рождения) до 49 лет (1973—1974 годы рождения). По сути, это прогноз числа детей, которые родятся за всю жизнь у 1000 женщин (или в среднем на одну женщину) из поколения 2007—2008 годов рождения, которым было 15 лет в 2023 г., если при прохождении через возрасты от 16 до 49 лет у них будут

такие же возрастные коэффициенты рождаемости¹, какие были у женщин тех же возрастов, но других поколений в 2023 г.

Расчет суммарного коэффициента рождаемости основан на предположении о том, что за 35 лет после начала расчетного периода (в данном случае — с 1 января 2023 г.) возрастные коэффициенты рождаемости не будут меняться. Это позволяет по данным за один год определить, сколько детей в среднем родит одна женщина за все 35 лет жизни в репродуктивном возрасте, нижней границей которого в демографии считается 15 лет, а верхней — 50.

Суммарный коэффициент рождаемости можно рассчитать и для *реального поколения*, уже вышедшего из репродуктивного возраста, например для женщин 1973—1974 годов рождения. Для этого надо суммировать возрастные коэффициенты рождаемости у 15-летних матерей в 1988 г., 16-летних — в 1989-м, 17-летних — в 1990-м и так далее вплоть до 49-летних в 2023 г. Этот метод в демографии называется методом *продольного* анализа или методом *реального поколения*. Если расчет доводится не до 45 или 50 лет, а, например, до 25, 30, 35 или 40 лет, то речь идет не о суммарных, а о *кумулятивных* коэффициентах. Но кумулятивный коэффициент к 40 годам очень близок к суммарному. 95 % детей рождаются у матерей до 40 лет.

Суммарный коэффициент рождаемости для реального поколения характеризует уровень рождаемости *в прошлом*. Эти женщины уже закончили деторождение. Поскольку большинство детей рождаются у матерей от 20 до 35 лет, суммарный коэффициент к 50 годам в реальном поколении дает представление о том, каким был уровень рождаемости от 15 до 30 лет тому назад. Но это неточное представление. Когда женщины какого-то поколения рожают детей, одновременно с ними рожают женщины более молодых и более старших поколений. Для каждого реального поколения можно рассчитать кумулятивные и суммарные коэффициенты. Но они отличаются друг от друга по величине и не дают *обобщающего представления* об уровне рождаемости.

Суммарный же коэффициент для условного поколения, которое конструируется из 35 реальных, *одним числом* характеризует уровень рождаемости в данном году. Поэтому при анализе динамики рождаемости надо использовать показатели и для условных, и для реальных поколений. Последние можно рассчитывать не только по данным о регистрации рождений в загсах, но и по материалам переписей населения о распределении женщин тех или иных годов рождения по числу рожденных ими детей. Эту информацию можно сравнить с данными тех же переписей о распределении женщин (да и мужчин) того или иного возраста по брачному статусу (*marital status*), так как незамужние рожают значительно реже, чем замужние.

При разложении (декомпозиция) суммарного коэффициента для условного поколения на суммарные коэффициенты первых, вторых и последующих рождений некоторые из них принимают неправдоподобные значения. Если средний

---

¹ Возрастные коэффициенты рождаемости для 15-летних в 2023 г. рассчитываются путем деления числа детей, рожденных матерями этого возраста в данном году, на среднегодовую численность 15-летних женщин за 2023 г. — на среднюю арифметическую из численности женщин в возрасте 15 лет на конец 2022 г., т. е. родившихся в 2007 г., и на конец 2023 г., т. е. родившихся в 2008 г. Таким же образом рассчитываются соответствующие коэффициенты для всех других возрастов.

возраст первородящих снижается, то суммарные коэффициенты первых рождений могут превышать единицу, что имело место в нашей стране в начале 1970-х гг. В реальных поколениях это невозможно. Если же средний возраст матерей при первых рождениях повышается из-за их откладывания, что и происходит в нынешней России, то суммарный коэффициент первых рождений становится неправдоподобно низким.

В 2023 г. данный показатель в России составил лишь 0,597 [Архангельский и др., 2024: 82]. Это означает, что если коэффициенты первых рождений в течение 35 лет начиная с 2023 г. во всех возрастах останутся такими же, какими они были в 2023 г., то 40,3 % женщин 2007—2008 годов рождения, которым в данном году было 15 лет, к 2058 г., когда им будет 50 лет, так и останутся бездетными. Хотя уровень окончательной бездетности растет и в реальных поколениях, сомнительно, что он станет таким высоким.

Чтобы определить, как меняется распределение по числу рожденных детей и их среднее число в расчете на одну женщину того или года рождения, необходимы данные в одногодичной возрастной группировке. Но соответствующие данные советских и российских переписей населения публиковались только по пятилетним группам. Их можно объединять в 10-летние интервалы. Длина интервала должна соответствовать периоду между переписями.

Вопрос о числе рожденных детей впервые задавался при переписи, проведенной в январе 1979 г. Через 10 лет, в январе 1989 г., состоялась еще одна перепись. К сожалению, следующая перепись прошла только в октябре 2002 г., т. е. через 13 лет и 9 месяцев. Восемь лет спустя, в октябре 2010 г., состоялась предпоследняя, а еще через 11 лет, в октябре 2021 г., — последняя на данный момент перепись населения. Она планировалась на 2020 г., но из-за пандемии COVID-19 было отложена на год, хотя официально до сих пор называется Всероссийской переписью населения 2020 г.

Нерегулярность переписей затрудняет анализ их данных о рождаемости в реальных поколениях. Но эту проблему можно решить пересчетом данных переписей на круглые даты — 1980, 1990, 2000, и 2020 гг. по методу линейной интерполяции. За основу, для которой не требуется пересчет, принимаются данные переписи 2010 г. Они точнее данных переписи 2021 г., когда многие миллионы людей были переписаны по информации из административных источников, т. е. по данным о регистрации по месту жительства [Андреев, Чурилова, 2023], и им не задавались вопросы о брачном статусе и числе детей. Распределение населения по этому статусу и по числу детей (на основании чего определяется среднее их число) рассчитывается в процентах к числу ответивших на данные вопросы.

Приведем пример линейной интерполяции данных переписей 2010 и 2021 гг. по состоянию на 2020 г. Среднее число рожденных детей у женщин в возрасте от 30 до 39 лет составляло 1,396 в 2010 г. и 1,495 в 2021 г. Изменение (в данном случае — увеличение) этого показателя за 11 лет между переписями составило: $1,495 - 1,396 = 0,099$. Если этот процесс происходил равномерно (на чем и основана линейная интерполяция), то прирост показателя за период между 2010 и 2020 гг., т. е. за 10 из этих 11 лет составляет: $0,099 \times (10/11) = 0,090$. Прибавив это число к показателю 2010 г., получаем интерполяционную оценку на 2020 г.:

$1,396 + 0,090 = 1,486$ (округленно 1,49; см. рис. 1). Тем же способом сделаны интерполяционные оценки других показателей, приведенных в статье.

Цель этих расчетов и статьи в целом — определение влияния мер демографической политики на среднее число детей у женщин, принадлежащих к тем или иным поколениям, с учетом фактора брачности. По гипотезе автора, эти меры повлияли лишь на среднее число детей у замужних матерей, т. е. женщин, состоящих в законном браке или неофициальном союзе и уже имеющих хотя бы одного ребенка, но данный позитивный эффект был нивелирован повышением доли незамужних и бездетных во всех поколениях. Если гипотеза подтвердится, следует ввести дополнительные меры демографической политики по преодолению этих негативных тенденций.

Среднее число детей, рожденных женщинами разных поколений к тому или иному возрасту

Данные о рождаемости в реальных поколениях представлены на рисунке 1.

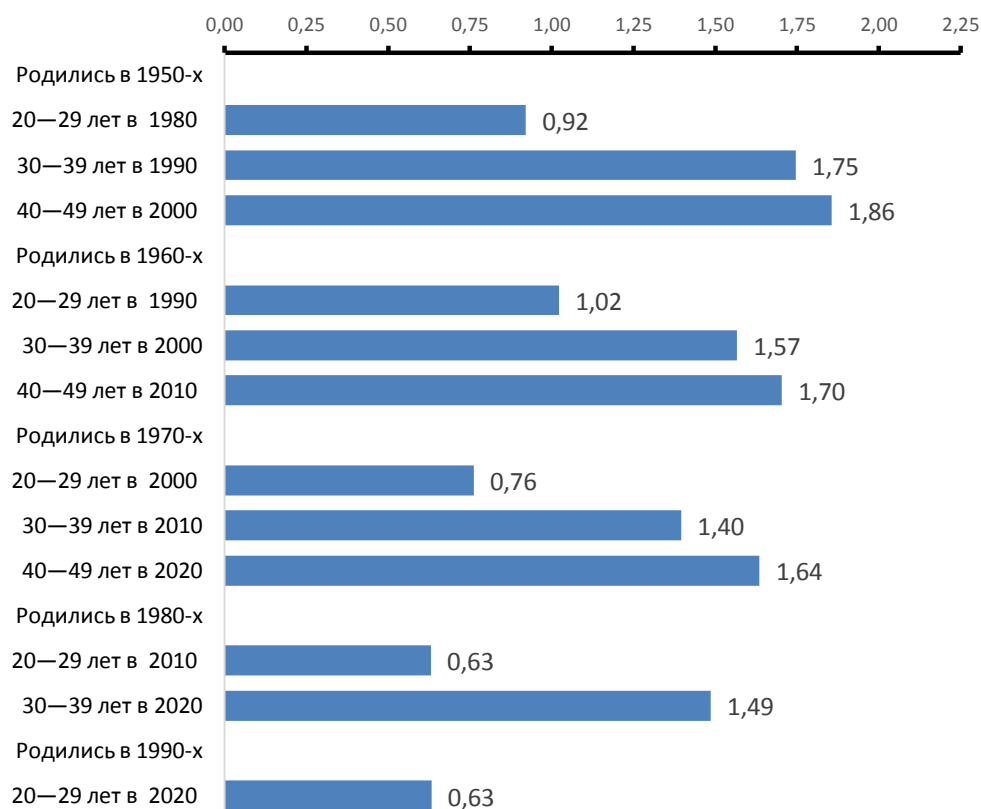

Рис. 1. Среднее число рожденных детей у женщин с 1950-х до 1990-х годов рождения в возрасте 20—29, 30—39 и 40—49 лет: за 2010 г. — данные переписи, за другие годы — интерполяционные оценки²

² Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 9. Табл. 1. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 15.07.2025); Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 10. Табл. 1. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/

Женщинам 1950-х годов рождения в 1980 г. было от 20 до 29 лет. Среднее число детей у них составляло 0,92. В дальнейшем будем считать, что показатели для возрастных интервалов 20—29, 30—39 и 40—49 лет относятся к середине этих интервалов, т. е. к 25, 35 и 45 годам, что практически является итоговым показателем. Через 10 лет, в 1990 г., среднее число детей у женщин этого поколения к 35 годам увеличилось на 0,83 и достигло 1,75. В 1980-х гг. рождаемость несколько повысилась. Это могло быть связано с продлением отпуска по уходу за ребенком и введением его частичной оплаты в 1982 г., с позитивным, но кратковременным эффектом антиалкогольной кампании, начавшейся в 1985 г., а также с надеждами части населения на улучшение условий жизни в этот период, названный эпохой перестройки. В 1986—1988 гг. единственный раз за все время с 1964 г. до наших дней суммарный коэффициент рождаемости для условного поколения даже несколько превысил уровень простого замещения поколений (2,1). Но в самом конце 1980-х гг. вновь началось снижение рождаемости, которое продолжалось до конца 1990-х. Это было связано с экономическим кризисом, длившимся все данное десятилетие. На рождаемость у женщин 1950-х годов рождения это мало повлияло, поскольку большинство из них реализовали свои репродуктивные планы еще до кризиса. В 1990-х гг. среднее число детей у них увеличилось с 1,75 до 1,86, т. е. на 0,11 и стало практически уже итоговым, поскольку в 2000 г. женщинам этого поколения было от 40 до 49, а в среднем 45 лет.

Женщины 1960-х годов рождения вступили в возраст от 20 до 29 лет в то время, когда подавляющее большинство первых браков заключалось в молодые годы [Андреев и др., 2025]. Среднее число рожденных детей к 25 годам у них составило 1,02, что на 0,10 больше, чем в поколении 1950-х гг. Но за следующие 10 лет, этот показатель увеличился только на 0,55 и к 35 годам составил 1,57 — на 0,18 пункта меньше, чем в поколении 1950-х гг. к тому же возрасту. Снижение могло отчасти объясняться более ранней реализацией репродуктивных планов, а не только кризисом 1990-х гг., после которого среднее число рожденных детей увеличилось еще на 0,13 и к 45 годам составило 1,70. В снижении итогового среднего числа рожденных детей на 0,16 по сравнению с поколением 1950-х проявилась не только разница между социально-экономическими условиями, в которых оба эти поколения находились в одних и тех же возрастах, но и долговременная тенденция к сокращению рождаемости от поколения к поколению.

У женщин поколения 1970-х гг. среднее число рожденных детей к 25 годам составило лишь 0,76. Снижение этого показателя на 0,26 по сравнению с поколением 1960-х гг. свидетельствует о более массовом откладывании рождения детей. Можно было предположить, что за снижением рождаемости в возрастах

---

new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.07.2025); Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 12. Табл. 1. URL: <https://www.perepis2002.ru/index.html?id=30> (дата обращения: 15.07.2025); Всесоюзная перепись населения 1989 года. Женщины отдельных национальностей по возрасту и числу рожденных детей, РСФСР // Демоскоп Weekly. Прил.: Справочник статистических показателей. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_89.php (дата обращения: 15.07.2025); Всесоюзная перепись населения 1979 года. Женщины отдельных национальностей по возрасту и числу рожденных детей, РСФСР // Там же. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_79.php (дата обращения: 15.07.2025).

до 25 лет последует еще более масштабная реализация отложенных рождений в следующие 10 лет. Действительно, на этапе перехода из возрастной группы 20—29 лет в возрастную группу 30—39 лет среднее число рожденных детей у женщин поколения 1970-х гг. увеличилось на 0,64, а у поколения 1960-х лишь на 0,55. Это могло быть связано с реализацией отложенных рождений, условия для которой улучшились.

В 2007 г. вступил в силу закон о материнском капитале, право на который вплоть до 2020 г. давалось лишь один раз после рождения второго ребенка или третьего либо последующих детей, если предыдущий ребенок родился до введения этого закона и капитал на него не был получен. Затем появилось немало других мер помощи семьям с детьми как на федеральном, так и на региональном уровне. Суммарный коэффициент рождаемости для условного поколения повысился с 1,31 в 2006 г. до 1,76 в 2015 г., а затем вновь стал снижаться и в 2023 г. составил 1,41³. Но в реальных поколениях изменения имели иной характер.

Среднее число рожденных детей в поколении 1970-х гг. составило 1,40 к 35 годам и 1,64 к 45 годам. Несмотря на значительное увеличение данного показателя в этом поколении даже в поздних репродуктивных возрастах (на 0,24), итоговый показатель к 45 годам оказался даже несколько меньше, чем в поколении 1960-х гг. (1,70), которое в основном реализовало свои репродуктивные планы еще до активизации демографической политики. У поколения 1980-х среднее число рожденных к 25 годам детей составило лишь 0,63 — намного меньше, чем во всех предыдущих поколениях. Но за период между 25 и 35 годами этот показатель увеличился на 0,86, т. е. отложенные рождения стали реализовываться чаще, в том числе и благодаря мерам помощи семьям с детьми. К 35 годам показатель составил 1,49, что на 0,09 больше, чем в поколении 1970-х. До 2023 г. возрастные коэффициенты рождаемости у женщин 30—39 и 40—49 лет не снижались. Если они останутся на том же уровне, то среднее число рожденных детей у женщин 40—49 лет может составить 1,77⁴. Но это ниже уровня простого замещения. У поколения 1990-х годов рождения среднее число рожденных к 25 годам детей оказалось таким же, как у поколения 1980-х.

Рост частоты окончательного безбрачия и бездетности из-за откладывания браков

Чтобы понять, остановился ли процесс откладывания создания семей и рождения детей, надо рассмотреть изменения в распределении мужчин и женщин от 20 до 49 лет по брачному статусу (рис. 2).

---

³ Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517/> (дата обращения: 15.07.2025).

⁴ Рассчитано по: Естественное движение населения Российской Федерации за 2023 год: (статистический бюллетень). М.: Росстат, 2024. Табл. 5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения: 15.07.2025); Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года: (статистический бюллетень). М.: Росстат, 2024. Табл. 1.1.2. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284> (дата обращения: 15.07.2025).

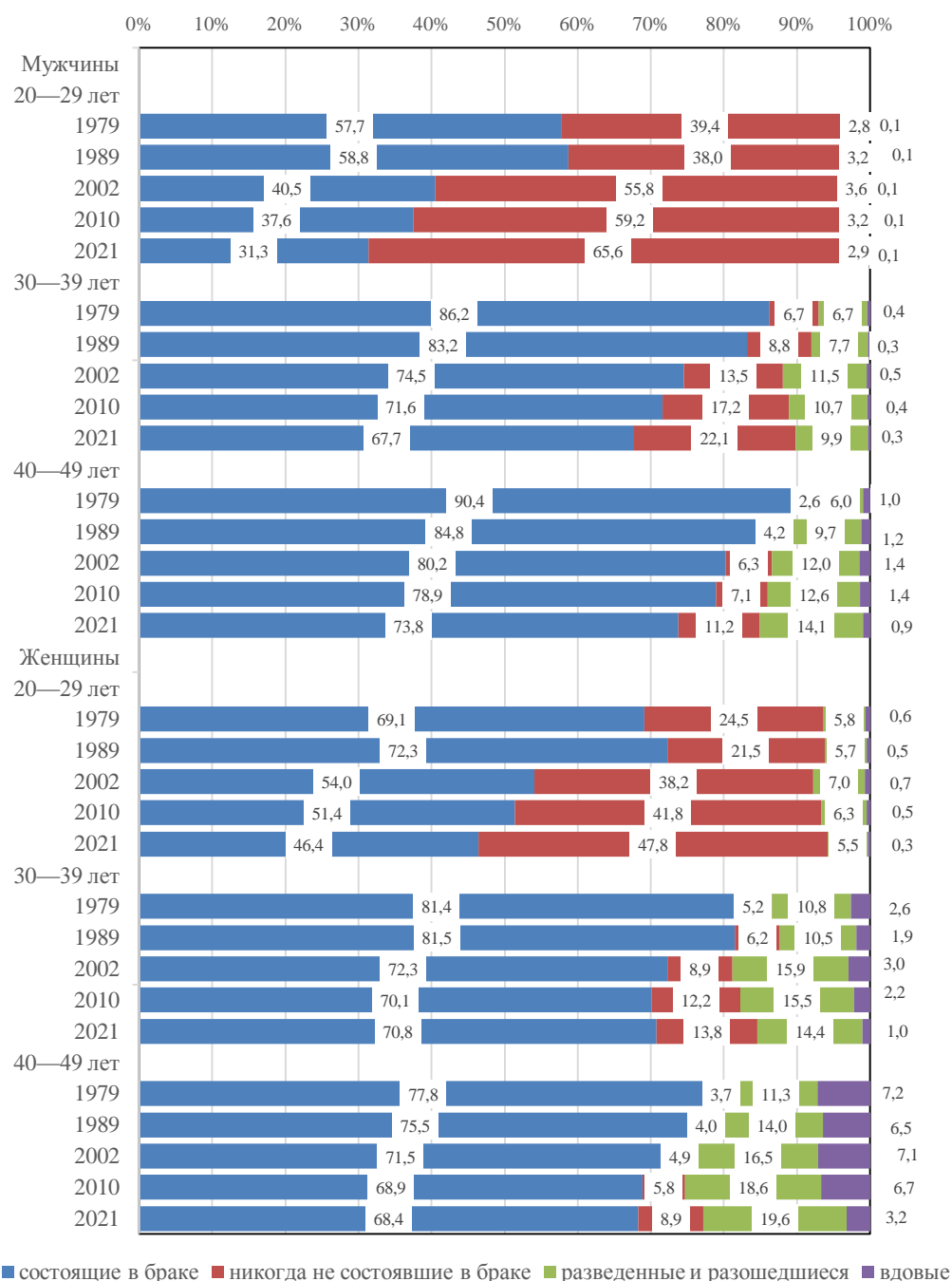

Рис. 2. Распределение населения РФ по брачному статусу в 1979—2021 гг.,
% к числу лиц 20—29, 30—39 и 40—49 лет, указавших этот статус при переписях⁵

⁵ Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 2. Табл. 5. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 15.07.2025); Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 2. Табл. 5; Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 2. Табл. 3. URL: <https://www.perepis2002.ru/>

За весь период с 1979 по 2021 г. систематически снижалась доля состоящих в браке среди мужчин во всех возрастах от 20 до 49 лет. У женщин тенденция к снижению проявлялась менее четко, но тоже весьма заметно. Гендерные различия в динамике этих процессов объясняются изменениями в системе комбинации (сочетания) возрастов женихов и невест при вступлении в брак. Кроме того, соотношение численности мужчин и женщин становится более благоприятным для последних из-за того, что в 2000-х и 2010-х гг. смертность среди мужчин снижалась быстрее, чем среди женщин, а в Россию прибыли миллионы мигрантов из стран Центральной Азии. Большинство из них — мужчины. Некоторые из мигрантов женятся на российских женщинах.

Брачность мужчин и женщин — *это единый процесс*. Снижение доли состоящих в браке мужчин приводит к аналогичным изменениям и среди женщин. Так как женихи и невесты не всегда являются ровесниками, темпы этих изменений в разных возрастах у мужчин и женщин не совпадают. В обществе распространены представления о том, что главными кормильцами семьи должны быть мужья. Поэтому мужчины вступают в брак позже, чем женщины. Но и женщины не всегда спешат выходить замуж. Многие из них желают сначала получить высшее образование и устроиться на высокооплачиваемую работу, чтобы не зависеть материально от супругов, которые могут уйти от них.

На рисунке 2 видно, что в возрастах от 20 до 39 лет снижение доли состоящих в браке происходит главным образом за счет роста доли никогда не состоявших в браке. Доля разведенных и разошедшихся существенна, но не имеет четкой тенденции к росту. Многие семьи распадаются, но у разведенных и разошедшихся часто появляются новые законные или так называемые гражданские супруги. Одни демографы считают, что это повышает рождаемость [Захаров и др., 2016], другие с этим не согласны [Ростовская, Синельников, 2025].

Хотя далеко не все разведенные и разошедшиеся создают новые семьи, их доля среди населения моложе 40 лет после 2000 г. стала даже уменьшаться. Но после 40 лет эта доля увеличивается. Состояние здоровья и возражения детей, многие из которых уже взрослые, но продолжают жить с родителями, часто мешают мужчинам и особенно женщинам в этих возрастах вновь вступить в неофициальный союз и тем более в законный брак, так как это создает проблемы с жильем и наследством. Но на рождаемость сильнее влияет не *вторичное или послеразводное*, а *первичное безбрачие*. Нередко оно становится *окончательным* из-за длительного откладывания вступления в первый брак либо неформальный союз или отказа от этого (рис. 3).

Доля никогда не состоявших ни в законном, ни в гражданском браке среди 20—29-летних увеличилась с 39,1 % у мужчин и 24,0 % у женщин в поколении 1950-х годов рождения до 65,0 и 47,3 % в поколении 1990-х, что свидетельствует

---

index.html?id=31 (дата обращения: 15.07.2025); Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения России по брачному состоянию, полу и возрасту // Демоскоп Weekly. Прил.: Справочник статистических показателей. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_89_1.php (дата обращения: 15.07.2025); Всесоюзная перепись населения 1979 года. Распределение населения регионов РСФСР по полу, возрасту и состоянию в браке // Там же. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_mar_79.php?reg=1 (дата обращения: 15.07.2025).

о массовом откладывании создания семьи с регистрацией брака или без нее. Это может быть вызвано не только стремлением очень многих молодых мужчин и женщин получить высшее образование и устроиться на хорошо оплачиваемые рабочие места до вступления в брак, но и тем, что они не согласны жить вместе с родителями даже в первые месяцы супружества.

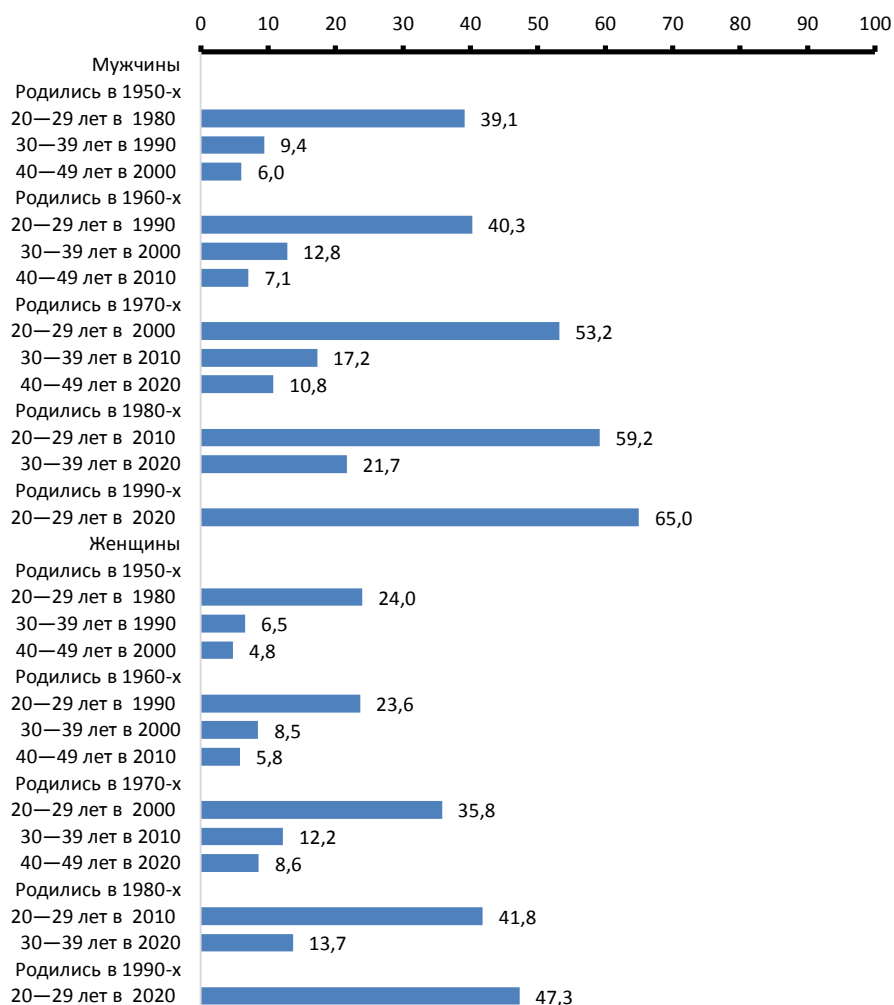

Рис. 3. Доля никогда не состоявших ни в браке, ни в неофициальном союзе среди мужчин и женщин, родившихся с 1950-х по 1990-е гг. и достигших возрастов 20—29, 30—39 и 40—49 лет, %: за 2010 г. — данные переписи, за другие годы — интерполяционные оценки⁶

В 2023 г. респондентам ВЦИОМ предлагалось указать условия, которые они считают абсолютно необходимыми для создания семьи. 35 % из них упоминали жилье для отдельного проживания от родителей, а 30 % — уровень доходов,

⁶ Рассчитано по: см. источники к рис. 1.

позволяющий жить независимо от них⁷. Тем, кто не может купить или снять квартиру, приходится надолго откладывать создание семьи. Чем дольше это продолжается, тем больше шансов на то, что в итоге они останутся одиночками. Как отдельное жилье, так и достаточные для создания семьи доходы и/или сбережения могут вообще никогда не появиться.

Чем выше доля никогда не состоявших в браке среди мужчин и женщин того или иного поколения, когда оно находится в возрасте 20—29 лет, тем выше эта доля в том же поколении, когда оно становится на 10 и даже на 20 лет старше. В 1980-х гг., когда представители поколения 1950-х находились в возрастах от 20 до 29 лет, 39,1 % мужчин и 24,0 % женщин еще не успели вступить в первый брак или неофициальный супружеский союз. Через 10 лет, когда им было от 30 до 39 лет, подавляющее большинство из них создали семьи, лишь 9,4 % мужчин остались холостыми и 6,5 % женщин незамужними. 30—39 лет — достаточно молодой возраст. Но когда это поколение достигло возрастов от 40 до 49 лет, почти у двух третей холостяков (6,0 из 9,4 %) и трех четвертей незамужних (4,8 из 6,5 %) брачный статус остался прежним.

Намного выше оказались доли никогда не состоявших в браке в поколении 1970-х гг. В 20—29 лет они составляли 53,2 % у мужчин и 35,8 % у женщин, в 30—39 лет — 17,2 и 12,2 %, в 40—49 лет — 10,8 и 8,6 %.

Для поколения 1980-х годов рождения эти показатели можно рассчитать по данным переписей только для возрастов 20—29 лет (59,2 % у мужчин и 41,8 % у женщин) и 30—39 лет (21,7 и 13,7 % соответственно). Судя по соотношению долей никогда не состоявших в браке в 40—49 и 30—39 лет в поколении 1970-х гг. (у мужчин $10,8 : 7,2 = 0,63$, у женщин $8,6 : 12,2 = 0,70$), в поколении 1980-х, когда оно перейдет в возрастную группу 40—49 лет, будет уже около 14 % мужчин и 10 % женщин, никогда не состоявших в браке.

В поколении 1990-х годов рождения доля никогда не состоявших в браке среди 20—29-летних составила уже почти две трети (65,0 %) у мужчин и почти половину (47,3 %) у женщин. Если демографическая политика не переломит эту тенденцию, то как для этого, так и для всех последующих поколений можно ожидать еще более высоких показателей первичного безбрачия в 30—39 и 40—49 лет, чем у поколений, родившихся в 1980-х гг. и ранее.

Уровень первичного безбрачия в 40—49 лет уже очень близок к окончательному, особенно у женщин. При уровне в 10 % (у мужчин он уже достигнут, а у женщин его достижение ожидается к 2030 г.) можно будет считать, что в России сложился тот же тип брачности, который сформировался во многих странах Западной Европы еще в XVII в., если не раньше [Hajnal, 1965]. Его признаком является длительное откладывание вступления в брак, приводящее к высокому уровню окончательного безбрачия среди мужчин и женщин. Такая ситуация типична для общества, в котором неформальные социальные нормы, т. е. неписаные законы, разрешают вступать в брак лишь мужчинам, имеющим свое жилье, а также доходы или сбережения, позволяющие обеспечить семью на приемлемом для их социальной среды уровне, и женщинам с достаточным, по представлениям той же среды, приданым. Многим мужчинам приходилось долго

---

⁷ Идеальная семья — 2023 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения: 16.07.2025).

трудиться, чтобы обеспечить будущие семьи. Если у них так и не появлялось достаточных доходов и своего жилья, а все супруги должны были жить отдельно от родителей сразу же после свадьбы, то они так и оставались холостыми. Если женщина могла получить приданое от родителей или заработать себе на него до 30—35 лет, у нее были шансы выйти замуж. В противном случае шансов практически не было.

Общество относилось к «старым холостякам» и «старым девам» негативно, но все же лучше, чем к тем, кто «плодил нищету», т. е. создавал семью, не обеспечивая ее. Но тогда в отличие от наших дней безбрачие и бездетность немалой части населения с избытком компенсировались многодетностью другой, гораздо большей его части.

В наше время отношение к безбрачию более толерантно. Многие люди согласны вступать в брак лишь при наличии отдельного от родителей жилья и достаточных для обеспечения семьи доходов, но не имеют ни того ни другого. У супружеских пар обычно не более двух детей. Многодетных мало. Поэтому население сокращается. Исчез и такой стимул для брака, как возможность вести регулярную сексуальную жизнь. Она стала социально приемлемой и вне брака. Многие люди, в том числе и богатые, вообще не желают вступать в брак и заботиться о членах семьи [Klinenberg, 2012] или выдвигают такие требования к будущим супругам, что брак становится почти невозможным. Эта жизненная позиция формируется еще в молодости и далеко не всегда меняется в просемейную сторону в более старших возрастах.

Почти все холостяки старше 40 лет бездетны. Примерно у половины их ровесниц, никогда не состоявших ни в законном, ни в так называемом гражданском браке, все же есть дети (как правило, один ребенок) [Ростовская, Синельников, 2025: 11—12]. У подавляющего большинства незамужних женщин и холостых мужчин моложе 40 лет детей нет. Рост доли незамужних повышает долю бездетных (рис. 4).

Когда женщинам 1950-х годов рождения было от 20 до 29 лет, 34,8 % из них еще не успели стать матерями. В 30—39 лет доля не имеющих детей среди женщин этого поколения сократилась до 9,3 %, однако две трети из них (6,2 %) остались бездетными и в 40—49 лет. Но это был очень низкий итоговый уровень бездетности. Среди женщин 1970-х годов рождения, которые годились им в дочери, было 42,8 % бездетных в 20—29 лет, 15,1 % в 30—39 лет и 10,2 % в 40—49 лет. Среди поколения 1980-х гг. в 20—29 лет бездетные уже составляли большинство (52,1 %), но к 30—39 годам эта доля уменьшилась до 17,7 %. Судя по репродуктивной истории поколений 1950-х и 1960-х гг., примерно две трети из этих 17,7 % женщин 1980-х годов рождения (около 12 %) останутся бездетными и к 40—49 годам, а у поколения 1990-х гг., в котором доля бездетных среди 20—29-летних достигла уже 57,4 %, итоговый уровень бездетности будет еще выше.

Е. М. Андреев и его соавторы, ссылаясь на [Penzias et al., 2022], пишут: «С возрастом женщины действительно снижается как вероятность зачатия, так и живорождения, кроме того, растут риски генетических аномалий у плода. Однако критическим возрастом называется возраст 35 лет» [Андреев и др., 2025: 100]. По их мнению, с учетом «довольно молодой возрастной модели рождаемости в России и низкого возраста матери при рождении ребенка на фоне других развитых стран откладывание материнства в целом не является первопричиной низкой итоговой рождаемости и недореализации репродуктивных намерений» [там же].

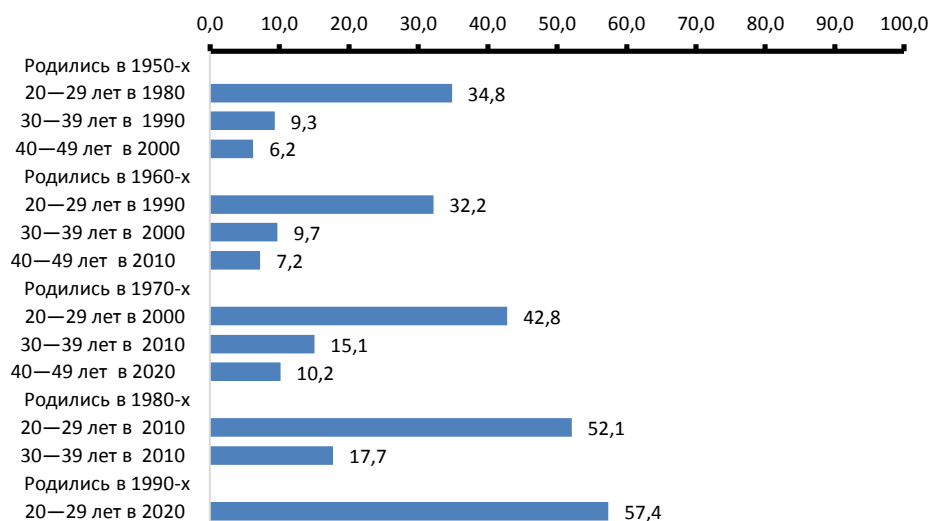

Рис. 4. Доля не родивших ни одного ребенка среди женщин 20—29, 30—39 и 40—49 лет в поколениях с 1950-х по 1990-е годы рождения, по данным переписи 2010 г. и интерполяционным оценкам на 1980, 1990, 2000 и 2020 гг., %⁸

Однако на рисунках 3 и 4 видно, что повышение доли никогда не состоявших в браке и не родивших ни одного ребенка среди женщин 20—29 лет приводит к росту этих показателей в тех же поколениях, когда они становятся на 10 и на 20 лет старше, т. е. к росту уровня окончательного безбрачия и бездетности. На Западе эти процессы зашли дальше, чем у нас, и тоже вызвали депопуляцию.

Чем позже заключаются браки, тем выше вероятность проблем с репродуктивным здоровьем. Рождение ребенка часто откладывается и супружескими парами по тем же причинам, что и вступление в брак, в том числе из-за низких доходов и отсутствия своего жилья. А многие из них просто хотят подольше «пожить для себя», прежде чем станут родителями. Поэтому среди замужних женщин растет доля бездетных (рис. 5).

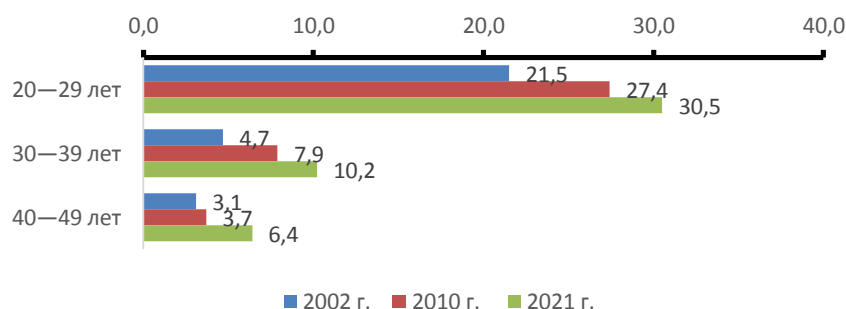

Рис. 5. Доля не родивших ни одного ребенка среди замужних женщин 20—29, 30—39 и 40—49 лет, по данным переписей 2002, 2010 и 2021 гг., %⁹

⁸ Рассчитано по: см. источники к рис. 1.

⁹ Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 9. Табл. 2; Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 10. Табл. 2; Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 12. Табл. 2.

Это происходит во всех репродуктивных возрастах, но нельзя сравнивать такие данные в разные моменты жизни одних и тех же поколений, так как показатели относятся только к замужним. Например, среди женщин 30—39 лет, которые на данный момент замужем, 10 лет тому назад, когда им было от 20 до 29 лет, многие еще не успели выйти замуж. Поэтому здесь больше подходит не продольный, а поперечный анализ, т. е. сравнение данных переписей по разным поколениям, находившимся в одних и тех же возрастах в 2002, 2010 и 2021 гг.

Влияние демографической политики на среднее число детей у всех женщин и у замужних матерей

Сравнение данных переписей 2002, 2010 и 2021 гг. показывает, что после начавшейся в 2007 г. активизации демографической политики среднее число рожденных детей у женщин 20—29, 30—39 и 40—49 лет изменилось (рис. 6).

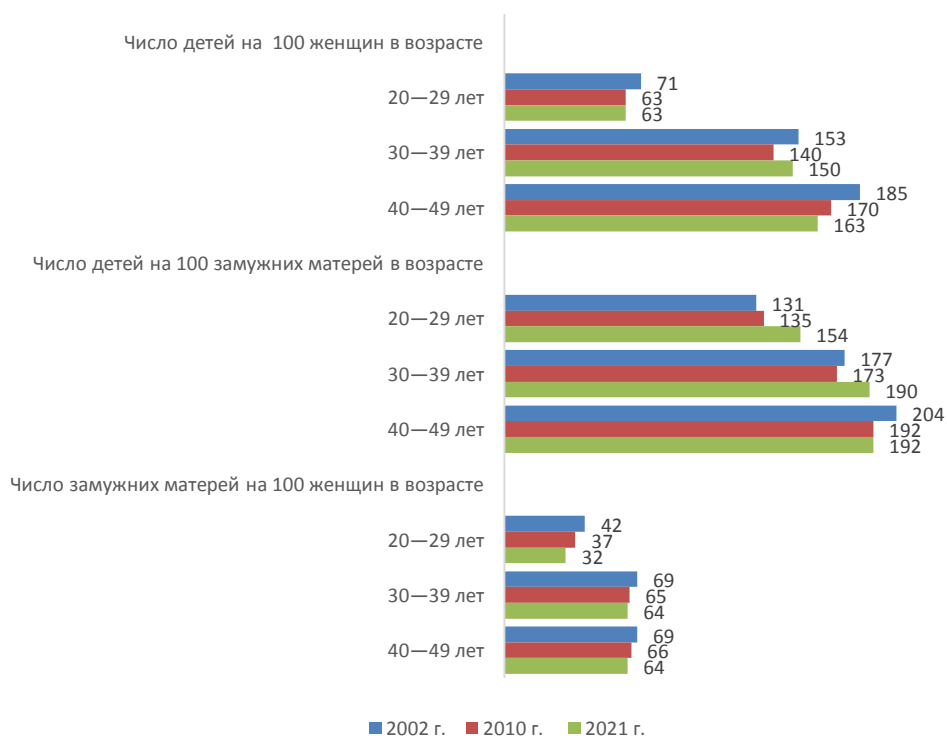

Рис. 6. Число рожденных детей на 100 женщин и на 100 замужних матерей, число замужних матерей на 100 женщин в возрасте от 20 до 49 лет по данным переписей 2002, 2010 и 2021 гг.¹⁰

¹⁰ Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 2. Табл. 5; То же. Т. 9. Табл. 1, 2; Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 10. Табл. 1, 2; Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 2. Табл. 3; То же. Т. 12. Табл. 1, 2.

За 2002—2021 гг. среднее число детей у всех женщин, включая незамужних и бездетных, уменьшилось во всех репродуктивных возрастах. Означает ли это, что демографическая политика не повлияла на рождаемость? Нет, она повлияла, но только на среднее число детей у супружеских пар, имеющих хотя бы одного ребенка. За 2002—2021 гг. среднее число детей у замужних матерей в возрасте 20—29 лет увеличилось с 1,31 в 2002 г. до 1,54 в 2021 г., а в возрасте 30—39 лет с 1,77 до 1,90.

Однако у замужних матерей 40—49 лет оно уменьшилось. Но это уменьшение произошло за 8 лет между 2002 и 2010 гг., из которых только три последних года велась активная демографическая политика, мало повлиявшая на рождаемость в старших репродуктивных возрастах. В 2021 г. показатель у замужних матерей этого возраста, которые рожают очень редко, остался на уровне 2010 г. (1,92) и стал почти таким же, как у 30—39-летних (1,90), многие из которых еще продолжали рожать. Поскольку среднее число детей у всех женщин 1970-х годов рождения увеличилось с 1,40 в 2010 г., когда им было от 30 до 39 лет, до 1,64 в 2020 г., когда они стали на 10 лет старше, можно предположить, что среднее число детей у всех женщин 40—49 лет в 2030 г. будет на 0,24 больше, чем у всех женщин 30—39 лет в 2020 г. (1,49), и составит 1,73.

Метод реального поколения применим ко всем мужчинам и женщинам во всех возрастах, но не применим к замужним матерям при переходе из возраста 20—29 лет, когда две трети женщин не состоят в браке и/или не имеют детей, в возраст 30—39 лет, когда две трети женщин — это замужние матери. Но этот метод можно применять при переходе из возрастной группы 30—39 лет в возрастную группу 40—49 лет, которая тоже на две трети состоит из замужних матерей. За эти 10 лет у многих из них браки распадаются, а разведенные и одинокие матери, включая и ставших такими, часто вновь выходят замуж. Но после 30 лет лишь немногие вступают в первый брак или союз и рожают первенцев. Состав поколения в целом без учета изменений в его структуре по брачному статусу и числу детей также меняется из-за миграции, но это не мешает применять метод реальных поколений.

Среднее число детей у замужних матерей 40—49 лет как в 2010, так и в 2021 г. составляло 1,92. Скорее всего, таким же оно было и в 2020 г. Это на 0,19 больше, чем у замужних матерей 30—39 лет в 2010 г. (1,73). Если за следующие 10 лет этот показатель в том же поколении увеличится на 0,19, то в 2030 г., когда женщинам этого поколения будет 40—49 лет, он составит 2,09. Это будет на 0,17 больше, чем у замужних матерей 40—49 лет в 2020 г.

Если в начале 2030-х состоится перепись, то по ее данным можно будет проверить это предположение. Но даже если оно подтвердится, замещение поколений останется неполным. В 2020 г. среднее итоговое число детей у замужних матерей 40—49 лет было в 1,13 раза больше ($2,04 : 1,85 = 1,13$), чем у всех женщин этого возраста, а в 2021 г. — в 1,18 раза ($1,92 : 1,63 = 1,18$). С учетом того, что до среднего возраста матери при рождении ребенка (28—29 лет) доживают 98—99 % новорожденных девочек и на 100 девочек рождается 106 мальчиков, уровень простого замещения женского поколения составляет 2,1. В 2002 г. для замужних матерей, от которых в основном и зависит замещение, этот показатель составлял: $2,1 \times 1,13 = 2,32$, т. е. простое замещение возможно, если более

половины из этих матерей имеют двух детей, но многодетных заметно больше, чем однодетных. В 2021 г. критический уровень уже составлял: $2,1 \times 1,18 = 2,47$, он может быть достигнут, если среди замужних матерей однодетных будет очень мало, а многодетных — более половины. Из-за дальнейшего повышения доли незамужних и (или) бездетных уровень простого замещения для замужних матерей станет еще выше и может быть обеспечен лишь многодетностью подавляющего большинства из них. Но в ближайшие 10 лет среднее число детей у них будет ниже этой критической величины.

Заключение

К сожалению, подтвердилась авторская гипотеза о том, что рост доли незамужних и бездетных нивелировал увеличение среднего числа детей у замужних матерей, которое произошло под влиянием мер демографической политики. Эти меры устраняют некоторые помехи к рождению детей у супругов, имеющих хотя бы одного ребенка и желающих иметь еще детей, но не создают этого желания и не способствуют ни заключению браков, т. е. созданию новых семей, ни повышению их прочности.

С 2020 г. федеральный материнский капитал стал предоставляться при рождении не только вторых, но и первых детей. Это правильный, хотя и запоздалый шаг. Число первенцев сокращается, и их рождение тоже надо стимулировать. Но материнский капитал на второго ребенка вдвое меньше, чем на первого. Это слабый стимул для рождения вторых детей. Неоднородность распределения женщин по числу детей (от 0 до 3 и более) увеличивается, но рост доли многодетных не компенсирует роста доли бездетных [Калабихина, Кузнецова, 2025]. Для этой компенсации следует после рождения вторых, третьих и всех последующих детей предоставлять их родителям такой же материнский капитал на каждого из них, как и на первенца.

Чтобы молодые пары не откладывали вступление в брак из-за отсутствия отдельного от родителей жилья, государство может ориентировать строительные компании на возведение «доходных домов», подобных тем, которые были в России до 1917 г. и предназначались для сдачи квартир в аренду. От ипотеки это отличается отсутствием первоначального взноса для квартирантов, а от съема квартир у их владельцев — тем, что те могут выселить жильцов, если жилье понадобится им самим, а выселять из доходного дома можно лишь за неуплату или асоциальное поведение. Арендаторы должны иметь право выкупить снимаемые ими квартиры в собственность.

По данным опроса 1,2 тыс. супружеских пар, проведенного в 2018—2019 гг. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ при участии автора этой статьи, 68,6 % респондентов признают моральное право мужа на развод с нелюбимой женой, а 71,2 % — право жены на развод с нелюбимым мужем, даже если в семье есть дети [Синельников, 2022: 201—203]. Потерять семью по такой причине могут и те люди, которые ни в чем не виноваты. Поэтому многие замужние женщины ограничиваются одним ребенком: его они могут обеспечить и воспитать без помощи мужа и ему легче найти отчима. С тремя детьми это намного сложнее. Из-за сомнений в прочности отношений многие пары предпочитают сожительство, распад которого не приводит

к разделу имущества и потере жилья. Но пары сожителей имеют общих детей гораздо реже [Ростовская, Синельников, 2025], а распадаются намного чаще, чем законные супружеские пары [Население России... , 2022: 106].

Можно ввести обязательное психологическое консультирование супругов, подавших заявление на развод, и отложить его на полгода, чтобы они могли передумать. Следует внести изменения в Семейный кодекс, чтобы граждане стали более ответственно относиться к семейной жизни. СМИ и учебные заведения должны убедить большинство населения, особенно молодежи, в том, что дружная семья с несколькими детьми важнее карьеры и богатства, безбрачие и бездетность лишают чего-то очень важного в жизни, а развод морально приемлем только как реакция одного из супругов на измену, пьянство, наркоманию, рукоприкладство, отсутствие заботы о семье или прочие нарушения правил семейной жизни со стороны другого супруга.

Государство должно помогать не только супружеским парам с детьми, но и тем, кому еще предстоит вступить в брак и иметь детей. Демографическая политика станет достаточно эффективной, когда увеличение этой помощи будет сопровождаться возрождением традиционных семейных ценностей.

Список источников

- Андреев Е. М., Чурилова Е. В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 3. С. 4—20.
- Андреев Е. М., Чурилова Е. В., Родина О. А., Чертенков К. О. Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12, № 2. С. 87—107.
- Архангельский В. Н., Золотарева О. А., Кучмаева О. В. Два подхода к измерению результативности демографической политики: (на примере федерального материнского капитала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 6. С. 77—97.
- Захаров С. В., Чурилова Е. В., Агаджанян В. С. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 1. С. 35—51.
- Калабихина И. Е., Кузнецова П. О. Порядковый переход в рождаемости в России // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12, № 2. С. 108—131.
- Кишенин П. А., Зинина А. И., Максимова Т. А. Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости все вероятнее? // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 4. С. 4—43.
- Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022. 344 с. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/znagi/ns_r19/sod_r.html (дата обращения: 26.07.2025).
- Ростовская Т. К., Синельников А. Б. Ценности брака как основа благополучия российских семей // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 6—16. URL: <https://elibrary.ru/brnkht> (дата обращения: 26.07.2025).
- Синельников А. Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ: учебное пособие. М.: Перо, 2022. 392 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/510459430/> (дата обращения: 26.07.2025).

- Hajnal J. European marriage patterns in perspective // *Population in History: Essays in Historical Demography* / ed. by D. V. Glass, D. E. C. Eversley. Chicago (IL): Aldine Publishing Company, 1965. P. 101—143.
- Klinenberg E. *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. New York: Penguin Books, 2012. 273 p.
- Penzias A., Azziz R., Bendikson K., et al. Optimizing natural fertility: a committee opinion / Practice Committee of the American Society for Reproductive Medicine, Practice Committee of the Society for Reproductive Endocrinology and Infertility // *Fertility and Sterility*. 2022. Vol. 117, № 1. P. 53—63.

References

- Andreev, Ye. M., Churilova, Ye. V. (2023) Rezul'taty Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2021 goda v svete statistiki tekushchego ucheta naseleniia i perepisei predydushchikh let [The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 10, no. 3, pp. 4—20.
- Andreev, Ye. M., Churilova, Ye. V., Rodina, O. A., Chertentkov, K. O. (2025) Rossiiskaia rozhdaemost' v XXI veke i perspektivy ee povysheniia [Russian fertility in the 21st century and prospects for its increase], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 12, no. 2, pp. 87—107.
- Arkhangelsky, V. N., Zolotareva, O. A., Kuchmaeva, O. V. (2024) Dva podkhoda k izmereniiu rezul'tativnosti demograficheskoi politiki: (Na primere federal'nogo materinskogo kapitala) [Two approaches to assessing the effectiveness of demographic policy: (Using the example of federal maternity capital)], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 17, no. 6, pp. 77—97.
- Hajnal, J. (1965) European marriage pattern in perspective, in: Glass, D. V., Eversley, D. E. C. (eds), *Population in History: Essays in Historical Demography*, Chicago, IL: Aldine Publishing Company, pp. 101—143.
- Kalabikhina, I. Ye., Kuznetsova, P. O. (2025) Poriadkovyi perekhod v rozhdaemosti v Rossii [Parity transition in Russia], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 12, no. 2, pp. 108—131.
- Kishenin, P. A., Zinina, A. I., Maksimova, T. A. (2024) Tempy snizheniia rozhdaemosti vozrastaiut po vsemu miru: lovushka nizkoï rozhdaemosti vse veroiatnee? [The intensity of fertility decline is increasing worldwide: is a low fertility trap increasingly likely?], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 11, no. 4, pp. 4—43.
- Klinenberg, E. (2012) *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*, New York: Penguin Books.
- Penzias, A., Azziz, R., Bendikson, K. et al. (2022) Optimizing natural fertility: a committee opinion, Practice Committee of the American Society for Reproductive Medicine, Practice Committee of the Society for Reproductive Endocrinology and Infertility, *Fertility and sterility*, vol. 117, no. 1, pp. 53—63.
- Rostovskaya, T. K., Sinelnikov, A. B. (2025) Tsennosti braka kak osnova blagopoluchiia rossiiskikh semei [Marriage values as the basis for the Russian families well-being], *Voprosy upravleniia*, vol. 19, no. 2, pp. 6—16, available from <https://elibrary.ru/brnkht> (accessed 26.07.2025).
- Sinelnikov, A. B. (2022) *Braki i razvody v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskii analiz: Uchebnoe posobie* [Marriages and divorces in modern society: a sociological analysis: Study guide], Moscow: Pero, available from <https://istina.msu.ru/publications/book/510459430> (accessed 26.07.2025).

- Zakharov, S. V. (ed.) (2022) *Naselenie Rossii 2019: Dvadtsat' sed'moi' ezhegodnyi' demograficheskiĭ doklad* [Population of Russia 2019: Twenty-seventh annual demographic report], Moscow: Izdatel'skiĭ dom Vyssheĭ shkoly ėkonomiki, available from http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r19/sod_r.html (accessed 26.07.2025).
- Zakharov, S. V., Churilova, Ye. V., Aghajanyan, V. S. (2016) Rozhdaemost' v povtornykh soiuзах v Rossii: pozvoliaet li vstuplenie v novyi' supruzheskiĭ soiuз dostich' ideala dvukhdetnoi' sem'i? [Fertility in higher-order marital unions in Russia: does a new partnership allow for the realization of the two-child ideal?], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 3, pp. 35—51.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 31.08.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 31.08.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Синельников Александр Борисович — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии семьи и демографии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Department of Sociology of Family and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 102 — 114.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 102 — 114.

Научная статья

УДК 314.72:004

EDN: <https://elibrary.ru/hrguze>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.7

**ЦИФРОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К МОНИТОРИНГУ
МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ**

*Безвербный Вадим Александрович¹,
Ситковский Арсений Михайлович¹,
Ростовская Тамара Керимовна^{1,2},
Чернышев Константин Анатольевич¹,
Мирязов Тимур Робертович¹*

¹ Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, vadim_ispr@mail.ru

² Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. Целью статьи является разработка и апробация новых цифровых подходов к мониторингу внутренней миграции населения России на примере Сибири и Дальнего Востока. В работе реализована концепция цифровой демографической обсерватории, объединяющей традиционные статистические источники и большие данные. На основе агрегированной статистики за 2023 г. рассчитаны показатели миграционного сальдо и эффективности по всем федеральным округам с акцентом на восточные регионы. Выявлены устойчивые диспропорции миграционных потоков: центростремительная миграция приводит к оттоку населения из Сибири и Дальнего Востока и усилению концентрации в центральной и южной частях страны. Использование ГИС-технологий, цифровых следов и методов обработки больших данных позволяет существенно повысить пространственную детализацию и оперативность мониторинга. Сделан вывод о целесообразности внедрения цифровых демографических платформ для регулярного анализа миграционной динамики и поддержки стратегического планирования регионального развития.

Ключевые слова: внутренняя миграция, Сибирь, Дальний Восток, цифровая демографическая обсерватория, миграционное сальдо, ГИС, большие данные, пространственный анализ, миграционная эффективность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-30004 «Цифровая демографическая обсерватория: разработка системы мониторинга демографических процессов в регионах России с использованием ГИС-технологий и больших данных», <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>.

Для цитирования: Безвербный В. А., Ситковский А. М., Ростовская Т. К., Чернышев К. А., Мირязов Т. Р. Цифровая демографическая обсерватория: новые подходы к мониторингу миграционных потоков // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 102—114.

Original article

DIGITAL DEMOGRAPHIC OBSERVATORY: NEW APPROACHES TO MONITORING MIGRATION FLOWS

Vadim A. Bezverbny¹, Arseniy M. Sitkovsky¹, Tamara K. Rostovskaya^{1,2},
Konstantin A. Chernyshev¹, Timur R. Miryazov¹

¹ Institute for Demographic Research — Branch,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, vadim_ispr@mail.ru

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article aims to develop and test new digital approaches to monitoring internal migration in Russia, focusing on Siberia and the Russian Far East. The study implements the concept of a digital demographic observatory that integrates traditional statistical sources with big data. Based on aggregated official data for 2023, indicators of migration balance and efficiency are calculated for all federal districts, with a special emphasis on eastern regions. The results reveal persistent spatial imbalances in migration flows: centripetal migration leads to sustained population outflow from Siberia and the Far East and increased concentration in central and southern Russia. The use of GIS technologies, digital traces, and big data processing methods significantly enhances the spatial resolution and timeliness of migration monitoring. The study concludes that implementing digital demographic platforms is essential for the continuous analysis of migration dynamics and strategic regional development planning.

Key words: internal migration, Siberia, Russian Far East, digital demographic observatory, migration balance, GIS, big data, spatial analysis, migration efficiency

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 25-78-30004 “Digital demographic observatory: development of a system for monitoring demographic processes in Russian regions using GIS technologies and big data”, <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>.

For citation: Bezverbny, V. A., Sitkovsky, A. M., Rostovskaya, T. K., Chernyshev, K. A., Miryazov, T. R. (2025) Tsifrovaia demograficheskaya observatoriia: novye podkhody k monitoringu migratsionnykh potokov [Digital demographic observatory: new approaches to monitoring migration flows], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 102—114.

Введение

Демографические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке России характеризуются устойчивой миграционной убылью населения. Эти обширные территории традиционно испытывают отток жителей в более развитые регионы страны — прежде всего в центральные и южные районы [Аргунов, 2018]. В последние годы сохраняется тенденция переселения россиян в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа, тогда как восточные регионы страны страдают от оттока населения [там же]. Например, доля населения Дальнего Востока в общей численности населения России неуклонно сокращается и составляет около 5—6 %, что вызывает озабоченность с точки зрения освоения территории и экономической безопасности [Goble, 2024]. Внутренняя миграция играет ключевую роль в перераспределении населения: ежегодно несколько миллионов россиян меняют регион проживания, перетекая главным образом из северных и восточных регионов в западные и южные [Демографический ежегодник..., 2021]. По официальным данным Росстата, валовой внутривосприимчивый миграционный поток стабилизировался на уровне около 4—5 млн человек в год [Численность и миграция..., 2022]. Однако традиционные статистические методы регистрации миграции имеют ограничения по своевременности и детализации данных.

Сегодня с развитием цифровых технологий появляются новые возможности для мониторинга миграционных потоков. Понятие «цифровая демографическая обсерватория» подразумевает систему, использующую большие данные и ГИС-технологии для отслеживания демографических процессов [Kashyap et al., 2021]. Речь идет об использовании цифровых следов, оставляемых людьми в электронных устройствах и на платформах, для получения оперативной информации о перемещениях населения [Смирнов, 2022b]. Такими следами могут быть данные мобильной связи, геолокации из социальных сетей, поисковые запросы, банковские транзакции и др. [Cesare et al., 2018]. Подобные источники позволяют отслеживать миграцию в режиме, близком к реальному времени, с высокой пространственной детализацией, что актуально для труднодоступных и малонаселенных регионов. Важным преимуществом больших данных является учет маятниковых и временных миграций, которые часто выпадают из поля зрения официальной статистики [Hughes et al., 2016]. В данной статье рассматриваются новые цифровые подходы к мониторингу миграционных потоков населения с особым акцентом на регионах Сибири и Дальнего Востока России. Приводятся результаты анализа внутренней миграции в этих регионах в 2023 г. и демонстрируются возможности интеграции традиционных и новых источников данных в единой системе мониторинга.

Методы

Традиционные данные о миграции. Основным источником сведений о внутренних миграциях в России служит статистика регистрации по месту жительства, собираемая Росстатом [Численность и миграция..., 2022]. Каждый случай смены постоянного места жительства между регионами регистрируется как выбытие из одного субъекта и прибытие в другой. На основе этих данных

формируются показатели миграционного оборота — число прибывших (P) и выбывших (V) в каждом регионе за год, а также миграционный прирост (ΔM):

$$\Delta M = P - V.$$

В данной работе использованы агрегированные данные по внутренней миграции за 2023 г. по всем субъектам РФ (без учета новых субъектов). На их основе рассчитаны показатели чистого миграционного прироста населения регионов и федеральных округов, а также производные индикаторы. В частности, вычислен коэффициент миграционного притока/оттока (на 10 тыс. населения) и коэффициент эффективности миграции. Коэффициент миграционной эффективности (MEI) определялся как отношение сальдо миграции к суммарному миграционному обороту (в долях или процентах):

$$MEI = \frac{P-V}{P+V}, P+V > 0, MEI \in [-1, 1].$$

Этот показатель находится в диапазоне от -1 до $+1$ и отражает, какая часть миграционного обмена приводит к чистому приросту или убыли населения [Смирнов, 2022а]. Кроме того, рассчитан коэффициент миграционного прироста на 1000 жителей (m_{1000}):

$$m_{1000} = \frac{\Delta M}{N} \times 1000,$$

где N — среднегодовая численность населения.

Подобные показатели позволяют сравнивать интенсивность миграционных процессов в регионах разного масштаба.

Цифровые подходы и большие данные. Новые методы мониторинга опираются на анализ больших данных (big data), генерируемых различными цифровыми сервисами. Один из перспективных источников — анонимизированные данные мобильных операторов о перемещениях сим-карт. Анализ сигнала базовых станций позволяет строить динамические карты распределения населения и отслеживать миграционные потоки практически в реальном времени [Deville et al., 2014]. В частности, подобные методы применялись для оценки притока и оттока людей в конкретных территориях, вплоть до выявления сезонных миграций и маятниковой мобильности. Еще один источник — данные социальных сетей и интернет-платформ. Геопривязанные сообщения пользователей, частота запросов в поисковых системах по определенным локациям, резюме на сайтах трудоустройства — все это может свидетельствовать о миграционной активности [Cesare et al., 2018]. Например, резкое увеличение числа объявлений о продаже жилья или поиск информации о переезде могут служить индикаторами миграционных намерений. ГИС-технологии используются для интеграции разнородных данных и визуализации результатов. Цифровая демографическая обсерватория предполагает создание геоинформационной системы, объединяющей слои статистических показателей и больших данных на интерактивных картах. Это позволит наблюдать пространственно-временные паттерны миграции: откуда и куда перемещаются люди, с какой интенсивностью, как меняется численность населения отдельных районов [Handbook... , 2019].

В рамках проекта разрабатываются также прогнозные модели миграции, в том числе методами имитационного моделирования. Применяется агент-ориентированный подход, при котором моделируется поведение отдельных «агентов» (домохозяйств или индивидов), принимающих решение о переезде под воздействием экономических и социальных факторов [Макаров и др., 2022]. Такие модели позволяют оценивать эффект мер политики, например программ поддержки переселения на Дальний Восток, и чувствительность миграционных потоков к изменению условий на местах [там же]. Отдельно исследуются цифровые следы населения — совокупность данных различных электронных источников, характеризующих передвижения людей. Они рассматриваются как цифровой аналог населения (цифровой «двойник»), с которым можно проводить эксперименты, что позволяет осуществлять анализ, не дожидаясь появления официальной статистики [Смирнов, 2022b]. Тем не менее использование больших данных в демографии сопряжено с методологическими вызовами, такими как необязательно репрезентативный охват всех социальных групп, проблемы приватности и этики, сложность обработки огромных массивов [Cesare et al., 2018]. Поэтому при создании системы мониторинга необходимо комбинировать традиционные и новые источники, используя сильные стороны каждого. В данной работе мы сначала анализируем официальные статистические показатели миграции за 2023 г., а затем демонстрируем, как их интерпретация может быть обогащена с помощью цифровых данных и ГИС-визуализации.

Результаты

По данным Росстата, внутренние миграционные потоки в 2023 г. остаются значительными: суммарно около 5,4 млн человек переехали в другие регионы России. При этом наблюдается четкое разграничение регионов-доноров и регионов-реципиентов. Центр и юг страны привлекают население, тогда как восточные территории продолжают терять жителей в результате обмена мигрантами с другими частями России [Аргунов, 2018; Goble, 2024]. На рисунке 1 приведено сальдо внутренней миграции по федеральным округам в 2023 г. Видно, что максимальный миграционный прирост населения наблюдается в Центральном федеральном округе (плюс $\approx 153,7$ тыс. человек за год), а также в Южном (+92,2 тыс.) и Северо-Западном (+60,7 тыс.). Эти округа включают крупнейшие городские агломерации — Москву, Санкт-Петербург, Краснодар, выступающие центрами притяжения мигрантов со всей страны. Небольшой положительный баланс отмечен в Уральском федеральном округе (+2 тыс. чел.), который фактически обеспечивает демографическую стагнацию. В противоположность этому Сибирский и Дальневосточный федеральные округа демонстрируют отрицательное сальдо миграции: $-40,0$ тыс. и $-27,4$ тыс. человек соответственно за 2023 г. Отток также зафиксирован в Приволжском ($-33,1$ тыс.) и Северо-Кавказском ($-20,2$ тыс.) федеральных округах, хотя в относительных показателях (на 1000 жителей) наиболее высокая убыль именно на Дальнем Востоке.

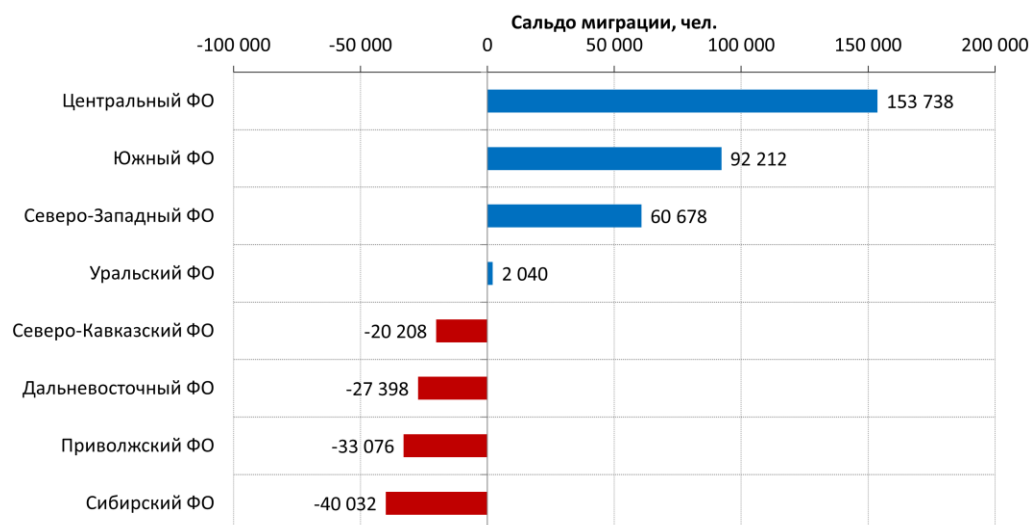

Рис. 1. Сальдо внутренней миграции по федеральным округам России в 2023 г.: положительные значения (синие столбики) означают чистый приток населения, отрицательные (красные) — отток населения

Доминирование притока мигрантов в центральные и южные части и оттока из Сибири и Дальнего Востока соответствует выявленным ранее трендам межрегиональной миграции [Аргунов, 2018]. Наш анализ подтверждает, что Дальний Восток остается в числе наиболее теряющих население макрорегионов страны. Это особенно тревожно с учетом стратегической значимости данного региона. Несмотря на государственные меры стимулирования переселения на Дальний Восток (например, программа «Дальневосточный гектар»), миграционный отток по-прежнему превышает приток. По оценкам экспертов, миграционная убыль в дальневосточных регионах способствует «утечке населения», причем уезжают преимущественно молодые и экономически активные группы [Goble, 2024]. В результате уменьшается плотность населения и изменяется его структура, что подтверждает необходимость постоянного мониторинга ситуации.

Рассмотрим подробнее миграционные процессы в Сибирском федеральном округе. Сальдо миграции по субъектам Сибири в 2023 г. приведено на рисунке 2. Из 12 регионов округа лишь два имели положительный миграционный прирост: Красноярский край (+9,5 тыс. чел.) и Новосибирская область (+2,6 тыс.). Эти регионы являются крупными экономическими центрами, обладающими развитой инфраструктурой и рынком труда, что привлекает мигрантов из соседних областей. Новосибирск — третий по размеру город России — традиционно выполняет роль столичного центра Сибири, притягивая молодежь на обучение и работу. В то же время большинство остальных сибирских субъектов столкнулись с оттоком населения. Наибольшую убыль показали Иркутская область (–12,6 тыс.), Кемеровская (–11,1 тыс.) и Омская (–10,8 тыс.) — индустриально развитые регионы, которые, однако, уступают в привлекательности столичным агломерациям. Значительный относительный отток отмечен также в национальных республиках Тыва и Бурятия, что может быть связано с нехваткой рабочих мест и перемещением молодежи в центральные города. В целом

миграционное поле Сибири характеризуется перетоком населения из периферийных и депрессивных областей (например, Забайкальский край — 9,4 тыс.) в отдельные точки роста (Красноярск, Новосибирск), а также выездом части сибиряков за пределы округа — преимущественно в Москву, Санкт-Петербург и на юг России.

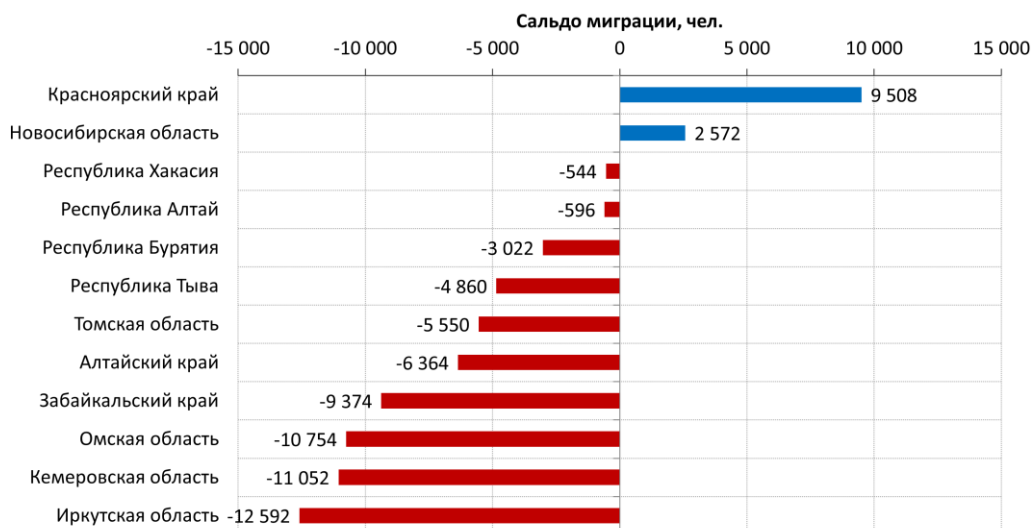

Рис. 2. Сальдо внутренней миграции по регионам Сибирского федерального округа в 2023 г.: см. экспликацию к рис. 1

Внутренняя миграция в Дальневосточном федеральном округе в 2023 г. аналогично носила преимущественно отрицательный характер (рис. 3). Совокупный отток из дальневосточных регионов мы уже отметили (около 27,4 тыс. чел. в 2023 г.). Здесь важно подчеркнуть, что убыль затронула практически все субъекты Дальнего Востока. Максимальное отрицательное сальдо зафиксировано в Амурской области (–5,4 тыс. чел.) — регионе, который хоть и граничит с Китаем, но испытывает экономические трудности и отток квалифицированных кадров. Приморский (–2,9 тыс.) и Хабаровский края (–2,9 тыс.) — ведущие регионы округа — также теряют население миграционно, хотя и меньшими темпами. Отчасти их убыль компенсируется международной иммиграцией (приток граждан из соседних азиатских стран), но во внутривосточном обмене баланс остается отрицательным. Небольшой прирост населения отмечен лишь в Камчатском крае (+1,4 тыс.) и Чукотском автономном округе (+0,4 тыс.). В случае Чукотки это может объясняться вахтовой спецификой освоения месторождений: часть притока носит временный характер. В Камчатском крае положительное сальдо, возможно, связано с развитием местной экономики и военной инфраструктуры (перебазирование военнослужащих и специалистов). Тем не менее, по мнению экспертов, отток с Дальнего Востока носит в значительной степени ирреверсивный характер — выезжающие молодые семьи редко возвращаются, что ведет к «старению» остающегося населения и снижению рождаемости [Смирнов, 2022b].

Рис. 3. Сальдо внутренней миграции по регионам Дальневосточного федерального округа в 2023 г.: см. экспликацию к рис. 1

Сопоставление миграционных показателей Сибири и Дальнего Востока с другими регионами страны выявляет масштаб диспропорций. Коэффициент миграционного прироста на Дальнем Востоке составил в 2023 г. около $-3,5$ на 1000 жителей, что в абсолютных величинах компенсируется лишь частично положительным миграционным сальдо в европейской части России. Для сравнения: Центральный федеральный округ имел миграционный прирост $+3,8$ на 1000, а Южный — $+5,5$ на 1000. Иными словами, центростремительные потоки (в Москву, Санкт-Петербург, Краснодарский край и др.) продолжают преобладать над обратными потоками. В результате происходит концентрация населения в нескольких «полюсах роста» и опустынивание огромных территорий на востоке страны. Подобная картина согласуется с выводами о повышенной готовности к переезду у жителей Дальнего Востока и Сибири: по данным опросов, переехать ради лучших условий готовы 60 % дальневосточников и 31 % сибиряков, тогда как в Центральной России лишь около 19 % опрошенных выразили такую готовность [Аргунов, 2018: 1]. Это свидетельствует о неудовлетворенности части населения качеством жизни в восточных регионах и стремлении мигрировать в поисках лучших возможностей.

Полученные результаты демонстрируют необходимость постоянного мониторинга миграционных процессов. Традиционные статистические данные позволяют фиксировать общие потоки и сальдо, однако важны оперативность и детализация, которые могут обеспечить цифровые источники. Так, используя данные мобильных операторов, можно отследить сезонные перемещения (например, отток северян на юг летом и возвращение осенью) или ежедневные поездки жителей дальневосточных регионов в приграничные районы сопредельных государств. Цифровая демографическая обсерватория призвана объединить эти потоки в единой системе. Например, в ГИС можно нанести маршруты наиболее интенсивных миграций (между конкретными городами), выявить

«донорские» территории (районы, откуда люди выезжают чаще всего) и «магнитные» центры притяжения. Анализ косвенных индикаторов — интернет-запросов, активности на сайтах вакансий — дополняет картину, позволяя прогнозировать миграционные намерения еще до их воплощения [Смирнов, 2022a]. В частности, методы машинного обучения на больших массивах данных способны выявлять скрытые паттерны, например то, какие социально-экономические факторы служат триггерами массового отъезда из того или иного региона.

Наконец, отметим значение коэффициента эффективности миграции для оценки характера миграционных процессов. Для большинства регионов Сибири и Дальнего Востока данный индекс близок по модулю к единице (0,05—0,14, по нашим расчетам), что указывает на преобладание одностороннего оттока: миграционный оборот невелик и он сразу же превращается в чистую убыль. Напротив, в Центральном и Северо-Западном округах МЕР составляет около 0,05, т. е. чистый прирост — лишь $\approx 5\%$ от огромного обмена мигрантами (остальные 95 % «компенсируются» встречными потоками). Это отражает развитость миграционных связей: крупные центры одновременно отправляют и принимают множество мигрантов, тогда как отдаленные регионы участвуют во всероссийском миграционном обмене слабо и в основном «отдают» свое население [там же]. В целях улучшения ситуации последним необходимо повышать свою привлекательность, создавать рабочие места и улучшать качество жизни, иначе диспропорции будут только усиливаться.

Заключение

Цифровая демографическая обсерватория как концепция представляет собой ответ на вызовы современной мобильности населения. Продемонстрированные результаты показывают, что традиционные данные четко фиксируют миграционное перераспределение населения в пользу центральных и южных регионов России за счет оттока из Сибири и Дальнего Востока. Это ставит перед государством задачу поддержки восточных территорий и создания условий для удержания населения. Одновременно становится очевидной необходимость внедрения новых подходов к мониторингу миграции. Регулярные переписи и отчеты дают запаздывающую картину, тогда как большие данные способны обеспечивать *early warning* — раннее обнаружение неблагоприятных тенденций [Handbook... , 2019]. Например, резкое снижение активности пользователей Сети в определенном городе может сигнализировать об оттоке еще до публикации официальных цифр.

Цифровая демографическая обсерватория, разрабатываемая в рамках нашего проекта, будет интегрировать статистическую и альтернативную информацию. Комбинация данных мобильной геолокации, соцмедиа и административных источников позволит получать более точные и актуальные оценки миграционных потоков. Внедрение ГИС-технологий даст возможность наглядно представлять результаты — в виде интерактивных карт, тепловых диаграмм распределения населения, сетевых графов миграционных связей и т. п. [WorldPop... , 2022]. Ожидается, что это существенно повысит информированность региональных властей и поможет в принятии решений. Например, обнаружив массовый отток молодежи из удаленного района, можно своевременно

инициировать меры стимулирования занятости или образовательные программы на месте. Новые данные и модели также улучшат прогнозирование: алгоритмы машинного обучения, тренированные на потоках больших данных, могут выявлять нелинейные зависимости и предсказывать миграционную реакцию населения на те или иные изменения условий [Смирнов, 2022а].

В заключение подчеркнем, что цифровые методы не заменяют полностью традиционную статистику, а дополняют ее. Выборка больших данных может быть смещенной, и интерпретация результатов требует осторожности [Cesare et al., 2018]. Поэтому ключевой принцип — синтез данных: объединение различных источников для перекрестной проверки и получения наиболее надежной информации [Hughes et al., 2016]. Реализация цифровой демографической обсерватории в России позволит создать систему мониторинга и анализа миграции нового поколения, которая послужит научной основой для демографической политики. Особенно актуально это для таких стратегических регионов, как Сибирь и Дальний Восток, где демографические проблемы наиболее остры. Оперативное отслеживание миграционных потоков, их моделирование и прогнозирование с помощью современных технологий будет способствовать выработке эффективных мер, направленных на сбалансированное пространственное развитие и сохранение человеческого потенциала во всех частях страны.

Список источников

- Аргунов М. Н. Карта внутрироссийской миграции. Инфографика // Аргументы и факты. 2018. 13 ноября. С. 1—2. URL: https://aif.ru/politics/russia/karta_vnutrirossiyskoy_migratsii_infografika (дата обращения: 15.08.2025).
- Демографический ежегодник России, 2021. М.: Росстат, 2021. 256 с. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).
- Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Беклярян Г. Л., Акопов А. С., Ровенская Е. А., Стрелковский Н. В. Агент-ориентированное моделирование социальных и экономических эффектов миграции при государственном регулировании занятости // Экономика и математические методы. 2022. Т. 58, № 1. С. 113—130.
- Смирнов А. В. Прогнозирование миграционных процессов методами цифровой демографии // Экономика региона. 2022а. Т. 18, № 1. С. 133—145.
- Смирнов А. В. Цифровые следы населения как источник данных о миграционных потоках в российской Арктике // Демографическое обозрение. 2022b. Т. 9, № 2. С. 6—32.
- Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году: (статистический бюллетень). М.: Федер. служба гос. статистики, 2022. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BulMigr-2021.xlsx> (дата обращения: 15.08.2025).
- Cesare N., Lee H., McCormick T., Spiro E., Zagheni E. Promises and pitfalls of using digital traces for demographic research // Demography. 2018. Vol. 55, № 5. P. 1979—1999.
- Deville P., Linard C., Martin S., Gilbert M., Stevens F. R., Gaughan A. E., Blondel V. D., Tatem A. J. Dynamic population mapping using mobile phone data // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111, № 45. P. 8439—8444.
- Goble P. Population alight leaving Russia's Far East increasingly less Russian // Eurasia Daily Monitor. 2024. Vol. 21, № 103. P. 101—105. URL: <https://jamestown.org/program/population-flight-leaving-russias-far-east-increasingly-less-russian/#:~:text=,that%20the%20Russian%20Far%20East> (дата обращения: 15.08.2025).

- Handbook on the Use of Mobile Phone Data for Official Statistics. New York: UN Global Working Group on Big Data, 2019. 156 p. URL: [https://unstats.un.org/bigdata/task-teams/mobile-phone/MPD %20Handbook %2020191004.pdf](https://unstats.un.org/bigdata/task-teams/mobile-phone/MPD%20Handbook%2020191004.pdf) (дата обращения: 15.08.2025).
- Hughes C., Zagheni E., Abel G., Wiśniowski A., Sorichetta A., Weber I., Tatem A. J. Inferring Migrations: Traditional Methods and New Approaches Based on Mobile Phone, Social Media, and Other Big Data. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. 89 p.
- Kashyap R., Zagheni E., Weber I. Digital and computational demography // Population Studies. 2021. Vol. 75, № 1. P. 45—68.
- Wesolowski A., Eagle N., Tatem A. J., Smith D. L., Noor A. M., Snow R. W., Buckee C. O. Quantifying the impact of human mobility on malaria // Science. 2012. Vol. 338, № 6104. P. 267—270.
- WorldPop Gridded Population Estimate Datasets and Tools. Southampton: University of Southampton, 2022. 45 p. URL: <https://www.worldpop.org/methods/populations/> (дата обращения: 15.08.2025).

References

- Argunov, M. N. (2018) Karta vnutrirossiiskoi migratsii. Infografika [Map of internal Russian migration. Infographics], *Argumenty i fakty*, 13 noiabria, pp. 1—2, available from https://aif.ru/politics/russia/karta_vnutrirossiyskoy_migratsii_infografika (accessed 15.08.2025).
- Cesare, N., Lee, H., McCormick, T., Spiro, E., Zagheni, E. (2018) Promises and pitfalls of using digital traces for demographic research, *Demography*, vol. 55, no. 5, pp. 1979—1999.
- Chislennost' i migratsiia naseleniia Rossiiskoi Federatsii v 2021 godu*: (Statisticheskii biulleten') (2022) [Population and migration of the Russian Federation in 2021: (Statistical bulletin)], Moscow: Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki, available from <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BulMigr-2021.xlsx> (accessed 15.08.2025).
- Demograficheskii ezhegodnik Rossii, 2021* (2021) [Demographic yearbook of Russia, 2021], Moscow: Rosstat, available from <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (accessed 15.08.2025).
- Deville, P., Linard, C., Martin, S., Gilbert, M., Stevens, F. R., Gaughan, A. E., Blondel, V. D., Tatem, A. J. (2014) Dynamic population mapping using mobile phone data, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 111, no. 45, pp. 8439—8444.
- Goble, P. (2024) Population flight leaving Russia's Far East increasingly less Russian, *Eurasia Daily Monitor*, vol. 21, no. 103, pp. 101—105, available from <https://jamestown.org/program/population-flight-leaving-russias-far-east-increasingly-less-russian> (accessed 15.08.2025).
- Handbook on the Use of Mobile Phone Data for Official Statistics* (2019), New York: UN Global Working Group on Big Data, available from [https://unstats.un.org/bigdata/task-teams/mobile-phone/MPD %20Handbook %2020191004.pdf](https://unstats.un.org/bigdata/task-teams/mobile-phone/MPD%20Handbook%2020191004.pdf) (accessed 15.08.2025).
- Hughes, C., Zagheni, E., Abel, G., Wiśniowski, A., Sorichetta, A., Weber, I., Tatem, A. J. (2016) *Inferring Migrations: Traditional Methods and New Approaches Based on Mobile Phone, Social Media, and Other Big Data*, Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Kashyap, R., Zagheni, E., Weber, I. (2021) Digital and computational demography, *Population Studies*, vol. 75, no. 1, pp. 45—68.

- Makarov, V. L., Bakhtizin, A. R., Beklyaryan, G. L., Akopov, A. S., Rovenskaya, Ye. A., Strelkovsky, N. V. (2022) Agent-orientirovannoe modelirovanie sotsial'nykh i ekonomicheskikh éffektov migratsii pri gosudarstvennom regulirovanii zaniatosti [Agent-based modeling of social and economic impacts of migration under government-regulated employment], *Ékonomika i matematicheskie metody*, vol. 58, no. 1, pp. 113—130.
- Smirnov, A. V. (2022a) Prognozirovanie migratsionnykh protsessov metodami tsifrovoi demografii [Forecasting migration processes by digital demography methods], *Ékonomika regiona*, vol. 18, no. 1, pp. 133—145.
- Smirnov, A. V. (2022b) Tsifrovye sledy naseleniia kak istochnik dannykh o migratsionnykh potokakh v rossiiskoi Arktike [Digital traces of population as a data source on migration flows in the Russian Arctic], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 9, no. 2, pp. 6—32.
- Wesolowski, A., Eagle, N., Tatem, A. J., Smith, D. L., Noor, A. M., Snow, R. W., Buckee, C. O. (2012) Quantifying the impact of human mobility on malaria, *Science*, vol. 338, no. 6104, pp. 267—270.
- WorldPop Gridded Population Estimate Datasets and Tools (2022), Southampton: University of Southampton, available from <https://www.worldpop.org/methods/populations/> (accessed 15.08.2025).

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 08.09.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 08.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Безвербный Вадим Александрович — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией «Цифровая демография», Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, vadim_ispr@mail.ru (Cand. Sc. (Economics), Head of the Digital Demography Laboratory, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Ситковский Арсений Михайлович — научный сотрудник лаборатории «Цифровая демография», Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, omnistat@yandex.ru (Researcher at the Digital Demography Laboratory, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Professor at the Department of State and Municipal Management, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation).

Чернышев Константин Анатольевич — кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории «Цифровая демография», Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, kochern81@gmail.com (Cand. Sc. (Geography), Associate Professor, Leading Researcher at the Digital Demography Laboratory, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Мирязов Тимур Робертович — младший научный сотрудник лаборатории «Цифровая демография», Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, miryazov_timur@mail.ru (Junior Researcher at the Digital Demography Laboratory, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 115 — 126.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 115 — 126.

Научная статья

УДК 327:316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/chrroe>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.8

**«БАБА С ОТБОЙНЫМ МОЛОТКОМ»:
ЖЕНСКИЙ ТРУД В СССР В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОГО
АНТИКОММУНИЗМА ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

Олег Вячеславович Рябов^{1,2}, Татьяна Борисовна Рябова^{1,3}

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru

³ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Анализируются репрезентации труда советских женщин в дискурсе американского антикоммунизма периода холодной войны. Источниками для исследования являются работы идеологов американского антикоммунизма, пропагандистские книги, выпуски (более 200) журналов *The American Legion Magazine*, *Freedom's Facts*, *Life*, *Look*, выпущенные в 1950-х гг. Среди дискурсивных стратегий, направленных на дискредитацию советской модели эмансипации, выделены обвинения советских властей в дефеминизации женщин, преднамеренном разрушении семьи, усугублении дискриминации женщин, принудительном характере вовлечения их в производство. Показано, что репрезентации труда работниц вносили вклад в конструирование негативного образа СССР, выступая ресурсом создания образа врага и способствуя реализации всех функций данного образа.

Ключевые слова: женский труд, холодная война, американский антикоммунизм, образ врага, имагология

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305-П «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США», <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

Для цитирования: Рябов О. В., Рябова Т. Б. «Баба с отбойным молотком»: женский труд в СССР в дискурсе американского антикоммунизма периода холодной войны // *Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 115—126.*

Original article

**“BABA WITH A JACKHAMMER”:
WOMEN’S LABOR IN THE USSR
IN THE DISCOURSE OF AMERICAN ANTI-COMMUNISM
DURING THE COLD WAR**

Oleg V. Riabov^{1, 2}, Tatiana B. Riabova^{1, 3}

¹ National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg,
St. Petersburg, Russian Federation

² Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, riabov1@inbox.ru

³ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes representations of Soviet women’s labor in the discourse of American anti-communism during the Cold War. The sources for the study are the works of American anti-communist ideologues, propaganda books, and issues (more than 200 in total) of *The American Legion Magazine*, *Freedom’s Facts*, *Life*, and *Look*, founded in the 1950s. Among the discursive strategies aimed at discrediting the Soviet model of emancipation, accusations against the Soviet authorities stand out, namely the defeminization of women, the deliberate destruction of the family, the exacerbation of discrimination against women, and the coercive nature of their involvement in production. The article shows that representations of female workers contributed to the construction of a negative image of the USSR, serving as a resource for creating an image of the enemy and facilitating the realization of all functions of this image.

Key words: women’s labor, Cold War, American anti-communism, images of the enemy, imagology

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-18-00305-P “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>.

For citation: Riabov, O. V., Riabova, T. B. (2025) “Baba s otboïnym molotkom”: zhenskii trud v SSSR v diskurse amerikanskogo antikommunizma perioda kholodnoi voïny [“Baba with a jackhammer”: women’s labor in the USSR in the discourse of American anti-communism during the Cold War], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 115—126.

Среди заметных явлений социальной рекламы постперестроечного времени — телевизионный ролик «Железнодорожницы» (1995) из серии «Русский проект», в котором снялись выдающиеся советские актрисы Нонна Мордюкова и Римма Маркова. Они предстают в образах вооруженных кувалдами железнодорожных работниц, которые до самой смерти вынуждены выполнять безрадостную, непосильную, тяжелую работу. Очевидно, цель этого ролика состояла в том, чтобы убедить аудиторию в полной несостоятельности социалистической модели. Стоит лишь отказаться от социализма, как исчезнет и непосильный женский труд.

Этот ролик стал одним из многочисленных приемов делегитимации советской системы, используемых во время перестройки и постперестройки, — наряду, например, с такими, как использование анекдотов про «кремлевских старцев» или мема «У нас секса нет». Особо отметим, что такие образы женского труда выступали способом символической демаскулинизации советских мужчин путем демонстрации их неспособности выполнять роль «кормильца и защитника», в результате чего женщины вынуждены заниматься несвойственным им изнурительным трудом. Тема освобождения женщин от тяжелой работы постепенно трансформируется в идею «возвращения женщины в семью», с избавлением ее от любой работы за пределами семьи. Эта трансформация получила освещение в работах многих исследователей политики в области женского вопроса в 1990-е гг. (напр.: [Attwood, 1990; Гошило, 1991; Воронина, 1993; Lissyutkina, 1993; Клименкова, 1996; Хасбулатова, 2005]). Вопрос, который не получил достаточного освещения, связан с изучением функционирования подобных идей в контексте холодной войны. Между тем перестройка и постперестройка — это время, когда внутривластные процессы (смена строя и распад единого государства, изменение отношений собственности и легитимация существенного имущественного неравенства) усиливались внешнеполитическими факторами (поражение СССР в противостоянии с западным блоком, возглавляемым США, который поддерживал перемены в советском/российском обществе). Значимой частью этих процессов было культивирование своеобразного мифа об Америке как нормативном образце для России во всех аспектах, включая гендерные отношения.

Антикоммунизм был важнейшей чертой американской пропаганды холодной войны; более того, антикоммунистический консенсус выступал краеугольным камнем американской идентичности названного периода. Это определяет фокус нашего исследования; оно направлено на анализ американских репрезентаций женского труда в СССР в контексте идеологических баталий того периода — пресловутой «борьбы за сердца и умы». Данные репрезентации мы рассмотрим в качестве элемента образа советской социальной системы в целом, в том числе проанализируем их роль в противопоставлении «своих» и «чужих» и в создании образа врага. Какие дискурсивные стратегии привлекались в антикоммунистическом дискурсе для репрезентаций труда советских женщин? Как эти репрезентации были связаны с образом «врага номер один» и как они использовались для решения задач холодной войны? Ответы на эти исследовательские вопросы предполагается найти на основе трех групп источников. Во-первых, это труды идеологов американского антикоммунизма: «Мастера обмана» (1958) директора ФБР Дж. Э. Гувера — работа, которую относят к числу наиболее влиятельных антикоммунистических произведений [Левин, Буранок, 2019], и «Голый коммунист» (1958) У. Скаузена, одного из руководителей ультраправого «Общества Джона Берча». Во-вторых, это книга «Что такое коммунизм?» (1955), которая представляет собой образец пропагандистской литературы, рассчитанной на самый широкий круг читателей. В-третьих, это вышедшие в 1950-х гг. публикации в журналах (проанализировано более 200 выпусков), включая такие, как *The American Legion Magazine*, издаваемый «Американским легионом» — одной

из наиболее антикоммунистически настроенных общественных организаций в США, *Freedom's Facts*, выходящий под эгидой Всеамериканской конференции по борьбе с коммунизмом, *Life* и *Look* — более умеренные издания, вполне, однако, поддерживающие антикоммунистический консенсус.

Дискурсивные стратегии американской пропаганды

Женский вопрос занимал важное место в «борьбе за сердца и умы» периода холодной войны [May, 1988; Riabov, 2017]. Для советской пропаганды успехи в достижении реального равенства полов служили иллюстрацией преимуществ социализма как системы [Хасбулатова, 2005]. При этом образ новой советской женщины конструировался при помощи противопоставления картинам положения женщин в странах капитала; репрезентации женского труда в США демонстрировали порочность американского образа жизни в целом. В числе тех недостатков, которые отмечали советские пропагандисты, — высокий уровень безработицы среди женщин, отсутствие социальных гарантий, более низкая заработная плата, тяжелые условия труда, а также сексуальные домогательства со стороны работодателей.

В свою очередь, американская пропаганда стремилась представить в качестве пороков те результаты социальной политики, которые советские бойцы идеологического фронта рассматривали как достижения в области обеспечения равенства полов. Рассмотрим дискурсивные стратегии, которые использовались в американской антикоммунистической пропаганде для дискредитации женского труда в СССР.

«Уничтожение женственности»

Первая стратегия заключалась в постулировании того, что широкое вовлечение женщины в трудовую деятельность противоречит естественному разделению общества на публичную и приватную сферы и ведет к уничтожению женственности. В качестве серьезной опасности для социума, связанной с вовлечением женщин в производство, репрезентировали их дефеминизацию. Между тем данная тема играла заметную роль в идеологическом противостоянии холодной войны: соперничество капитализма и социализма представлялось как борьба естественного с противоестественным [Sharp, 2000: 42—46]. Природе человека противоречит прежде всего сама идея отмены частной собственности; одним же из наиболее очевидных проявлений противоестественности политики «красных» как раз и считали то, что они якобы стремились разрушить естественный порядок отношений полов. По оценке М. Бреннан, взгляды среднего класса американского общества на труд женщин можно представить так: «Слишком деликатные, чтобы выполнять какую-либо “настоящую” (то есть оплачиваемую) работу, женщины должны были сосредоточиться на доме и семье, обеспечивая мужьям и детям надежную защиту от грязного и опасного мира промышленности. Согласно этой точке зрения, женщины использовали свое естественное моральное превосходство, чтобы уравновесить более агрессивные и греховные наклонности мужчин» [Brennan, 2008: 121].

Дефеминизация советских работниц — тема, которую широко эксплуатировала массовая культура США [Griswold, 2012; Спутницкая, 2023]. Например, тема деформации женственности занимала важное место в кинематографических образах советских женщин, которым приходится заниматься видами деятельности, свойственными скорее мужчинам [Рябов и др., 2023].

Деформация женственности работниц усугубляется, по мнению американских пропагандистов, тем, что в СССР им, как правило, навязывают занятия тяжелым физическим трудом. В «Мастерах обмана» высмеивается равенство в советском стиле: «На фабриках и в жилых домах будут созданы огромные кухни, чтобы женщины могли “свободно” работать на фабриках и шахтах наравне с мужчинами» [Hoover, 1956: 6]. Репортаж из Москвы, напечатанный в журнале *Life* в 1954 г., также содержит издевательские зарисовки трудовой деятельности советских женщин: «Это город, в котором женщинам посчастливилось буквально воплотить в жизнь все мыслимые мечты о равенстве с мужчинами. Повсюду можно увидеть, как они завоевали право карабкаться по высоким строительным лесам в качестве плотников, бурильщиков и штукатуров, право укладывать кирпичи и цемент в фундаменты и на улицы. Они обладают неоспоримой монополией на колоссальную работу по уборке московских тротуаров и улиц» [Hughes, 1954: 116—117].

Автор публикации во *Freedom's Facts*, сообщая, что подавляющее большинство советских женщин обречены на тяжелый мужской труд, подчеркивает, что «настоящее разоблачение коммунистического отношения к равноправию» происходит в области моды: «“Красные” утверждают, что у женщин в коммунистических странах так много важных обязанностей — работа по дому, на фабриках и фермах, соблюдение партийных предписаний и требований партийных собраний, что чрезмерная ухоженность может привести к пренебрежению своими обязанностями. В результате фасоны создаются скорее для того, чтобы подготовить женщин к мужской работе, чем для того, чтобы сделать их привлекательными» [How Reds appeal to women, 1955: 5].

В статье, опубликованной в журнале *Look* под названием «Женщины — второсортные граждане России», также сообщается о неженственных видах работы, которыми вынуждены заниматься представительницы прекрасного пола. Любопытно, что для создания негативного образа гендерных отношений в советском обществе используется легенда об амазонках, что связано, очевидно, с представлениями о неженственной внешности и характере этих персонажей античной истории. На первой странице статьи под рассуждениями о поругании женственности в СССР помещено фото статуи амазонки, подписанное: «Женственности отпущен короткий срок в России, где у женщин в руках отбойные молотки, а не губная помада» [Whitney, 1954: 117].

Образ «бабы с отбойным молотком» выступал эффектной иллюстрацией к значимым постулатам антикоммунистического дискурса: о неэффективности плановой экономики, о цивилизационной чуждости и отсталости коммунистической России, о противоестественности самого коммунистического проекта, наглядно проявляющейся в уничтожении традиционных форм разделения труда между мужчинами и женщинами и дефеминизации прекрасного пола.

«Разрушение семьи»

Еще одно следствие подобного «освобождения» женщин, по мнению американских пропагандистов, состоит в том, что в таких условиях женщины не могут надлежащим образом выполнять роль хранительницы семейного очага, что приводит к разрушению семьи. Как отмечается в документах Информационного агентства США (USIA), деятельность которого была направлена на пропаганду американского образа жизни за пределами Соединенных Штатов, женщины в странах Восточного блока «имеют право работать в угольных шахтах, в ночные смены, на тяжелых работах. Они могут делать все, о чем никто в свободной стране не попросил бы женщину. Есть только одна вещь, которую они не могут делать. У них нет времени растить своих детей, обеспечивать свой дом и принимать участие в общественной жизни, потому что они слишком устают для этого» (см.: [Belmonte, 2008: 138—139]). Между тем именно в приватной сфере, дома и в области воспитания молодежи видели истинное предназначение женщины в американском антикоммунизме (как замечает, например, глава Американского легиона) [Gleason, 1958].

Следует подчеркнуть, однако, что, по утверждениям идеологов американского антикоммунизма, советские власти преднамеренно удерживают заработную плату мужчин на очень низком уровне, чтобы заставить женщину работать на производстве в течение всего дня, уделяя значительно меньше внимания семейному очагу. Это объясняется тем, что Коммунистическая партия рассматривает семью как соперника, который защищает индивида от тотального контроля со стороны государства. Идея о том, что последователи Маркса хотят уничтожить семью, получила распространение в американском антикоммунизме еще во время так называемой Первой красной паники (1918—1920). Эта идея была влиятельна и в исследуемую эпоху маккартизма. Так, в «Голом коммунисте» среди целей деятельности «красных» автор называет и такую: «Дискредитировать семью как институт. Поощрять распущенность и легкость развода» [Skousen, 2007: 406]. В книге «Что такое коммунизм?» говорится: «Коммунисты, хорошо понимая, что их успех в значительной степени зависит от того, насколько им удастся завоевать преданность молодежи, прилагают гигантские усилия, чтобы отделить детей от родителей и дома. Государство вынуждает матерей работать весь день, чтобы занять их место. <...> Дети должны быть преданы коммунизму с самого первого дня. Никакой конкуренции со стороны семьи или дома не терпят; ребенок должен быть воспитан таким образом, чтобы без колебаний отречься от своей семьи» [Ketchum et al., 1955: 105]. В «Мастерах обмана» также утверждается, что в случае захвата власти в США «красными» дети будут помещены в ясли и специальные школы идеологической обработки [Hoover, 1958]. Это определяет и репрезентации советского детства в пропаганде США как безрадостного, полностью контролируемого государством, что получило отражение во многих видах массовой культуры (см., напр.: [Riabova, 2024; Белов, 2024]).

«Усиление дискриминации женщин»

Третья дискурсивная стратегия заключалась в том, чтобы показать несправедливость советской модели эмансипации. Идеологи антикоммунизма полагают, что вопреки утверждению советских источников в действительности право женщины на труд в советском стиле означает не ликвидацию неравенства полов, а, напротив, усиление его. Наиболее явно это обнаруживает себя в том, что начальниками являются представители сильного пола, между тем как женщины вынуждены выполнять тяжелую и менее квалифицированную работу. При этом «за небольшим исключением женщины отстранены от управленческих или административных должностей, от работы в важных партийных и государственных органах; карьера в медицине, юриспруденции и иностранной службе ограничена» [Ketchum et al., 1955: 179]. Некоторых женщин эмансипация сделала второстепенными руководителями в советской системе, но для подавляющего большинства женская эмансипация означает, что к их домашним обязанностям добавились кладка кирпича и подметание улиц [How Reds appeal to women, 1955].

Другое важное проявление несправедливости видят в «двойном бремени» советских женщин, вынужденных трудиться и на работе, и дома. В статье из журнала *Look* семейное разделение труда описывается так: «Мужчина, который нянчится с детьми, в России редкость» [Whitney, 1954: 119]. Иногда мужа помогают делать покупки, но ни один уважающий себя мужчина не будет готовить или мыть посуду [ibid.: 117].

«Двойное бремя» было особенно тяжким в силу непростых бытовых условий, характерных для советского общества. Факт государственной помощи женщинам в заботе о детях (бесплатные роддомы, ясли, медицинское обслуживание) иногда упоминается, однако акцент в репрезентациях жизни советской семьи смещается на жилищные условия. Отсутствие бытовой техники в доме и слабое развитие сферы бытового обслуживания — все это делает жизнь женщины крайне нелегкой [ibid.]. Это усугубляется огромными очередями. Очереди — излюбленная тема для насмешек при описании советских городов журналистами из США (например: «Москва — это город очередей. Москвичи стоят в очередях за всем, от кино и катков до получения обуви и багажа» [Hughes, 1954: 117]).

«Труд как повинность»

Наконец, четвертая дискурсивная стратегия базировалась на апелляции к главной ценности, которая была начертана на знаменах антикоммунизма, — свободе. Культ свободы занимал важнейшее место в идентичности американцев периода холодной войны [Saunders, 1999]; США были представлены в качестве лидеров «свободного мира», в то время как СССР — в качестве царства деспотизма.

По причине деспотизма политической системы труд является не правом женщин, а повинностью и наказанием; они лишены права выбора — государство заставляет их работать; «советские женщины были вызволены из рабства у собственных мужей только затем, чтобы попасть в рабство к государству» [How Reds appeal to women, 1955: 121]. То, что труд является для советских

женщин повинностью, нередко объясняется и демографической ситуацией — большими потерями СССР во время войны. Поэтому женский труд в Советском Союзе — это не столько предоставление женщинам свободы выбора того, чем они хотят заниматься, сколько острая потребность советского государства в рабочей силе [ibid.].

Репрезентации женского труда и образ «врага номер один»

Таким образом, репрезентации советского женского труда в СССР фактически выступали ресурсом создания образа «врага номер один»: все основные черты этих репрезентаций непосредственно связаны с представлениями о советском образе жизни в целом. Среди тех негативных сторон жизни в СССР, которые были призваны продемонстрировать эти репрезентации, отметим прежде всего отсутствие свободы — важнейшей ценности, во имя которой Америка, согласно пропаганде США, и вела холодную войну. Другой чертой образа «красной опасности» является утопизм коммунистического проекта, потому что женский труд противоречит незыблемым законам общества, извращая человеческую природу. Далее, значимым компонентом антикоммунистического дискурса холодной войны было обвинение советской системы в том, что коммунисты, вопреки своим лозунгам, построили общество, бесконечно далекое от справедливости и равенства; дискриминация женщин в СССР — еще одно наглядное свидетельство этого. Кроме того, данные о женском труде интерпретировались так, чтобы убедить аудиторию в лживости коммунистической пропаганды вообще: равенство полов в «советском раю» — очередная «потемкинская деревня». Наконец, исследуемые репрезентации преследовали цель продемонстрировать цивилизационную чуждость коммунистических идей Западу, засвидетельствовать варварство России и ее отсталость, касается ли это условий быта или уровня технологического развития.

Картины женского труда способствовали реализации тех функций, которые должен выполнять образ врага. Прежде всего это функция политической мобилизации. Образ врага эффективен лишь тогда, когда он генерирует ощущение серьезной опасности, угрожающей обществу в целом и его членам, их интересам и ценностям. Происходит секьюритизация женского труда; вопросы, связанные с семейной жизнью и отношениями полов, помогали на понятных примерах показать самой широкой аудитории, что может случиться, если коммунисты захватят власть в США. Между тем, по оценке М. Бреннан, одной только мысли о том, что белых женщин из среднего класса могут загнать работать на конвейер, было достаточно, чтобы вызвать у многих американок ночные кошмары [Brennan, 2008: 121].

Кроме того, это функция укрепления коллективной идентичности; исследуемые репрезентации вносили вклад в построение символической границы между «своими» и «чужими» и конструирование «Америки» как форпоста «свободного мира».

Далее, это функция легитимации власти и социально-политического порядка: политические оппоненты антикоммунистов в США, будь то «красные» (симпатизирующие СССР) или даже «розовые» (сторонники либеральной идеологии), были представлены в качестве тех, кто стремится эти опасные идеи воплотить в жизнь, придя к власти.

Затем, это функция легитимации насилия. Условия холодной войны с балансированием на грани глобальной ядерной катастрофы требовали показывать «врага номер один» так, чтобы оправдать возможное насилие по отношению к его гражданскому населению, лишить американцев сочувствия к врагу даже в случае применения оружия массового поражения. Для этого пропаганда США широко использовала практики дегуманизации, расчеловечивания противника [Riabov, 2020]. Условия жизни и труда в СССР рисовались таким образом, что в полной мере человеческими их назвать было сложно.

Наконец, это функция предсказания победы: враг должен быть показан слабым и комичным, обреченным на поражение. Занятия советскими женщинами несвойственными им видами трудовой деятельности высмеивались в различных видах массовой культуры США (например, во многих кинокомедиях: [Рябов и др., 2023]).

Заключение

Образ труда советских женщин в дискурсе американского антикоммунизма позволял затрагивать все аспекты женского вопроса и при этом трактовать негативные стороны положения женщины в советском обществе как показатель порочности самой советской системы. Этот образ связывался с такими темами, как равенство полов, социальная справедливость, цивилизационная принадлежность советской России, эффективность ее экономики, соответствие положений коммунистической идеологии законам природы и установлениям Всевышнего, и другими. В период холодной войны репрезентации женского труда выступали одним из приемов создания образа врага, способствуя реализации всех его функций: политической мобилизации, укреплению коллективной идентичности, легитимации насилия, легитимации власти и социально-политического порядка, предсказанию победы.

Список источников

- Белов С. И. «Враг интерактивный»: американские видеоигры 1980-х гг. как ресурс позиционирования «советского чужого» // История. 2024. № 2. С. 39—49.
- Воронина О. А. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток. Запад. Россия. [Б. м.], 1993. С. 205—225.
- Гоцило Е. Перестройка или «домостройка»? Становление женской культуры в условиях гласности // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 134—145.
- Левин Я. А., Буранок С. О. Книга «Мастера обмана» (1958) Дж. Эдгара Гувера как идеологическая основа концепции «Красной угрозы» и антикоммунизма в США // Научный диалог. 2019. № 11. С. 379—387.
- Клименкова Т. А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М.: Преображение, 1996. 154 с.
- Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.

- Спутницкая Н. Ю. Образ врага и метафоры холодной войны в киносказке СССР и героическом комиксе США 1960—1963 годов // Новый исторический вестник. 2023. № 2. С. 100—119.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 371 с.
- Attwood L. *The New Soviet Man and Woman: Sex-Role Socialization in the USSR*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1990. 263 p.
- Belmonte L. A. *Selling the American Way: U.S. Propaganda and the Cold War*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.
- Brennan M. *Wives, Mothers, and the Red Menace: Conservative Women and the Crusade against Communism*. Boulder: Univ. Press of Colorado, 2008. 208 p.
- Gleason J. S. Men are what their mothers make them // *The American Legion Magazine*. 1958. Vol. 64, № 5.
- Griswold R. L. Russian blonde in space: Soviet women in the American imagination, 1950—1965 // *Journal of Social History*. 2012. Vol. 45, № 4. P. 881—890.
- Hoover J. E. *Masters of Deceit: the Story of Communism in America and How to Fight It*. New York: Henry Holt and Co, 1958. 374 p.
- How Reds appeal to women // *Freedom's Facts*. 1955. № 3.
- Hughes E. J. A perceptive reporter in a changing Russia // *Life*. 1954. № 6. February 8.
- Ketchum R. M. *et al.* *What Is Communism?* New York: E. P. Dutton & Co., 1955. 192 p.
- Lissyutkina L. Soviet women at the crossroads of Perestroika // *Gender Politics and Post-Communism*. New York; London: Routledge, 1993. P. 274—286.
- May E. T. *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*. New York: Basic Books, 1988. 290 p.
- Riabov O. V. Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953) // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 19, № 1. P. 193—219.
- Riabov O. V. *The Red Machine: the dehumanization of the communist enemy in American Cold War cinema* // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8, № 2. P. 536—550.
- Riabova T. B. «May There Always Be Sunshine!»: a symbol of childhood in Soviet and American Cold War songs // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. № 1. С. 16—25.
- Saunders S. *Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War*. London: Granta, 1999. 544 p.
- Sharp J. P. *Condensing the Cold War. Reader's Digest and American Identity*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2000. 232 p.
- Skousen W. C. *The Naked Communist*. C&J Investments, 2007. 449 p.
- Whitney J. Women: Russia's second class citizens // *Look*. 1954. № 26. November 30.

References

- Attwood, L. (1990) *The New Soviet Man and Woman: Sex-Role Socialization in the USSR*, Bloomington: Indiana University Press.
- Belmonte, L. A. (2008) *Selling the American Way: U.S. Propaganda and the Cold War*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Belov, S. I. (2024) "Vrag interaktivnyi": amerikanskiie videoigry 1980-kh gg. kak resurs pozitsionirovaniia "sovetskogo chuzhogo" ["Interactive enemy": American video games of the 1980s as a positioning resource of the "Soviet alien"], *Istoriia*, vol. 2, pp. 39—49.

- Brennan, M. (2008) *Wives, Mothers, and the Red Menace: Conservative Women and the Crusade against Communism*, Boulder: University Press of Colorado.
- Gleason, J. S. (1958) Men are what their mothers make them, *The American Legion Magazine*, vol. 64, no. 5.
- Griswold, R. L. (2012) Russian blonde in space: Soviet women in the American imagination, 1950—1965, *Journal of Social History*, vol. 45, no. 4, pp. 881—890.
- Goshchilo, Ye. (1991) Perestroika ili “domostroika”? Stanovlenie zhenskoĭ kultury v usloviakh glasnosti [Perestroika or “domostroika”? The Construction of womanhood under glasnost], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 134—145.
- Hoover, J. E. (1958) *Masters of Deceit: The Story of Communism in America and How to Fight It*, New York: Henry Holt and Co.
- How Reds appeal to women (1955), *Freedom's Facts*, no. 3.
- Hughes, E. J. (1954) A perceptive reporter in a changing Russia, *Life*, no. 6, February 8.
- Ketchum, R. M. et al. (1955) *What Is Communism?*, New York: E. P. Dutton & Co.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender politics in XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Klimenkova, T. A. (1996) *Zhenshchina kak fenomen kul'tury. Vzgliad iz Rossii* [Woman as a phenomenon of culture. View from Russia], Moscow: Preobrazhenie.
- Levin, Ya. A., Buranok, S. O. (2019) Kniga “Mastera obmana” (1958) Dzh. Ėdgara Guvera kak ideologicheskaia osnova kontseptsii “Krasnoĭ ugrozy” i antikommunizma v SShA [Book “Masters of Deceit” by J. Edgar Hoover as an ideological basis of the concept of “Red Scare” and anti-communism in the USA], *Nauchnyi dialog*, no. 11, pp. 379—387.
- Lissytukina, L. (1993) Soviet women at the crossroads of Perestroika, *Gender Politics and Post-Communism*, New York, London: Routledge, pp. 274—286.
- May, E. T. (1988) *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*, New York: Basic Books.
- Riabov, O. V. (2017) Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953), *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 193—219.
- Riabov, O. V. (2020) The *Red Machine*: the dehumanization of the communist enemy in American Cold War cinema, *Quaestio Rossica*, vol. 8, no. 2, pp. 536—550.
- Riabov, O. V., Belov, S. I., Davydova, O. S., Kubyshev, A. I., Riabov, D. O., Riabova, T. B., Smirnov, D. G., Sputnitskaya, N. Yu., Yudin, K. A. (2023) “Vrag nomer odin” v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voĭny [“Enemy number one” in the symbolic politics of the cinematographies of the USSR and the USA during the Cold War], Moscow: Aspekt Press.
- Riabova, T. B. (2024) “May There Always Be Sunshine!”: a symbol of childhood in Soviet and American Cold War songs, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 4, Istorii, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniia, no. 1, pp. 16—25.
- Saunders, S. (1999) *Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War*, London: Granta.
- Sharp, J. P. (2000) *Condensing the Cold War. Reader's Digest and American Identity*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Skousen, W. C. (2007) *The Naked Communist*, C&J Investments.
- Sputnitskaia, N. Yu. (2023) Obraz vraga i metafory kholodnoi voĭny v kinoskazke SSSR i geroicheskom komikse SShA 1960—1963 godov [The image of the enemy and the metaphors of the Cold War in the Soviet cinema tales and the US heroic comics (1960—1963)], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 100—119.
- Voronina, O. A. (1993) Zhenshchina i sotsializm: opyt feministского analiza [Woman and socialism: experience of feminist analysis], *Feminizm: Vostok. Zapad. Rossiia*, s. 1., pp. 205—225.
- Whitney, J. (1954) Women: Russia's second class citizens, *Look*, no. 26, November 30.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 17.10.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 17.10.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Россия; ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Россия; профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation; Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 127—141.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 127—141.

Научная статья

УДК 316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/bmpkyq>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.9

**СТРУКТУРНОЕ НЕРАВЕНСТВО,
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
ИЛИ ЛИЧНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ:
ПОЧЕМУ ЖЕНЩИНЫ СМОТРЯТ НОВОСТИ РЕЖЕ,
ЧЕМ МУЖЧИНЫ?**

Анастасия Дмитриевна Казун, Антон Павлович Казун

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия, adkazun@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различия между мужчинами и женщинами в потреблении новостей, а также анализируются их причины. Исследование основано на данных онлайн-опроса более 10 тыс. респондентов из 61 региона России, дополненных иллюстрациями из интервью. Результаты регрессионного анализа показывают, что женщины чаще избегают новостей, хотя проводят у экранов больше времени, чем мужчины. Выявлено, что наличие детей не объясняет разрыв в новостном потреблении между мужчинами и женщинами. При этом патриархальные ценности усиливают тенденцию к избеганию новостей у обоих полов. Кроме того, для женщин избегание новостей теснее связано с переживанием негативных эмоций и тревогой, хотя этот фактор значим и для мужчин. Исследование показало, что наличие партнера повышает вовлеченность женщин в потребление политических и экономических новостей. Данное обстоятельство может быть связано с коллективным просмотром такого контента.

Ключевые слова: потребление новостей, различия между мужчинами и женщинами, патриархальные ценности, эмоциональное благополучие, структурное неравенство, избегание новостей, Россия

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Казун А. Д., Казун А. П. Структурное неравенство, эмоциональное благополучие или личные предпочтения: почему женщины смотрят новости реже, чем мужчины? // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 127—141.

Original article

STRUCTURAL INEQUALITY, EMOTIONAL WELL-BEING, OR PERSONAL PREFERENCES: WHY DO WOMEN WATCH NEWS LESS FREQUENTLY THAN MEN?

Anastasia D. Kazun, Anton P. Kazun

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation, adkazun@hse.ru

Abstract. This article examines gender differences in news consumption and investigates the underlying causes behind them. The study draws on data from an online survey of over 10,000 respondents from 61 Russian regions, supplemented with illustrative examples from in-depth interviews. Regression analysis findings reveal that women tend to avoid news more frequently than men, despite spending more total screen time. Having children does not explain the observed gap in news consumption between men and women. Meanwhile, patriarchal values amplify the tendency toward news avoidance in both women and men. Among women, news avoidance is more closely associated with negative emotions and anxiety, although this factor is also significant for men. The study further demonstrates that having a partner increases women's engagement with political and economic news, potentially due to the collective nature of their news consumption.

Key words: news consumption, gender gap, patriarchal values, emotional well-being, structural inequality, news avoidance, Russia

Acknowledgments: the study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Kazun, A. D., Kazun, A. P. (2025) Strukturnoe neravenstvo, èmotsional'noe blagopoluchie ili lichnye predpochtenii: pochemu zhenshchiny smotriat novosti rezhe, chem muzhchiny? [Structural inequality, emotional well-being, or personal preferences: why do women watch news less frequently than men?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 127—141.

Введение

В настоящей статье авторы рассматривают вопрос о том, чем можно объяснить различия в потреблении новостей между мужчинами и женщинами в России. Этот вопрос важен в контексте актуальных теоретических и эмпирических исследований, поскольку отличия (при условии, что они существуют) зачастую объясняются очень разнообразными факторами: от структурного неравенства, связанного с воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства параллельно с работой, до личных предпочтений и заботы о своем эмоциональном благополучии. Понимание же того, какие факторы являются значимыми для мужчин и для женщин, может быть важным в контексте разработки социальной политики и стратегий коммуникации с населением в условиях медиасреды с большим выбором. Таким образом, настоящее исследование вносит вклад в корпус современной литературы, углубляя авторское понимание различий в потреблении новостей.

В современном мире, и в России, широко распространено избегание новостей [Казун, 2025]. Негативный характер медиаконтента, информационная перегрузка, кризис доверия сообщениям СМИ — все это способствует желанию изолировать себя от повестки дня [Богомяжкова, Попова, 2021]. При этом женщины избегают новостей чаще, чем мужчины [Toff, Kalogeropoulos, 2020]. Такой результат не является неожиданным, ведь предшествующие исследования неоднократно подчеркивали различия во взаимодействии с информационным контентом между мужчинами и женщинами [Воронина, 2023]. Предполагается, что патриархат продолжает влиять на потребление новостей женщинами даже в условиях медиасреды с большим выбором, а традиционные медиа поддерживают существующий порядок.

Из предшествующих исследований стало известно, что женщины потребляют меньше новостей, чем мужчины [Benesch, 2012], и мужчины проявляют более высокий уровень технических навыков при работе с цифровым контентом [Воронина, 2023]. Кроме того, женщины менее вовлечены в обсуждение актуальных новостей. Тематика просматриваемого ими контента также отличается. Здесь многое зависит от направленности сообщества, в котором идет обсуждение, — в ряде тематик (красота, мода, спорт, искусство) женщины проявляют более высокую активность [там же]. Женщины предпочитают информацию, применимую в повседневной жизни (например, о здоровье, образовании, местных сообществах), а не политические или международные новости.

В современном мире потребление новостей становится индивидуальным, а не коллективным, что может дополнительно усиливать разрыв между мужчинами и женщинами. Если раньше выпуски новостей нередко просматривались членами домохозяйства совместно, то сейчас, когда новости в значительной степени переместились на экраны смартфонов, ознакомление с ними «за компанию» стало менее вероятным. Исследователи отмечают, что женщины могут перекладывать ответственность за поддержание информированности на партнера [Gur-Ze'ev et al., 2024]. Это позволяет избегать нежелательного контента, не опасаясь упустить важную информацию.

В этой статье авторы попытаются ответить на следующие вопросы.

1. Существует ли разрыв в избегании новостей между мужчинами и женщинами в России? 2. Чем объясняются такие различия?

Почему женщины избегают новостей чаще, чем мужчины?

Можно предложить несколько объяснений большей распространенности избегания новостей среди женщин. Первым из них является *восприятие политики как мужской сферы*, которое воспроизводится в ходе социализации [Клещин, 2003]. Немецкое исследование близнецов в возрасте 11—25 лет показало, что различия в политических интересах между мальчиками в значительной степени объясняются генами, тогда как для девочек скорее важно социальное окружение (shared environment), например семья и школа [van Ditmars, Ksiazkiewicz, 2024]. Женщины, избегающие новостей, рассказывают, что в семьях, в которых они росли, потребителями информационного контента выступали отцы и дедушки, а не матери [Palmer et al., 2023], и отмечают больший интерес к такому контенту со стороны их партнеров [Toff, Palmer, 2019]. Предполагается,

что социализация в семьях оказывает влияние на вовлеченность в потребление новостей впоследствии [Здравомыслова, Арутюнян, 1998]. Неравенство мужчин и женщин в сфере политического участия может быть отчасти сглажено в результате проведения соответствующей политики, однако подобные меры действуют только на взрослых людей, поскольку на детей сильнее влияют семейные ценности [Fraile, Gomez, 2017]. Свой вклад в формирование представлений о политике как о мужской сфере также вносит недостаточная представленность женщин в данной области, что приводит к большему освещению в новостях типичных «мужских» вопросов, тем самым способствуя восприятию такого контента как чуждого для женщин [Banducci et al., 2012]. Иными словами, когда мужчины-политики обсуждают в новостях «мужские» вопросы, женщины ощущают, что новости предназначены не для них.

Альтернативное объяснение разрыва в потреблении новостей состоит в *структурном неравенстве* [Радаев, Барсукова, 2000]. Условием внимания к новостям является наличие времени и эмоционального ресурса для обработки соответствующей информации — лишнего сострадания (*surplus compassion*) [Hilgartner, Bosk, 1988], которое может быть потрачено на переживание относительно вопросов, лежащих за рамками повседневного личного опыта. Однако на женщин ложится большая часть домашнего хозяйства и ухода за детьми, а также ответственность за обеспечение эмоционального благополучия членов семьи — эмоциональная работа. Различия наблюдаются даже в восприятии пространства дома: если для мужчины оно является местом отдыха и досуга, то для женщины — местом повторяющегося домашнего труда. Соответственно, избегание новостей женщинами может быть связано с перераспределением ресурсов на другие задачи, воспринимаемые как приоритетные. Женщины могут объяснять избегание новостей высокой занятостью, в том числе домашними делами. Так, разрыв между мужчинами и женщинами особенно велик в семьях с детьми, в которых оба супруга имеют полную занятость [Benesch, 2012].

Наконец, избегание новостей во многом связано с эмоциональными издержками их потребления [Богомягкова, Попова, 2021]. Поскольку у женщин более *высокий уровень тревоги*, испытываемой в отношении разнообразных угроз для общества (*sociotropic anxiety*) [Djerf-Pierre, Wängnerud, 2016], и они в большей степени склонны к избеганию конфликтов, возможно, их желание уклониться от информационного контента связано с большей уязвимостью для негативных новостей.

На основе анализа литературы [Радаев, Барсукова, 2000; Богомягкова, Попова, 2021; Воронина, 2023; Казун, 2024a, 2024b] авторы могут формулировать следующие гипотезы:

Н1. *При прочих равных, женщины избегают новостей чаще, чем мужчины.* Если данная закономерность верна, то она может объясняться одним или несколькими из приведенных ниже механизмов.

Н2. *В домохозяйствах с детьми наблюдается более высокий уровень избегания новостей со стороны женщин.* Это может быть обусловлено структурным неравенством, при котором забота о детях в большей степени ложится на женщину, оставляя меньше времени для новостей.

Н3. *Уровень избегания новостей у женщин положительно коррелирует с патриархальными взглядами на мужские и женские роли в домашнем хозяйстве.*

Можно предположить, что классические патриархальные взгляды (мужчина является главным добытчиком, а женщина обязана преимущественно заниматься домашними делами) должны повышать уровень избегания у женщин.

Н4. *Избегание новостей у женщин более сильно связано со стремлением избегать негативных эмоций.*

Методология

Для анализа авторы используют базу данных онлайн-опроса «Исследование коронавируса в регионах России — вторая волна (RoCIRR 2.0)». Опрос проводился с 25 июля по 12 сентября 2024 г. и охватывал 10 432 респондентов из 61 региона России (в том числе не менее 50 респондентов в каждом из 117 городов с населением от 100 тыс. человек). Для обеспечения репрезентативности при проведении опроса использовались квоты по полу, возрасту и образованию. Несмотря на то что общая тематика опроса была посвящена последствиям пандемии коронавируса, анкета включала в себя вопросы по широкому спектру тем, в том числе большой блок о потреблении новостей, на который авторы и будут опираться в данном исследовании. Авторы также отмечают, что в 2024 г. контекст пандемии уже не оказывал существенного влияния на анализируемые вопросы, поэтому отдельно опыт переживания пандемии не учитывался в анализе.

Для оценки частоты просмотра или избегания новостей авторы выбрали следующие индикаторы¹:

- время у экрана (в минутах),
- время за просмотром новостей (в минутах),
- частоту просмотра политических или экономических новостей (от 1 до 5),
- избегание новостей в последние три месяца (от 1 до 10).

Первые два индикатора — самооценка времени, которое человек проводит перед экраном или за просмотром новостей, — позволяют количественно оценить разрыв между мужчинами и женщинами, разделив при этом просмотр новостей и иного контента. Вопрос о просмотре политических и экономических новостей дает возможность проверить, объясняются ли интересующие нас различия потреблением «серьезных новостей» (hard news). Наконец, вопрос про избегание позволяет увидеть, прилагают ли мужчины и женщины усилия для того, чтобы сократить потребление новостного контента.

Помимо пола респондента, в качестве ключевых объясняющих переменных авторы используют: наличие партнера (независимо от регистрации брака), наличие детей (с разделением по возрасту — младше или старше 10 лет), наличие постоянной или частичной занятости, отношение к патриархальным

---

¹ Полные формулировки вопросов звучали следующим образом: 1. За последнюю неделю сколько примерно времени в течение дня Вы в среднем проводили перед экранами всех своих электронных устройств (компьютер, планшет, мобильный телефон, смартфон) (___ часов ___ минут)? 2. За последнюю неделю сколько примерно времени в течение дня Вы в среднем потратили на просмотр или чтение новостей (включая любой тип контента, который вы относите к новостям) (___ часов ___ минут)? 3. Как часто Вы читаете, слушаете или смотрите политические или экономические новости? (Шкала от 1 до 5.) 4. Согласны ли Вы с утверждением: «В последние три месяца я намеренно пытался(ась) избегать новостей»? (Шкала от 1 до 10.)

ценностям², уровень тревожности и факт получения негативных эмоций от новостей. В качестве контрольных переменных — уровень образования, доход, размер домохозяйства, размер населенного пункта, типы медиа (телевидение, социальные сети, газеты и пр.), которые использует респондент.

При интерпретации результатов количественного исследования применяются материалы 114 интервью с людьми, имеющими разную вовлеченность в потребление новостей. Материалы собраны в период с ноября 2022-го по март 2023 г. в рамках другого проекта (см.: [Казун, 2024а]). В этой работе авторы не ставят цели проведения глубокого анализа качественных данных, но используют их в иллюстративных целях.

Результаты исследования

В настоящем разделе авторы рассматривают результаты анализа данных количественного опроса. В таблице представлены различия между средними оценками мужчин и женщин по ключевым зависимым переменным, выбранным для анализа. Из таблицы видно, что женщины значительно больше времени проводят перед экраном, но при этом несколько реже смотрят новости (этот результат значим только на 10 %-м уровне), существенно реже смотрят «серьезные новости» и чаще, чем мужчины, избегают новостного контента.

Средние значения зависимых переменных, полученные
на основе ответов респондентов о просмотре и избегании новостей

Переменная	Женщины	Мужчины	Значимость различий (по p-value)
Среднее время перед экраном, мин/сутки	452,94	418,57	***
Среднее время за просмотром новостей, мин/сутки	169,99	178,36	+
Интенсивность просмотра политических и экономических новостей (от 1 до 5)	2,51	3,19	***
Избегание новостей за последние 3 месяца (от 1 до 10)	4,29	3,25	***

Примечание. Уровень значимости: *** — 0,001, ** — 0,01, * — 0,05, + — 0,1.

Основные результаты исследования отражены в виде регрессионных моделей на рисунках 1—4. По каждой переменной авторы представляют результаты для всей выборки, а затем отдельно для женщин и мужчин. Регрессионные модели позволяют проверить, сохраняются ли интересующие нас различия при контроле на другие параметры, а также выделить эффекты, специфичные

² Здесь использовался вопрос о согласии с тремя утверждениями (шкала от 1 до 5): «Когда рабочих мест недостаточно, мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины», «Ежедневное ведение домашнего хозяйства — это в равной мере обязанность и мужа, и жены», «Мужчина должен быть основным кормильцем в семье».

только для женщин или только для мужчин. Точки на графике — это коэффициенты регрессий, «усики» показывают доверительные интервалы (на уровне значимости 95 %). Интерпретация коэффициентов на графиках весьма проста: если точка находится справа от вертикальной пунктирной линии «0», то эффект положительный, слева — отрицательный. Но при этом если «усики» пересекают нулевую отметку, то коэффициент незначим.

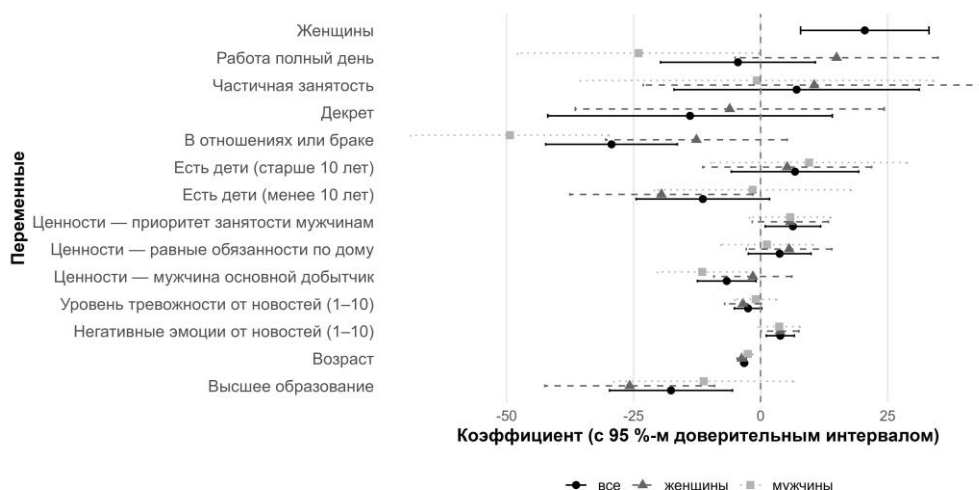

Рис. 1. Результаты регрессионной модели (коэффициенты и доверительные интервалы) для времени, проводимого перед экраном (N = 10,431; мужчин — 5,476; женщин — 4,955): контрольные переменные — размер домохозяйства, размер населенного пункта, используемые типы медиа, уровень дохода

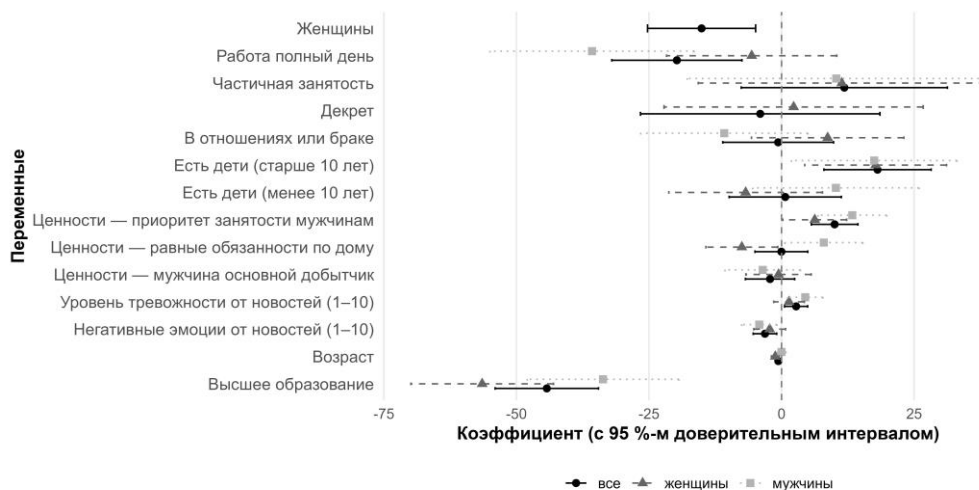

Рис. 2. Результаты регрессионной модели (коэффициенты и доверительные интервалы) для времени, проводимого за просмотром новостей (N = 10,431; мужчин — 5,476; женщин — 4,955): контрольные переменные — размер домохозяйства, размер населенного пункта, используемые типы медиа, уровень дохода

Из рисунков 1—2 можно сделать несколько выводов. При прочих равных женщины проводят в среднем на 20 мин больше у экранов, чем мужчины, но при этом на 15 мин меньше тратят на просмотр новостей (в регрессионной модели при контроле на другие параметры эти различия становятся значимыми на 1 %-м уровне). Наличие занятости полный рабочий день сокращает время просмотра новостей для мужчин, но не для женщин, что может быть связано с характером работы, предполагающей меньше времени для доступа в Интернет. Наличие детей старше 10 лет повышает время, проводимое за просмотром новостей. Единственный эффект, который можно связать со структурным неравенством, — женщины, имеющие детей младше 10 лет, проводят меньше времени перед экранами электронных устройств (однако на просмотр новостей значимого влияния нет). Убежденность в том, что мужчинам следует давать больше прав на работу, когда рабочих мест недостаточно, скоррелирована с большим временем просмотра новостей, но в основном эффект возникает за счет мужчин. Уровень тревожности положительно скоррелирован с количеством времени, которое тратится на просмотр новостей, а испытываемые негативные эмоции, напротив, связаны отрицательно, причем эффект значим только для мужчин. Люди с высшим образованием значимо меньше времени тратят на просмотр новостей.

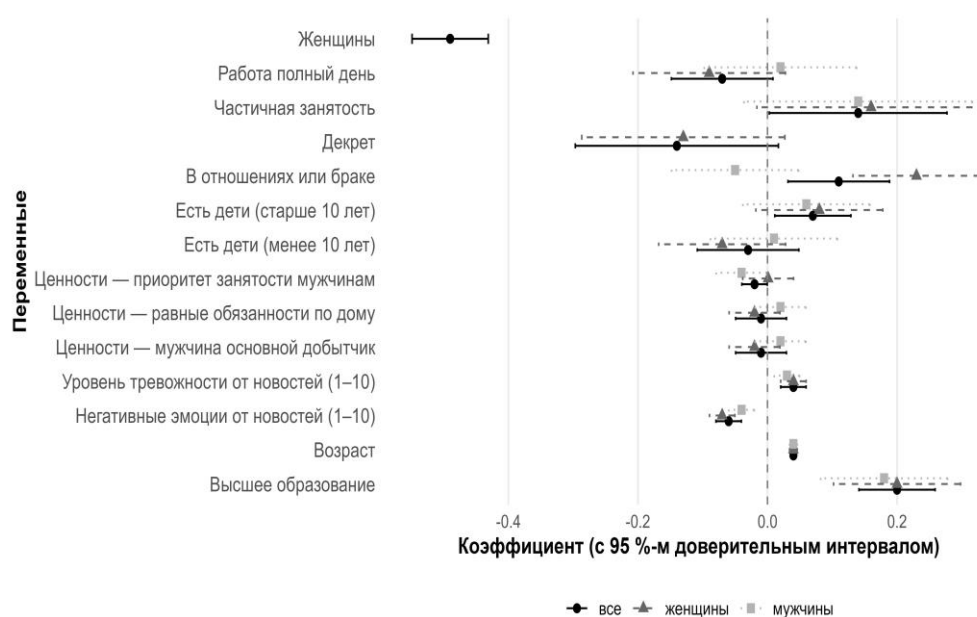

Рис. 3. Результаты регрессионной модели (коэффициенты и доверительные интервалы) для частоты просмотра политических и экономических новостей (N = 10,431; мужчин — 5,476; женщин — 4,955): контрольные переменные — размер домохозяйства, размер населенного пункта, используемые типы медиа, уровень дохода

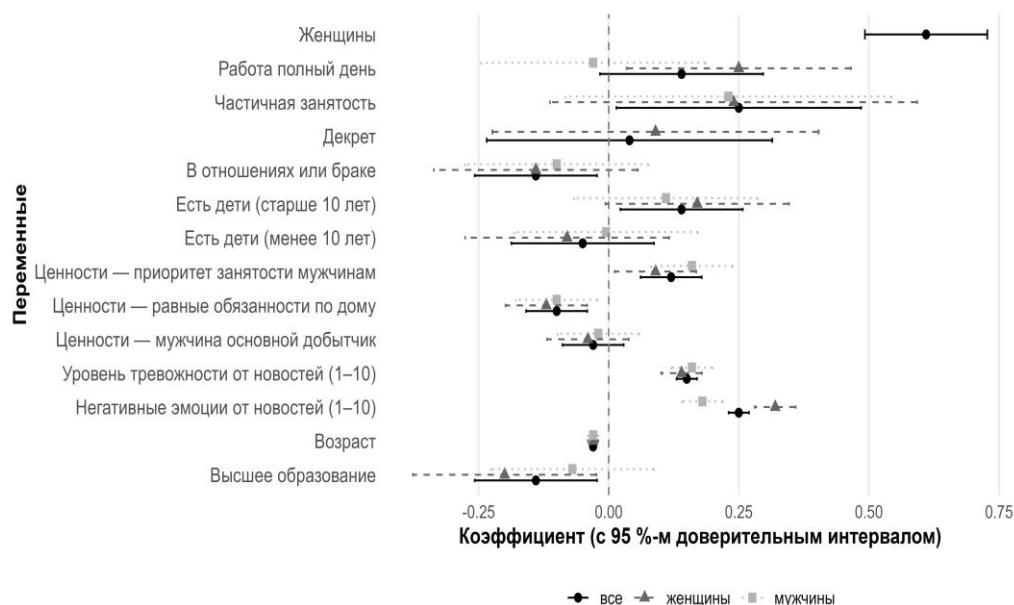

Рис. 4. Результаты регрессионной модели (коэффициенты и доверительные интервалы) для стремления избегать новостей за 3 месяца, предшествующих опросу (N = 10,431; мужчин — 5,476; женщин — 4,955):
контрольные переменные — размер домохозяйства,
размер населенного пункта, используемые типы медиа, уровень дохода

Модели на рисунках 3—4 показывают, что женщины реже смотрят политические или экономические новости, а также чаще соглашаются с утверждением о том, что стремились избегать новостей в три предшествующих опросу месяца. Нахождение в браке или в отношениях значительно повышает частоту просмотра политических новостей для женщин, в то время как для мужчин значимого эффекта нет. Работа полный день увеличивает избегание новостей у женщин, частичная занятость имеет тот же эффект уже на всей выборке. Наличие детей старше 10 лет повышает время просмотра политических новостей и одновременно их избегание. И мужчины, и женщины, убежденные в том, что мужчины в случае наличия проблем с работой должны иметь приоритет перед женщинами, чаще избегают новостей. Убеждение в том, что домашние обязанности должны распределяться поровну между мужчиной и женщиной, напротив, сокращает избегание. Соответственно, можно сделать вывод, что патриархальные взгляды связаны с избеганием новостей, причем как у мужчин, так и у женщин. Сильные эффекты имеют эмоциональные аспекты потребления новостей. Тревожность связана одновременно и с более частым просмотром политических и экономических новостей, и с их избеганием. Негативные эмоции сопряжены с меньшим временем просмотра политических новостей, но также повышают избегание.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов, важно отметить, что исследовательский инструментарий авторов имеет несколько ограничений.

Во-первых, регрессионный анализ на опросных данных не позволяет сделать выводы о причинно-следственных связях, что является стандартным ограничением. Во-вторых, несмотря на широкое распространение Интернета в 2024 г., важно отметить, что опрос репрезентирует только мнение россиян, имеющих доступ в Сеть. В-третьих, опрос основан на субъективных оценках самих пользователей, в том числе в отношении времени, проведенного перед экраном. Так, часть различий может объясняться завышением женщинами своего потребления новостей или занижением мужчинами — в этом аспекте требуются дополнительные исследования, основанные на объективных данных о времени, проводимом перед экраном.

Обсуждение результатов

Результаты исследования подтверждают наличие разрыва в потреблении новостей между мужчинами и женщинами в России. Женщины, несмотря на большее общее время, проводимое у экранов, уделяют меньше внимания новостному контенту, особенно в сферах политики и экономики, и чаще избегают новостей в целом (гипотеза 1 подтверждена).

Избегание новостей женщинами нередко приписывается структурному неравенству — меньшим возможностям для потребления информационного контента из-за высокой вовлеченности в домашние дела [Радаев, Барсукова, 2000]. Причем к этому аргументу прибегают не только исследователи [Benesch, 2012], но и люди, описывающие медиарепертуары членов своей семьи:

На ней [маме] быт и содержание всей нашей семьи в целом. То, что отец и я, например, приносим какие-то деньги, не так значительно, как то, что она делает. Она знает, что на ней лежит большая ответственность, и она занимается этой ответственностью сейчас. То есть на ней и быт, и работа... <...> Она работает с людьми, ей тяжело и так (жен., 20 лет).

Тем не менее авторы не находят подтверждения структурного неравенства мужчин и женщин в просмотре информационного контента. С учетом того что женщины проводят перед экранами больше времени, чем мужчины, вероятно, их меньшая вовлеченность в потребление новостей объясняется скорее предпочтениями, чем занятостью домашними делами. В частности, наличие детей младше 10 лет снижает экранное время женщин, однако не сказывается на вовлеченности в потребление новостей, времени просмотра экономических и политических новостей и избегании такого контента (гипотеза 2 не подтверждена). Наличие оплачиваемой работы также имеет ограниченный эффект. Следовательно, женщины могут не уделять внимания новостям просто в силу того, что они предпочитают другие медиапродукты. Это объясняет большее по сравнению с мужчинами экранное время при меньшем потреблении информационного контента:

Я разговаривал с бабушкой, и она говорит мне, что новости она больше не смотрит. Она теперь смотрит турецкие фильмы. Более того, мы разговаривали

с ней 20 минут, потом прошел где-то час, и она снова мне позвонила. Она даже не сказала мне «привет», ничего. Она просто такая, мол, а как вот «дом» по-турецки, ты не знаешь? В общем, да. В итоге она как будто даже развивается. И я очень рад за это. Она, не знаю, смотрит их без дубляжа с субтитрами, видимо, или что-то. Ну, короче, учит турецкий (муж., 21 год).

По-видимому, в медиапотреблении женщин заметную роль играет семья. Так, нахождение в браке или отношениях увеличивает вовлеченность женщин в просмотр новостей, повышая потребление экономического и политического контента и одновременно снижая избегание такой информации. Вероятно, данная закономерность может объясняться коллективным потреблением информационного контента. Если партнер вовлечен в потребление новостей, то члены его домохозяйства могут просматривать их ненамеренно. При этом общее экранное время снижается и для женщин, и для мужчин, состоящих в браке или отношениях. Это может свидетельствовать о том, что наличие партнера способствует изменению форм досуга и приоритизации других активностей, не связанных с медиапотреблением:

Папа смотрит (новости. — Авт. ст.) вечером, как я знаю, а мама просто в комнате. То есть мама у меня меньше погружена в новости, а папа прямо следит, смотрит всякие программы, читает, наверное, разные каналы (в «Телеграм». — Авт. ст.) (жен., 19 лет);

Бабушка с дедушкой (смотрят новости. — Авт. ст.), скорее даже дедушка, бабушке приходится иногда это слушать по телевизору, потому что она рядом находится. Дедушка любит политические программы, где новости потом разбирают, анализируют. Бабушка особо не любит их смотреть (жен., 22 года);

Знаете, у меня супруг все-таки продолжает смотреть политические шоу, и я невольно становлюсь свидетелем, когда телевизор теперь в фоновом режиме работает. То есть я какими-то отрывками слушаю эти передачи, но полностью не уделяю им полноценное свое внимание (жен., 44 года).

Значение имеют также индивидуальные убеждения [Макаренцева и др., 2017]. Так, патриархальные ценности (например, убежденность в приоритете мужчин на рынке труда) способствуют избеганию новостей как женщинами, так и мужчинами. Соответственно, избегание новостей более свойственно людям обоего пола с традиционными взглядами, нельзя сказать, что эффект является исключительно женским (гипотеза 3 не подтверждена). Исходя из имеющейся литературы, авторы ожидали, что мужчины с патриархальными ценностями будут демонстрировать большую вовлеченность в потребление новостей. Однако был получен противоположный результат. Данный аспект заслуживает дальнейшего исследования.

В литературе в качестве основной причины избегания новостей выделяется их негативный уклон и неблагоприятное влияние на эмоциональное состояние [Богомяглова, Попова, 2021]. Данный вывод актуален и для России. Уверенность в том, что новости вызывают негативные эмоции, снижает потребление новостей и повышает избегание как среди женщин, так и среди мужчин. Впрочем, для женщин

такие эффекты оказываются более сильными (гипотеза 4 подтверждена). Отчасти это отражено и в материалах интервью, где информанты подчеркивают большую эмоциональную уязвимость женщин и объясняют таким образом избегание новостей членами семьи женского пола:

В начале (СВО. — Авт. ст.) она [девушка информанта] следила совсем чуть-чуть, прямо самую малость, а после этого — нет, перестала следить, потому что события максимально пугали. Ну и плюс она человек достаточно нервный и чувствительный в этом плане и переживает сильно. Поэтому она себя ограничила полностью... лучше быть в неведении. Так спокойнее (муж., 20 лет).

Таким образом, избегание новостей становится как для женщин, так и для мужчин способом саморегуляции и поддержания эмоционального благополучия. При этом интересно, что в интервью подобные причины избегания новостей приписываются преимущественно членам семьи и знакомым женского пола, тогда как для мужчин аналогичное поведение может описываться как следствие незаинтересованности. Это обстоятельство подчеркивает важность проведения как количественных, так и качественных исследований по данному вопросу.

Список источников

- Богомяжкова Е. С., Попова Е. Е. «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления: (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 46—56.
- Воронина Н. С. Гендерный аспект цифрового неравенства в России: результаты эмпирического анализа // Мир России. 2023. Т. 32, № 3. С. 52—74.
- Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья на европейском фоне. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 172 с.
- Казун А. Д. Избегание новостей: понятие, причины и факторы распространения // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2024а. Т. 9, № 3. С. 28—55.
- Казун А. Д. Потребление новостей в повседневной рутине думскроллеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024b. № 2. С. 226—244.
- Казун А. Д. Избегание новостей в России: масштабы и характерные черты // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2025. Т. 50, № 1. С. 69—93.
- Клецин А. А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 2. С. 120—139.
- Макаренцева А. О., Бирюкова С. С., Третьякова Е. А. Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 97—114.
- Радаев В. В., Барсукова С. Ю. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. Т. 9, № 4. С. 65—102.
- Banducci S. A., Gidengil E., Everitt J. Women as political communicators: candidates and campaigns // The SAGE Handbook of Political Communication / ed. by H. A. Semetko, M. Scammell. London: SAGE Publications Ltd, 2012. Chap. 13. P. 164—172.

URL: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781446265987_A24015940/preview-9781446265987_A24015940.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

- Benesch C. An empirical analysis of the gender gap in news consumption // *Journal of Media Economics*. 2012. Vol. 25, № 3. P. 147—167.
- Djerf-Pierre M., Wängnerud L. Gender and sociotropic anxiety: explaining gender differences in anxiety to social risks and threats // *International Journal of Public Opinion Research*. 2016. Vol. 28, № 2. P. 217—240.
- Fraile M., Gomez R. Bridging the enduring gender gap in political interest in Europe: the relevance of promoting gender equality // *European Journal of Political Research*. 2017. Vol. 56, № 3. P. 601—618.
- Gur-Ze'ev H., Aharoni T., Kligler-Vilenchik N., Tenenboim-Weinblatt K. «I hope my partner will keep me up-to-date»: how couples navigate news consumption and avoidance // *Journalism Studies*. 2024. Vol. 25, iss. 12. P. 1535—1554.
- Hilgartner S., Bosk C. L. The rise and fall of social problems: a public arenas model // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94, № 1. P. 53—78.
- Palmer R., Toff B., Nielsen R. K. Examining assumptions around how news avoidance gets defined: the importance of overall news consumption, intention, and structural inequalities // *Journalism Studies*. 2023. Vol. 24, iss. 6. P. 697—714.
- Toff B., Kalogeropoulos A. All the news that's fit to ignore: how the information environment does and does not shape news avoidance // *Public Opinion Quarterly*. 2020. Vol. 84, № S1. P. 366—390.
- Toff B., Palmer R. A. Explaining the gender gap in news avoidance: «news-is-for-men» perceptions and the burdens of caretaking // *Journalism Studies*. 2019. Vol. 20, № 11. P. 1563—1579.
- Van Ditmars M. M., Ksiazkiewicz A. The gender gap in political interest: heritability, gendered political socialization, and the enriched environment hypothesis // *Politics and the Life Sciences*. 2024. Vol. 43, № 2. P. 152—166.

References

- Banducci, S. A., Gidengil, E., Everitt, J. (2012) Women as political communicators: candidates and campaigns, in: Semetko, H. A., Scammell, M. (eds), *The SAGE Handbook of Political Communication*, chap. 13, London: SAGE Publications Ltd, pp. 164—172, available from https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781446265987_A24015940/preview-9781446265987_A24015940.pdf (accessed 01.06.2025).
- Benesch, C. (2012) An empirical analysis of the gender gap in news consumption, *Journal of Media Economics*, vol. 25, no. 3, pp. 147—167.
- Bogomyagkova, Ye. S., Popova, Ye. Ye. (2021) “Uсталost’ sostradat’” v praktikakh mediapotrebliiia: (Na primere otnosheniia k problematizatsii rasprostraneniia COVID-19) [“Compassion fatigue” in media consumption practices: (The case of attitudes towards the problematization of COVID-19 spread)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 46—56.
- Djerf-Pierre, M., Wängnerud, L. (2016) Gender and sociotropic anxiety: explaining gender differences in anxiety to social risks and threats, *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 28, no. 2, pp. 217—240.
- Fraile, M., Gomez, R. (2017) Bridging the enduring gender gap in political interest in Europe: the relevance of promoting gender equality, *European Journal of Political Research*, vol. 56, no. 3, pp. 601—618.

- Gur-Ze'ev, H., Aharoni, T., Kligler-Vilenchik, N., Tenenboim-Weinblatt, K. (2024) "I hope my partner will keep me up-to-date": how couples navigate news consumption and avoidance, *Journalism Studies*, vol. 25, iss. 12, pp. 1535—1554.
- Hilgartner, S., Bosk, C. L. (1988) The rise and fall of social problems: a public arenas model, *American Journal of Sociology*, vol. 94, no. 1, pp. 53—78.
- Kazun, A. D. (2024a) Izbeganie novostei: poniatie, prichiny i faktory rasprostraneniia [News avoidance: concept, causes and factors], *Kommunikatsii. Media. Dizain*, vol. 9, no. 3, pp. 28—55.
- Kazun, A. D. (2024b) Potreblenie novostei v povsednevnoi rutine dumskrollerov [News consumption in the daily routine of doomscrollers], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 226—244.
- Kazun, A. D. (2025) Izbezhaniye novostei v Rossii: masshtaby i kharakternye cherty [News avoidance in Russia: scope and characteristic features], *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia10, Zhurnalistika*, vol. 50, no. 1, pp. 69—93.
- Kletsin, A. A. (2003) Raspredelenie domashnikh obiazannostei mezhdru suprugami: fakty, problemy, interpretatsii [Distribution of household duties between spouses: facts, problems, interpretations], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 6, no. 2, pp. 120—139.
- Makarentseva, A. O., Biryukova, S. S., Tretyakova, Ye. A. (2017) Predstavleniia muzhchin i zhenshchin o zatratakh vremeni na rabotu po domu [Men's and women's perceptions of time spent on housework], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 97—114.
- Palmer, R., Toff, B., Nielsen, R. K. (2023) Examining assumptions around how news avoidance gets defined: the importance of overall news consumption, intention, and structural inequalities, *Journalism Studies*, vol. 24, iss. 6, pp. 697—714.
- Radaev, V. V., Barsukova, S. Yu. (2000) Legenda o genere. Printsipy raspredeleniia truda mezhdru suprugami v sovremennoi gorodskoi sem'e [The legend of gender. Principles of labor distribution between spouses in a modern urban family], *Mir Rossii*, vol. 9, no. 4, pp. 65—102.
- Toff, B., Kalogeropoulos, A. (2020) All the news that's fit to ignore: how the information environment does and does not shape news avoidance, *Public Opinion Quarterly*, vol. 84, no. S1, pp. 366—390.
- Toff, B., Palmer, R. A. (2019) Explaining the gender gap in news avoidance: "news-is-for-men" perceptions and the burdens of caretaking, *Journalism Studies*, vol. 20, iss. 11, pp. 1563—1579.
- Van Ditmars, M. M., Ksiazkiewicz, A. (2024) The gender gap in political interest: heritability, gendered political socialization, and the enriched environment hypothesis, *Politics and the Life Sciences*, vol. 43, no. 2, pp. 152—166.
- Voronina, N. S. (2023) Gendernyi aspekt tsifrovogo neravenstva v Rossii: rezul'taty empiricheskogo analiza [Gender aspect of digital inequality in Russia: results of empirical analysis], *Mir Rossii*, vol. 32, no. 3, pp. 52—74.
- Zdravomyslova, O. M., Arutyunyan, M. Yu. (1998) *Rossiiskaia sem'ia na evropeiskom fone* [The Russian family on a European background], Moscow: Editorial URSS.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 18.08.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Казун Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований, доцент кафедры экономической социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, adkazun@hse.ru (Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, Associate Professor at the Department of Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation).

Казун Антон Павлович — кандидат социологических наук, директор Института анализа предприятий и рынков, доцент департамента прикладной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, akazun@hse.ru (Cand. Sc. (Sociology), Director of the Institute for Industrial and Market Studies, Associate Professor at the Department of Applied Sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 142—156.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 142—156.

Научная статья

УДК 001.1-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/cnctif>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.10

**ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
(На примере студентов
Ивановского государственного университета)**

*Александра Евгеньевна Звонарева,
Екатерина Владимировна Панкратова*

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, e_v_pankratova@mail.ru

Аннотация. Современная наука нуждается в молодых кадрах, однако образ ученого, особенно женский, полон стереотипов. Это затрудняет выбор молодежью профессионального занятия наукой как будущей сферы трудовой деятельности. Данная статья содержит анализ исследования образа женщины-ученого в отечественной и зарубежной научной литературе. Приводятся результаты авторского социологического исследования, осуществленного с помощью метода полуструктурированного интервью и анализа DAST теста. В качестве эмпирического объекта выступили студенты Ивановского государственного университета. Сделан вывод о том, что образ женщины-ученого в представлении студентов соответствует современным общественным реалиям и носит позитивный характер, однако при этом не лишен некоторых стереотипных черт. Приведены рекомендации по привлечению девушек в сферу профессиональной научной деятельности и намечены перспективы дальнейшего исследования данной тематики.

Ключевые слова: ученый, наука, женщина-ученый, образ, студенчество

Для цитирования: Звонарева А. Е., Панкратова Е. В. Образ женщины-ученого в представлении современного российского студенчества: (на примере студентов Ивановского государственного университета) // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 142—156.

Original article

THE IMAGE OF WOMEN SCIENTISTS IN THE PERCEPTION OF MODERN RUSSIAN STUDENTS (On the example of students of Ivanovo State University)

Alexandra Ye. Zvonareva, Yekaterina V. Pankratova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, e_v_pankratova@mail.ru

Abstract. Modern science needs young personnel, but the image of a scientist, especially women scientists, is full of stereotypes. This makes it difficult for young people to choose science as a future field of labor activity. This article analyzes the study of the image of women scientists in domestic and foreign scientific literature. The article presents the results of the authors' sociological research by the method of semi-formalized interview and DAST test analysis. The students of Ivanovo State University acted as an empirical object. It is concluded that the image of women scientists in the students' perception is positive and corresponds to modern social realities, however, it is not devoid of some stereotypical features. The article presents recommendations for attracting girls to the sphere of professional scientific activity and outlines prospects for further research on this topic.

Key words: scientist, science, female scientist, image, student

For citation: Zvonareva, A. Ye., Pankratova, Ye. V. (2025) *Obraz zhenshchiny-uchënogo v predstavlenii sovremennogo rossiiskogo studenchestva: (Na primere studentov Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta)* [The image of women scientists in the perception of modern Russian students: (On the example of students of Ivanovo State University)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 142—156.

Введение

Актуальность исследования образа женщины-ученого обусловлена не только пониманием характеристик уже сложившегося на настоящий момент в сознании студенчества образа, но и необходимостью его конструирования как показателя успешности, престижности, востребованности профессии. Современная наука нуждается в молодых кадрах, но образ ученого, особенно женский, полон стереотипов, что затрудняет выбор молодежью профессионального занятия наукой как будущей сферы трудовой деятельности. Согласно статистике 2021 г., среди кандидатов наук женщины составляли 43 % (57 % мужчин), а среди докторов наук — всего 28 % (72 % мужчин) [Женщины и мужчины России... , 2022]. Однако необходимо учитывать тенденцию изменения соотношения количества кандидатов и докторов наук в пользу женщин: «...если в 2000 г. мужчин — кандидатов наук было в 2 раза больше, чем женщин, то в 2022 г. — в 1,3 раза. Среди докторов наук тенденция аналогичная: в 2000 г. количество мужчин — докторов наук в 4,3 раза превышало количество женщин — докторов наук, в 2022 г. — в 2,5 раза» (цит. по: [Хасбулатова, Смирнова, 2023: 7]). При этом, как отмечает С. М. Ребрей, «снижается интерес женщин к техническим специальностям: если в 2013 г. они были самыми популярными у аспиранток, то в 2023 г. на первое место вышли экономические науки» [Ребрей, 2025: 47]. Приведенные

данные подтверждают значимость позитивного образа женщины-ученого в представлении современного студенчества.

Наличие негативных стереотипов выступает барьером для выполнения актуальной функции профессиональной социализации молодого поколения. Зарубежные ученые-психологи доказали корреляцию между очищенным от стереотипов образом ученого и позитивным отношением к науке как сфере профессиональной деятельности [Rosenthal, 1993; Bodzin, Gehringer, 2001; Christidou, 2011].

В социально-гуманитарном знании имеются исследования образа ученого. Так, С. М. Медведева изучала образ ученого в советском и современном российском кино [Медведева, 2014, 2015]. Р. Э. Искандерова посвятила свою работу образу ученого в массовой культуре [Искандерова, 2018]. С. А. Иванова выделила уникальность образа ученого в советской художественной литературе [Иванова, 2017]. Е. А. Володарская и Т. В. Разина исследовали образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР [Володарская, Разина, 2017b].

Существует арсенал методов, позволяющий выявлять специфику образа ученого. Один из них — это DAST тест, который был разработан Д. У. Чемберсом в 1983 г. (Draw a Scientist Test — «Нарисуй ученого»). Этот метод заключается в создании спровоцированных рисунков и их последующем анализе. Рисунки анализировались по семи заданным критериям, что и выявило стереотипный образ ученого. К этим критериям относятся: 1) лабораторный халат (чаще всего белого цвета), 2) очки, 3) растительность на лице (борода, усы, чрезвычайно длинные бакенбарды), 4) символы исследования (приборы, лабораторное оборудование), 5) символы знаний (в основном книги и картотеки), 6) технологии как продукт научного знания, 7) релевантные подписи (формулы, таксономические классификации, комментарии в духе «Эврика!») [Chambers, 1983]. Разные варианты этого теста были использованы и отечественными учеными [Володарская, Разина, 2017a].

Е. Е. Звонова в результате своих изысканий приходит к выводу, что стереотипные представления об ученых препятствуют возникновению у школьников интереса к науке. Особым потенциалом для актуализации в сознании школьника науки и важности деятельности ученого обладает образ ученого-подвижника, который необходимо конструировать с учетом особенностей современной целевой аудитории. Сейчас образ ученого формируется под сильным влиянием мифологем, стереотипов американского кинематографа, которые не всегда актуальны в связи с особенностями российского менталитета; нравственный аспект образа ученого находится скорее в тени, а его педагогический потенциал не востребован [Звонова, 2023].

Само понятие образа ученого очень размыто, зависимо от авторской концепции. Блоки структуры и функций образа ученого с помощью структурного функционализма выделили белорусские ученые Е. В. Шухно и А. П. Соловей. Они раскрывают его посредством таких характеристик, как субъектная (ключевое понятие, концепт «ученый», возможные его номинации: исследователь, специалист, научный работник), атрибутивная (включая личностную и профессиональную), процессуальная (деятельность ученого), топографическая (пространство) и оценочная (модальность репрезентации). Функции образа ученого могут быть сведены в две подгруппы: ориентированные непосредственно

на научное сообщество (идентификационная и селективная) и направленные на внешнее социальное окружение (легитимирующая и прогностическая). К основным факторам, конструирующим образ ученого, исследователи отнесли непосредственные (личный опыт индивидов, включая взаимодействие с представителями научного сообщества и опыт собственной исследовательской деятельности, преимущественно локализуемый при получении образования) и опосредованные факторы (средства массовой информации, социальное окружение, продукты искусства и массовой культуры и др.) [Шухно, Соловей, 2022].

Теоретико-методологическое обоснование исследования

Конструктивизм выступает основным теоретическим подходом при изучении образа женщины-ученого в представлениях студенчества. Е. В. Жилина пишет: «Конструктивизм как современный теоретический подход позволяет исследовать, как социальные нормы, ценности и идентичности формируются и изменяются в контексте исторических и культурных условий, что открывает новые возможности для анализа социальных изменений и трансформаций. Конструктивизм как современный теоретический подход в исследовании социальных отношений представляет собой многоаспектную модель, акцентирующую внимание на процессе конструирования социальных реальностей через взаимодействие индивидов и коллективов. Этот подход, опирающийся на идеи таких мыслителей, как П. Бурдьё, рассматривает социальные явления не как фиксированные сущности, а как динамические конструкции, формируемые в контексте исторических, культурных и институциональных условий. В рамках конструктивизма основное внимание уделяется тому, как индивиды и группы создают, поддерживают и изменяют значения и нормы через повседневные практики и дискурсивные взаимодействия» [Жилина, 2025: 75].

Авторское социологическое исследование было проведено методом полуструктуризованного интервью. В качестве исследовательского объекта выступила студенческая молодежь 1—4-го курсов разных направлений подготовки Ивановского государственного университета. Общий объем интервью составил 170 единиц. Кроме того, был проведен DAST тест, в рамках которого проанализировано 150 рисунков, сделанных студентами на тему «Женщина-ученый». Структура исследовательского инструментария и анализ эмпирических данных опирались на выявленные мифы о женщинах-ученых, представленные в исследовании А. В. Костиной [Костина, 2017]; структуру образа ученого, предложенную Е. В. Шухно и А. П. Соловей [Шухно, Соловей, 2022], логику анализа результатов DAST теста Д. У. Чемберса [Chambers, 1983] и его интерпретацию Е. А. Володарской и Т. В. Разиной [Володарская, Разина, 2017a].

Основная исследовательская гипотеза состояла в том, что образ женщины в науке будет содержать стереотипные представления и не будет привлекательным для студентов, как девушек, так и юношей.

В соответствии с гипотезой была выдвинута цель исследования: выявить составляющие образа женщины-ученого в представлении студентов ИвГУ и оценить его привлекательность/непривлекательность для них.

Ассоциации студентов отличались в зависимости от социально-демографических характеристик. Так, у молодых людей очки чаще ассоциируются с женщинами в науке (75,0 %), в то время как у девушек — в 2,5 раза реже (29,4 %). Это может быть связано с тем, что очки у мужчин это «стереотип ума» и символ интеллекта. «Красота» девушками-студентками называется почти в 2 раза чаще (47,1 %), таким образом они стремятся отстоять право женщины-ученого на красоту, привлекательность и женственность. Юноши ассоциативно связывают женщин в науке с экспериментальной работой, называя «халат» как униформу, «колбы» как требуемые инструменты, что согласуется со стереотипом о науке в целом как естественной науке. Информанты-девушки чаще ассоциируют научную деятельность с теоретической и документальной работой, включающей изучение литературы, написание статей, на что указывают «книжки» (30,0 %) и «бумаги» (20,0 %). Это свидетельствует о более широком понимании науки девушками, включающем не только эксперименты, но и аналитическую составляющую. Ассоциации с женщиной-ученым, названные исключительно студентками, — аккуратность (12,3 %), независимость (8,5 %), мудрость (7,5 %), уверенность (7,5 %), внимательность (6,6 %) — звучат как желание отстоять свое право быть ученым не хуже, чем мужчина.

Студентам был задан вопрос о наличии в их окружении женщин-ученых. 25,3 % студентов положительно ответили на это вопрос, остальные — отрицательно. Естественно, на ответ повлияла университетская среда. Отмечается склонность к положительному описанию внешнего вида женщин-ученых в ближнем окружении: приятный внешний вид (19,2 %), красота (15,4 %), ухоженность (11,5 %), хорошо одеты (7,7 %), строгий внешний вид (7,7 %). Женщины-ученые из окружения студентов занимаются преподаванием (45,8 %), исследованиями в области химии (16,7 %), участвуют в конференциях, изучают социологию (по 8,3 %). Семейный статус женщин-ученых из окружения студентов можно описать так — замужняя женщина (82,1 %) с детьми (60,7 %). Это говорит о том, что студенты понимают, что занятие наукой не противоречит самореализации в сфере семьи.

Вызывает особый интерес, что участники интервью среди личностных качеств женщин-ученых из своего окружения называют исключительно «мягкие» навыки и качества: доброту (17,4 %), интерес (13,0 %), вдумчивость, строгость, скромность, талант, вежливость (по 8,7 %), что указывает на дефицит качеств, связанных с профессиональной компетентностью, лидерством, инновационностью, технологичностью, стратегическим мышлением, наиболее востребованных в занятии современной наукой. Информанты-мужчины среди личностных качеств назвали лишь три — вдумчивость, талант и прагматичность (по 50 %). Женщины же, напротив, собрали все возможные «мягкие» черты.

В рамках интервью мы попросили студентов назвать известных отечественных и зарубежных женщин-ученых. Упомянуть имена отечественных женщин-ученых смогли только 75 студентов (табл. 1), зарубежных — 72 (табл. 2).

Таблица 1

Российские женщины-ученые, по мнению студентов, % (n = 75)

Российские женщины-ученые	%
Софья Васильевна Ковалевская	41,3
Зинаида Виссарионовна Ермольева	16,0
Агнесса Соломоновна Звоницкая	10,7
Александра Михайловна Коллонтай	8,0
Юлия Всеволодовна Лермонтова	6,7
Валентина Владимировна Терешкова	6,7
Татьяна Павловна Белова	6,7
Татьяна Владимировна Черниговская	5,3
Екатерина Михайловна Шульман*	5,3
Надежда Прокофьевна Суслова	5,3

Знание отечественных женщин-ученых определяется направлением подготовки опрошенных студентов. Наиболее компетентными здесь оказались социологи, именно они назвали большинство имен женщин-ученых из разных областей науки. Наиболее скудные знания показали студенты направлений «Физика», «Химия», «Информатика», «Социальная работа». Широкий, но традиционный спектр имен называют девушки, оставляя лидерство за С. В. Ковалевской (45,9 %) как «канонической» фигурой, сохраняя память о З. В. Ермольевой (14,8 %) и А. С. Звоницкой (13,1 %). «Мужское знание» отечественных женщин-ученых крайне ограничено: С. В. Ковалевская (16,7 %), З. В. Ермольева (16,7 %), Ю. В. Лермонтова (8,3 %). Аналогичные данные были получены в результате исследования, проведенного в 2024 г. среди белорусских студентов. Юноши менее осведомлены о деятельности женщин-ученых, чем девушки [Семенова и др., 2024].

Таблица 2

Зарубежные женщины-ученые, по мнению студентов, % (n = 75)

Зарубежные женщины-ученые	%
Мария Склодовская-Кюри	68,1
Ада Лавлейс	12,5
Симона де Бовуар	5,6
Грейс Хоппер	5,6

Мария Склодовская-Кюри наиболее известна среди студентов-химиков (92,9 %), биологов (85,7 %), социологов (69,2 %), физиков и математиков (по 50,0 %). Это логично, учитывая ее достижения в физике и химии. Имя Ады Лавлейс называлось студентами-программистами (50,0 %), физиками (36,0 %) и математиками (100 %), реже социологами (11,5 %) и биологами (14,3 %). Симона де Бовуар в основном известна студентам-социологам (11,5 %) и рекламщикам (8,3 %). Мария Склодовская-Кюри наиболее известна среди всех ученых как студенткам (66,1 %), так и студентам (72,7 %). Она единственная женщина-ученый из списка, о которой знают студенты мужского пола. Отмечается заметный разрыв в знаниях о женщинах-ученых: студентки демонстрируют более широкие знания о достижениях женщин в науке.

* Внесена в РФ в реестр иноагентов.

Женщина-ученый, по мнению студентов, должна обладать следующими качествами: ответственность (27,0 %), целеустремленность (20,9 %), трудолюбие и внимательность (по 17,6 %), ум (16,2 %), упорство (15,9 %), критическое мышление (14,2 %). Менее 10 % выборов набрали такие качества, как любознательность, стрессоустойчивость, усидчивость, терпение, коммуникабельность и др. Студенты-первокурсники среди черт, необходимых женщинам-ученым, называют ответственность (51,6 %), внимательность (25,8 %) и коммуникабельность (22,6 %). Для них менее важны стрессоустойчивость (0 %) и любознательность (3,2 %). Студенты 2-го курса обладают иными представлениями: они отдают предпочтение целеустремленности (31,9 %), при этом высоко ценят внимательность (19,1 %) и трудолюбие, ум, критическое мышление (по 17,0 %). Студенты 3-го курса отдают предпочтение ответственности и трудолюбию (по 20,6 %), уму (17,6 %), а также упорству и критическому мышлению (по 16,2 %). Женщины чаще отмечают ответственность и целеустремленность (30,4 и 25,2 %), чем мужчины (16,1 и 3,2 %). Это может указывать на то, что женщины ценят в себе и других эти черты, так как они связаны с организованностью и достижением целей. Мужчины чаще приписывают женщине-ученому такие качества, как трудолюбие (32,3 % мужчин и 13,9 % женщин) и терпение (16,1 % мужчин и 7,0 % женщин). Это может быть подтверждением устоявшегося мнения о том, что женщины должны доказывать свою компетентность в науке. Критическое мышление и настойчивость как важные качества чаще выделяют женщины (17,4 % женщин и 9,6 % мужчин), тогда как мужчины не упоминают настойчивость (0 %) и крайне редко упоминают критическое мышление (3,2 %). Это может говорить о том, что женщины видят в себе способность к анализу и упорству, в то время как мужчины не считают эти черты ключевыми.

На вопрос о том, может ли женщина-ученый состояться как жена и мать, большинство студентов ответили «да» (84,0 %), но есть и те, кто не согласен с этим утверждением (13,3 %). Девушки более склонны утверждать (88,8 %), что женщины-ученые могут успешно состояться как жены и матери, в то время как юноши утверждают это реже (64,5 %) и более склонны отрицать (25,8 %). Это определяется типичными социальными стереотипами о невозможности успешного сочетания женщиной семейных и профессиональных ролей. Студенты-физики, химики и представители направления «Социальная работа» в большей мере, чем все остальные, уверены в невозможности успешного сочетания женщиной-ученым семейной и профессиональной траекторий.

Главным барьером, препятствующим исполнению роли жены и матери для женщин-ученых, студенты назвали «необходимость отдавать науке много времени и сил» (29,8 %). Мужчины чаще видят проблему выбора исключительно одной траектории — либо семьи, либо работы (16,7 % мужчин и 5,3 % женщин). Это указывает на более традиционное восприятие мужчинами необходимости для женщин обязательно жертвовать либо карьерой, либо семьей без шанса на эффективное их сочетание. Женщины чаще называли не барьеры, а возможности их преодоления, упоминая необходимость грамотно распределять ресурсы (12,0 % женщин и 0 % мужчин), разделение работы и семьи (8,0 % женщин и 0 % мужчин). Это демонстрирует практический подход женщин к преодолению трудностей сочетания построения карьеры женщины-ученого с ролями жены и матери.

Приведем некоторые интересные суждения студентов о возможных препятствиях на пути сочетания семейной и профессиональной ролей женщиной-ученым:

Если посвящает себя полностью работе, ни о какой семье речи быть не может (студентка 3-го курса направления подготовки «Журналистика»);

Мала вероятность найти подходящего мужчину, с наукой сложно уделять время детям и мужу, женщина — это уют, быт (студентка 3-го курса направления подготовки «Биология»);

Если ты ученый — должен быть полностью погружен в работу (студент 1-го курса направления подготовки «Социальная работа»).

Девушкам был предложен вопрос, хотели ли бы они сами заниматься наукой. 16,9 % студенток ответили, что имеют желание заниматься наукой. В силу того что это специфическая сфера деятельности, мы считаем процент высоким, что требует внимания и создания системы мотивации для пролонгирования подобного интереса. Студентки 1—2-х курсов более негативно относятся к карьере ученого, очевидно, сказываются недостаток информации о научной деятельности, стереотипы о сложности научной карьеры, отсутствие мотивационных примеров. К старшим курсам у студенток отмечается рост интереса, что связано с более глубоким погружением в специальность, первыми исследовательскими проектами, влиянием преподавателей-ученых. Такие выводы соответствуют результатам исследований Л. Э. Семеновой, В. Э. Семеновой, Н. В. Карпушкиной, Н. Н. Шешуковой [Семенова и др., 2024]. Желание построить карьеру ученого сильнее всего у девушек направления подготовки «Биология» и «Химия», т. е. тех, кто активнее всех остальных заявлял о невозможности успешно сочетать науку и семью.

60 % студентов-юношей были бы не против жены, занимающейся наукой. Остальные мотивировали свой ответ разными причинами, например:

Если женщина слишком умная — с ней каши не сварить (студент 3-го курса направления подготовки «Биология»);

Ни за что в жизни! Я хочу найти супругу-модель, по-моему, женщины-ученые — некрасивые, поскольку не следят за собой (студент 1-го курса направления подготовки «Социология»).

Можно отметить устойчивый рост готовности связать свою жизнь с женщиной-ученым студентов от 1-го к старшему курсу (от 46,2 % для первокурсников до 77,8 % для старшекурсников). На младших курсах сказывается большее влияние школьных стереотипов, отсутствие личного опыта общения с женщинами-учеными, отсутствие цели построить свою семью в принципе. Студенты 2-го курса уже более адаптированы к вузовской среде, знакомы с преподавателями-женщинами, что способствует разрушению первоначальных предубеждений. Студенты старших курсов (3-го и 4-го) максимально готовы вступить в брак с девушкой, занимающейся наукой, в силу того, что их выбор партнера уже более осознан, они принимают профессиональное равноправие и имеют личный опыт взаимодействия с женщинами-учеными.

Большинство студентов считают, что у женщин действительно отличный от мужского подход в науке (64,6 %). Причем так считают больше женщин, а не мужчин. Предложенные студентами различия в женском подходе к решению

научных задач были разделены на три группы: характеристики личности (эмпатия, эмоциональность, интуиция, аккуратность, внимательность и др.), отличия в деятельности (внимательность к деталям, рассмотрение предмета с разных сторон, многозадачность, креативность и др.) и особенности мышления (другое мышление, основа мышления на внутренних ощущениях, женская логика, более широкое, нестандартное мышление).

Студентам также задали вопрос «Можно ли делить науки на “мужские” и “женские”?». Более 90 % процентов студентов ответили отрицательно, лишь 8,8 % согласны с существованием «женских» и «мужских» наук:

Социальные науки (социология, правоведение, демография, филология, культурология и т. д.) — это женские науки (студентка 2-го курса направления подготовки «Социология»);

Женские науки — гинекология, репродуктивное здоровье, проблемы беременности (студентка 1-го курса направления подготовки «Социология»);

Женские науки — только гуманитарные науки (студент 3-го курса направления подготовки «Биология»).

К старшим курсам мнение о наличии «женских» и «мужских» наук ослабевает. Студенты-биологи чаще высказываются в пользу такого разделения.

Таким образом, при том что студенты отрицают необходимость и возможность деления наук на «мужские» и «женские», они признают наличие женского подхода в науке и его особые характеристики.

Обратимся к анализу результатов DAST теста. При изучении изображений на 150 рисунках студентов, сделанных на тему «Женщина-ученый», был составлен совокупный образ, имеющий следующие атрибуты:

— внешние характеристики женщин-ученых часто включают очки (63 рисунка), белый лабораторный халат (47), короткие (44) или собранные в пучок волосы (33);

— символы знаний присутствуют в рисунках часто в виде книг и книжных полок (45), бумажного планшета (13);

— символика исследовательской деятельности представлена в рисунках в виде колб и пробирок (62), рисунков химических соединений (12), записей в блокнотах и тетрадях (10), зарисовок молекул (9);

— реже женщина-ученый изображена рядом с технологическими цифровыми устройствами, например компьютерами (9), с микроскопами (9).

Выявленные характеристики образа женщины-ученого, данные студентами, соответствуют материалам Т. В. Разиной и Е. В. Володарской, которые, исследуя образ ученого в сознании современных подростков, пришли к выводу о его стереотипности и фрагментарности. По их мнению, школьники демонстрируют невысокую осведомленность о деятельности ученого и низкую адекватность используемых параметров описания реальным характеристикам деятельности современного научного сотрудника [Разина, Володарская, 2019]. Однако такая стереотипность может диктоваться и самой техникой рисования, которая при изображении ученого (женщины-ученого) задает наиболее яркие, запоминающиеся художественные образы. Поэтому, на взгляд авторов, целесообразно DAST тест использовать в качестве дополнительного метода, который может помочь оценить привлекательность/непривлекательность изучаемого образа.

Выводы и рекомендации

Таким образом, нельзя сказать, что восприятие студенчеством женщины-ученого совершенно свободно от стереотипов. По большей части оно соответствует современным общественным реалиям и носит позитивный характер. Это дает возможность сделать вывод о том, что гипотеза исследования в основном не подтвердилась. Естественно, на возникновение такого образа влияет университетская среда получения образования, которая отсутствует при обучении школьников или студентов учреждений среднего профессионального образования. Успешные женщины-ученые, преподающие в вузе, — счастливые матери и жены, физически привлекательные и самореализованные — выступают примером, который оказывает позитивное влияние на выбор профессии ученого молодыми женщинами.

Результаты исследования убеждают в том, что нужна пропаганда позитивного образа женщины-ученого через ряд каналов. Так как наиболее стереотипный образ ученого, и женщины-ученого в частности, присутствует в сознании именно школьников, то эффективным транслятором необходимого образа будут школьные учебники. Особый акцент должен присутствовать не на исторических образах женщин-ученых подвижниц, а на образах современных исследовательниц («живых» примерах), занимающихся актуальными научными проблемами и вносящих важный вклад в развитие науки.

В рамках школьных предметов по профессиональной ориентации, разговоров о важном требуется внедрение темы «Наука женского рода», чтобы дети знакомились с примерами научной деятельности женщин-ученых.

Обучение в университетах и вузах должно дать возможность девушкам попробовать себя в роли ученого-исследователя. Необходима активная организация научных школ при кафедрах, для работы в которых будут привлекаться студентки. Возможно создание научными школами просветительских программ по различным направлениям знания и трансляция этих программ школьникам при активном участии девушек-исследовательниц. Данные практики позволят выстроить привлекательный образ научного работника в сознании учащихся школ и дадут девушкам-студенткам возможность попробовать свои силы в научно-просветительской работе.

При проведении вузами мероприятий, направленных на привлечение абитуриентов, представляется необходимым акцентировать внимание девушек на возможности построения научной карьеры по выбранной специальности обучения.

Важным видится обмен опытом привлечения девушек в науку между различными учреждениями высшего образования. В данном контексте хорошие результаты могут дать мероприятия, организованные в формате межвузовских конференций, где представители профессорско-преподавательского состава и девушки-исследовательницы будут иметь возможность обмена опытом научной и просветительской работы. По словам Ю. В. Жилкиной, «для того чтобы наука сегодня развивалась, необходимо привлекать и удерживать наиболее образованные, мотивированные и вовлеченные таланты. Для этого академическим учреждениям, отраслевым органам государственной власти и компаниям необходимо создавать благоприятные условия для творческого и профессионального развития женщин» [Жилкина, 2023].

Учреждениям высшего образования следует учитывать рекомендации Международной ассоциации университетов при проведении мероприятий по привлечению девушек в науку [Шведова, 2019].

Формирование групп в сети «ВКонтакте», в которых будут присутствовать исследования молодых и состоявшихся женщин-ученых, а также нарративные интервью с ними, их истории о пути в науку, будет способствовать созданию положительного образа женщины в науке. Такие группы могут давать ссылки на телеграм-каналы женщин-ученых в различных областях знания.

Кинематограф как важнейший институт социализации, к сожалению, практически не представлен художественными фильмами об ученых, в частности о женщинах-ученых. Между тем кино выступает активным транслятором ценностей и референтных групп молодежи в силу живой подачи и простоты освоения информации.

Необходимо создание мультипликационных и художественных детских фильмов, где показана профессия женщины-ученого, для формирования одного из вариантов профессиональной траектории в сознании девочек и девушек. В этом процессе можно опереться на опыт советского кинематографа послевоенного времени. Кинокартины, снятые в этот период, конструируют достаточно привлекательный образ женщины-ученого [Пушкарева, 2020].

Создание визуальных положительных образов женщин-ученых также является важной рекомендацией. Положительные образы могут быть представлены, во-первых, в виде иллюстраций в детских книжках, мультфильмах, школьных учебниках, раздаточных материалах вузов; во-вторых, через детские антропоморфные игрушки, настольные и компьютерные игры.

В Российской Федерации следует актуализировать профессиональный праздник Международный день женщин и девочек в науке (11 февраля) в учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Комплекс мероприятий, направленных на знакомство студентов с вкладом женщин-ученых, позволит проявить в их сознании возможные будущие профессиональные траектории, а образ женщины-ученого очистить от устаревших негативных стереотипов.

В заключение нужно отметить необходимость дальнейшего изучения тематики привлечения женщин и девушек в сферу научной профессиональной реализации. Перспективным представляется не только изучение мнений студентов об образе женщины-ученого, но и анализ профессиональных траекторий женщин, которые реализовали себя в данной сфере.

Список источников

- Володарская Е. А., Разина Т. В. Представления об ученом как психологическая детерминанта выбора научной карьеры // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2017а. Вып. 12, ч. 3. С. 886—889.
- Володарская Е. А., Разина Т. В. Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017б. Т. 8, № 1. С. 125—137.
- Женщины и мужчины России, 2022: статистический сборник. М.: Росстат, 2022. 208 с.
- Жилина Е. В. Теоретические подходы к исследованиям социальных отношений: основные концепции, практическое применение // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 69—77.

- Жилкина Ю. В. Женщины в науке // Human Progress. 2023. Т. 9, вып. 1. 12 с. URL: http://progress-human.com/images/2023/Tom9_1/Zhilkina.pdf (дата обращения: 01.08.2025).
- Звонова Е. Е. Образ ученого в культуре как фактор формирования представлений о научных работниках // Исследователь. 2023. № 4. С. 19—29.
- Иванова С. А. Образ ученого в советской художественной литературе 1920-х годов // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Екатеринбург: Изд-во Учеб.-метод. центра Урал. политехн. ин-та, 2017. С. 235—244.
- Искандерова Р. Э. Образ ученого, формируемый продуктами массовой культуры // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 1. С. 71—73.
- Костина А. В. Женщина в науке и философии: доминирующие мифы и действительность // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 66—78.
- Медведева С. М. Российская наука и государство: образ ученого в современном российском кино // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 184—192.
- Медведева С. М. Моральный выбор ученого в изображении советского кино // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3. С. 282—284.
- Пушкарева Н. Л. Социальная память о быте и повседневности женщины-ученой в «дооттепельном» советском кинематографе (1945—1955 гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6, № 2. С. 143—148.
- Разина Т. В., Володарская Е. А. Образ ученого в представлениях современных подростков // Вестник Сыктывкарского университета. Сер.: Биология, геология, химия, экология. 2019. № 3. С. 46—62.
- Ребрей С. М. Роль женщин в российской науке: традиционные и новые измерения // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 34—48.
- Семенова Л. Э., Семенова В. Э., Карпушкина Н. В., Шеишуква Н. Н. Гендерные аспекты научной деятельности и специфика восприятия науки и ученых современными девушками и юношами — студентами и старшеклассниками // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-nauchnoy-deyatelnosti-i-spetsifika-vozpriyatiya-nauki-i-uchenyh-sovremennymi-devushkami-i-yunoshami-studentami-i/viewer> (дата обращения: 01.08.2025).
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный статус женщин в российском обществе (1992—2022) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 3—19.
- Шведова Н. А. Высшая школа и наука: проблемы гендерного равенства // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 40—54.
- Шухно Е. В., Соловей А. П. Образ ученого: реконструкция исследований и концептуализация понятий // Социологический альманах. 2022. № 13. С. 105—118.
- Bodzin A., Gehringer M. Can meeting actual scientists change students' perceptions of scientists? // Science and Children. 2001. Vol. 39, № 1. P. 36—41.
- Chambers D. W. Stereotypic images of the scientist: the draw-a-scientist test // Science Education. 1983. Vol. 67, № 2. P. 255—265.
- Christidou V. Interest, attitudes and images related to science: combining students' voices with the voices of school science, teachers, and popular science // International Journal of Environmental and Science Education. 2011. № 6. P. 141—159.
- Rosenthal D. B. Images of scientists: a comparison of biology and liberal studies majors // School Science and Mathematics. 1993. Vol. 93, № 4. P. 212—216.

References

- Bodzin, A., Gehringer, M. (2001) Can meeting actual scientists change students' perceptions of scientists?, *Science and Children*, vol. 39, no. 1, pp. 36—41.
- Chambers, D. W. (1983) Stereotypic images of the scientist: the draw-a-scientist test, *Science Education*, vol. 67, no. 2, pp. 255—265.
- Christidou, V. (2011) Interest, attitudes and images related to science: Combining students' voices with the voices of school science, teachers, and popular science, *International Journal of Environmental and Science Education*, no. 6, pp. 141—159.
- Iskanderova, R. È. (2018) Образ ученого, формируемый продуктами массовой культуры [The image of a scientist formed by the products of popular culture], *Sotsial'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriia i praktika*, no. 1, pp. 71—73.
- Ivanova, S. A. (2017) Образ ученого в советской художественной литературе 1920-х годов [The image of a scientist in Soviet fiction of the 1920s], in: *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka*, Yekaterinburg: Izdatel'stvo Uchebno-metodicheskogo tsentra Ural'skogo politekhnicheskogo instituta, pp. 235—244.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Sotsial'nyi status zhenshchin v rossiiskom obshchestve (1992—2022) [Social status of women in Russian society (1992—2022)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—19.
- Kostina, A. V. (2017) Zhenshchina v nauke i filosofii: dominiruiushchie mify i deistvitel'nost' [Women in science and philosophy: dominant myths and reality], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 66—78.
- Medvedeva, S. M. (2014) Rossiiskaia nauka i gosudarstvo: obraz uchénogo v sovremennom rossiiskom kino [Russian science and the state: the image of the scientist in contemporary Russian cinema], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnoshenii — Universiteta*, no. 2, pp. 184—192.
- Medvedeva, S. M. (2015) Moral'nyi vybor uchénogo v izobrazhenii sovetskogo kino [The moral choice of a scientist as depicted in Soviet cinema], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnoshenii — Universiteta*, no. 3, pp. 282—284.
- Pushkareva, N. L. (2020) Sotsial'naia pamiat' o byte i povsednevnosti zhenshchiny-uchénoi v "doottepel'nom" sovetskom kinematografe (1945—1955 gg.) [Social memory of the everyday life and routine of a female scientist in pre-Thaw Soviet cinema (1945—1955)], *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoricheskie nauki, Iuridicheskie nauki, vol. 6, no. 2, pp. 143—148.
- Razina, T. V., Volodarskaya, Ye. A. (2019) Образ ученого в представлениях современных подростков [The image of a scientist in the minds of modern teenagers], *Vestnik Syktyvorskogo universiteta*, seriia Biologiia, geologiia, khimiia, ékologiia, no. 3, pp. 46—62.
- Rebrey, S. M. (2025) Rol' zhenshchin v rossiiskoi nauke: traditsionnye i novye izmereniia [The role of women in Russian science: traditional and new dimensions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 34—48.
- Rosenthal, D. B. (1993) Images of scientists: A comparison of biology and liberal studies majors, *School Science and Mathematics*, vol. 93, no. 4, pp. 212—216.
- Semenova, L. È., Semenova, V. È., Karpushkina, N. V., Sheshukova, N. N. (2024) Gendernye aspekty nauchnoi deiatel'nosti i spetsifika vospriiatiia nauki i uchënykh sovremennymi devushkami i iunoshami — studentami i starsheklassnikami [Gender aspects of scientific activity and the specifics of perception of science and scientists by modern female students, male students and high school students], *Vestnik Mininskogo universiteta*, vol. 12, no. 3, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye->

- aspekty-nauchnoy-deyatelnosti-i-spetsifika-vospriyatiya-nauki-i-uchenyh-sovremennymi-devushkami-i-yunoshami-studentami-i/viewer (accessed 01.08.2025).
- Shukhno, Ye. V., Solovey, A. P. (2022) *Obraz uchëno: rekonstruktsiia issledovaniï i kontseptualizatsiia poniatiï* [The image of the scientist: reconstructing research and conceptualizing concepts], *Sotsiologicheskii al'manakh*, no. 13, pp. 105—118.
- Shvedova, N. A. (2019) *Vysshaia shkola i nauka: problemy gendernogo ravenstva* [Higher education and science: problems of gender equality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 40—54.
- Volodarskaya, Ye. A., Razina, T. V. (2017a) *Predstavleniia ob uchënom kak psikhologicheskaiia determinanta vybora nauchnoi kar'ery* [Concepts of a scientist as a psychological determinant of the choice of a scientific career], *Rossia: tendentsii i perspektivy razvitiia: Ezhegodnik*, vol. 12, pt. 3, Moscow, pp. 886—889.
- Volodarskaya, Ye. A., Razina, T. V. (2017b) *Obraz zhenshchiny-uchëno v izobrazitel'nom iskusstve SSSR kak otrazhenie gendernogo neravenstva v nauke* [The image of a female scientist in the fine arts of the USSR as a reflection of gender inequality in science], *Sotsiologiia nauki i tekhnologii*, vol. 8, no. 1, pp. 125—137.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2022* (2022) [Women and men of Russia, 2022], Moscow: Rosstat.
- Zhilina, Ye. V. (2025) *Teoreticheskie podkhody k issledovaniiam sotsial'nykh otnosheniï: osnovnye kontseptsii, prakticheskoe primenenie* [Theoretical approaches to the study of social relations: basic concepts, practical application], *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnye nauki*, iss. 1, pp. 69—77.
- Zhilkina, Yu. V. (2023) *Zhenshchiny v nauke* [Women in science], *Human Progress*, vol. 9, iss. 1, available from http://progress-human.com/images/2023/Tom9_1/Zhilkina.pdf (accessed 01.08.2025).
- Zvonova, Ye. Ye. (2023) *Obraz uchëno v kul'ture kak faktor formirovaniia predstavleniï o nauchnykh rabotnikakh* [The image of a scientist in culture as a factor in the formation of ideas about scientific workers], *Issledovatel'*, no. 4, pp. 19—29.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 15.09.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 15.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Звонарева Александра Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, alexandra_zvonareva@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Панкратова Екатерина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, e_v_pankratova@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 157—167.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 157—167.

Научная статья

УДК 791.43-2-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/mwzaij>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.11

ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ В СОВЕТСКОМ «ОТТЕПЕЛЬНОМ» КИНО 1950—1960-х гг.

Наталья Львовна Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности отображения женского участия в научной жизни страны в период политической «оттепели», образы российских женщин-ученых в кинолентах 1950—1960-х гг. Цель автора заключается в выявлении динамики в смене женских образов, связанных с работой в науке и созданных в довоенные десятилетия и первые годы после Великой Отечественной войны, образами, рожденными временем социальных надежд и оптимизма в отношении перспектив российской науки. Подтвердилась рабочая гипотеза о том, что, несмотря на смену идеологических ориентиров и новую ситуацию в стране, с энтузиазмом реализовывавшей огромный государственный научный проект, женский вклад в науку остался недооцененным (как в реальности, так и в созданных в те годы кинолентах). Женская социальная роль (служанка по призванию) нашла свое отражение практически во всех кинокартинах, так или иначе затрагивавших жизнь науки и жизнь в науке.

Ключевые слова: женщины-ученые, советский гендерный проект, история советского кино, Россия в 1950—1960-х гг., политическая «оттепель»

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII—XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия», <https://rscf.ru/project/24-18-00212/>.

Для цитирования: Пушкарева Н. Л. Женщины-ученые в советском «оттепелном» кино 1950—1960-х гг. // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 157—167.

Original article

WOMEN SCIENTISTS IN SOVIET CINEMA DURING THE “THAW” PERIOD IN THE 1950—1960s

Natalya L. Pushkareva

N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

Abstract. The article examines the characteristics of the portrayal of women’s participation in the country’s scientific life during the political “Thaw” and the images of Russian women scientists in films of the 1950—1960s. The author’s goal is to reveal the dynamics in the changing images of women associated with work in science in the pre-war decades and the early years after the Great Patriotic War, as well as images of social hopes and optimism regarding the prospects of Russian science. The author confirms the hypothesis that despite the change in ideological orientation and the new political course in the country, as well as the active implementation of a huge state scientific project, women’s contribution to science remained underestimated (both in reality and in the films made during those years). The social role of women (domestic servants by vocation) was reflected in almost all films that depicted life in science and the life of science in one way or another.

Key words: women scientists, Soviet gender project, history of Soviet cinema, Russia in the 1950—1960s, political “Thaw”

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-18-00212 “Women’s family memory in Russia of the 18th—21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission”, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00212/>.

For citation: Pushkareva, N. L. (2025) Zhenshchiny-uchënye v sovetskom «ottepel’nom» kino 1950—1960-kh gg. [Women scientists in Soviet cinema during the “Thaw” period in the 1950—1960s], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 157—167.

Введение

Социальная память о том, как жилось ученым в СССР, какими были домашний быт и внерабочая повседневность научных сотрудников во времена, когда наука развивалась стремительно, научные кадры готовились с энтузиазмом, а сами ученые были буквально ослеплены неким общим проектом, нацеленным на создание общества будущего, досадно мало представлена в историографии. Еще меньше мы знаем о том, каков был быт не просто ученого, а именно советской женщины-ученого в те славные годы. Достаточно сформулировать эту тему, как сразу же те, кто жил в то время и помнит эпоху, вспомнят некоторые кинофильмы той поры.

Материалы художественных фильмов по сложившейся традиции чаще используют как комплементарные (дополнительные) исторические источники: специальный анализ ментальных перемен на основе изучения кинообразов практически не встречается в исторической литературе. Между тем киноленты позволяют увидеть в кинематографе особый тип исторического дискурса, иногда

и не совпадающий с дискурсом письменной истории, поскольку он являет собой особый тип коллективного бессознательного советской и постсоветской эпохи.

Ставя исследовательской задачей изучение форм и способов презентации «ученой женщины Страны Советов» в художественном кино, можно получить необходимый эмпирический материал о реальном и ожидаемом в отношении работницы сферы науки, а уже через него размышлять о мотивации, жизненных стратегиях прототипов киногероинь — о нескольких поколениях женщин-ученых, живших полвека тому назад и живущих поныне.

Женщины в советской науке в 1950—1960-х гг.

Сотрудницы научно-исследовательских институтов и преподавательницы вузов (небольшая обособленная часть образованной городской элиты) в последнее время иногда становятся предметом внимания социологов и историков. Правда, образ «странного профессора» в мировой художественной литературе и культуре — это образ именно мужской, ведь научная профессия была сферой мужского преобладания в течение нескольких столетий.

В России XX век был временем многоэтапной феминизации науки.

Особенно заметное влияние на общество имела вторая, послевоенная волна этого процесса, совпавшая с массой политических, экономических и эстетических перемен. Послевоенная разруха, стремление совершить в нищей, разоренной стране, которой был СССР после войны, быстрый и решительный научный рывок сделали науку приоритетной темой документального кино [Теплинский, 2006; Сальникова, 2010]. Не отставало и кино художественное: желание создать визуальными и риторическими средствами канон советского ученого и его женского воплощения чувствовалось во множестве кинолент. Это был способ не столько отображать, сколько конструировать действительность [Marsh, 1986], воспроизводя, конечно, идеологические установки, ориентированные на прославление особенностей советского экономического и социального устройства, в том числе и для женщин [Сыров, 2006: 41].

О том, как в первое послевоенное десятилетие образы работниц сферы науки буквально ворвались в советскую киноиндустрию, писать уже приходилось [Пушкарева, 2020].

Второе послевоенное десятилетие и собственно политическая «оттепель» создали особенно благоприятные условия для проведения научных исследований; лояльным ученым, работавшим над решением крупных народно-хозяйственных задач, предоставлялись материальные привилегии [Пушкарева, 2025]. Это продвигало науку, а самих исследователей влекло в НИИ, поскольку формировавшаяся там особая интеллектуальная среда обеспечивала ироничный субстрат в оценках происходящего, своеобразный эскапизм от действительности [Байрау, 1994].

Тем интереснее задуматься о том, насколько «женская тема» была представлена в «оттепельном» советском кинематографе, ведь в реальной истории отечественной науки это было время самой массовой феминизации научно-исследовательской работы, создания огромного числа рабочих мест в сфере науки: и в столицах, и в крупных городах союзных республик, и за Уралом, где возник новый научный центр — сибирский Академгородок [Терleckая и др., 2007].

Престижная и хорошо оплачиваемая сфера труда манила и принимала женщин. Для многих дополнительным стимулом служил относительно свободный режим работы. С позиций нынешнего времени можно, однако, говорить скорее о росте числа женщин, пришедших в систему «научного обслуживания». Их доля среди исследователей с должностями и званиями увеличивалась очень медленно.

Женщины в кинолентах о жизни науки 1950—1960-х гг.

Приход женщин в разные отрасли научной деятельности в послевоенные годы был неравномерен. Довольно быстро стали «женскими» гуманитарные науки (в которых нужны были женщины для работы архивистами, младшими научно-техническими сотрудниками). И лишь затем стала возрастать численность женщин в технических науках и таких отраслях знания, как фармакология, биология, химия, медицина [Гантман, 1976], где резко увеличилось количество тех, кто только что «сдал термодинамику», как весело сообщает студентка Таня в фильме *«Здравствуй, это я!»* (реж. Ф. Довлатян, 1965, первая роль М. Тереховой).

Но и там тоже, при быстром росте числа женщин на самых низших научных должностях, количество женщин-ученых, защитивших кандидатские, а тем более докторские диссертации, росло не слишком интенсивно, а получивших звания членов-корреспондентов и академиков Академии наук СССР вообще можно было пересчитать по пальцам. В пресловутую хрущевскую оттепель на эту диспропорцию мало кто обращал внимание [Пельц, Эндрюс, 1973; Старос, Хорева, 1990]. Тем важнее отметить: впервые в истории партийных съездов голос в защиту свободных дискуссий в науке подняла женщина — первая женщина-академик по отделению истории АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы истории» А. Панкратова. Именно она, выступая на XX съезде партии в 1956 г., первой решилась сказать о сильном отставании СССР в развитии общественных наук в целом и особенно в истории советского общества [Городецкий, 1989: 71]. Яркое выступление женщины-академика не запечатлено в документальной кинохронике, и такого рода образы парадоксально не проявились в советской кинопродукции 1950—1960-х гг. Однако, чтобы попытаться найти динамику в отношении советских кинематографистов к женской теме, стоит рассмотреть все фильмы, в которых присутствует образ женщины-ученого (реальный или идеальный), в хронологическом порядке.

Похоже, образец личных качеств и высших норм нравственной личности авторы тогдашней идеологии¹ «ученая женщина» искали в прошлом. В те годы, когда за рубежом не было создано ни одного фильма о женщинах-ученых, в СССР был выпущен на экраны фильм о выдающейся россиянке, женщине-математике — *«Ковалевская»* (реж. И. Шапиро, 1956, в главной роли Е. Юнгер). Фильм вписывал женское имя в общий ряд имен, прославивших русскую науку: «Мичурин» (реж. А. Довженко, 1948), «Академик Иван Павлов» (реж. Г. Рошаль, 1949), «Жуковский» (реж. В. Пудовкин, 1950). Пьесу о замечательном математике написали П. Рыжей и Л. Тубельский (братья Тур). Поставил ее Ленинградский театр комедии, явив зрителям не столько научную работу

¹ Идеологема — устойчивое словосочетание, имеющее идеологическую нагрузку (ср. «общечеловеческие ценности», «права потребителей»).

первой в мире женщины — профессора математики и ее мужа, палеонтолога В. Ковалевского, не столько их доблестное служение Отчизне, сколько сложности их личных взаимоотношений (почерпнутые из текстов самой женщины-ученого, прежде всего ее воспоминаний) [Ковалевская, 1960]. Пьеса была неоднозначно принята кинокритикой конца 1940-х [Лившиц], но легко вписалась в изменившуюся конъюнктуру 1950-х, когда тема частной жизни полновесно зазвучала в кино и на сцене.

Воспоминания С. Ковалевской, ее безрадостная семейная жизнь (фиктивный брак, с помощью которого она выбралась за рубеж для получения образования, слишком большая увлеченность наукой обоих супругов, «допущенная» Софьей случайная близость с мужем, в результате которой родилась дочь (ее воспитывала подруга Софьи, также женщина-ученый, химик Ю. Лермонтова), влюбленность Софьи в однофамильца-палеонтолога) [Валькова, 2019] — все это как раз попало в фильм. Тема частной жизни женщины-ученого была затронута в связи с ее мужем, пытавшимся развернуть бизнес на наследственные деньги жены (что, судя по переписке С. Ковалевской с сестрой Анной, было правдой).

Многие высказывания ученого взяты из ее дневников и воспоминаний, но в них она никогда не писала о том, что профессиональный успех лишил ее женского счастья. А таких высказываний в фильме немало («Я чувствую, что предназначена служить истине — науке и прокладывать новый путь женщинам»; «Моя слава лишила меня обыкновенного женского счастья... Почему меня никто не может полюбить? Почему же любят самых незначительных и только меня никто не любит?»). То есть многое авторами было досочинено и вложено в уста женщины-математика, и досочинено в духе, присущем соцреализму («Держайте! Не бойтесь обжечь руки о звезды!»). Правилom создания картины о людях науки была в 1950-е очевидная патетика. Проблема вечной для России трудности существования людей науки передавалась посредством интонации, тембра голоса, общего цветового фона картины, темной мрачной одежды действующих лиц.

Художественные фильмы, созданные после «Ковалевской» (которая стилистически тяготела к прошлому периоду восстановления послевоенной разрухи), несмотря на очевидную смену настроения, продолжали соответствовать идеологии героизации россиян, отдающих силы и здоровье во имя будущего. Таковыми были и образы ученых в вербальных и визуальных символах советского героического как сверхчеловеческого. Фильмы призваны были направлять общество в будущее как некая культурная миссия, объединяющая готовность к инновациям и личное самопожертвование; как нельзя лучше такая социальная роль совмещалась с женским социальным предназначением — сохранять, даже жертвуя собственным здоровьем. Тема эта прошла красной нитью в фильме «Неповторимая весна» (реж. А. Столпер, 1957) — о семье археологов Буровых, направившихся на раскопки в Среднюю Азию, где их застала эпидемия чумы. Героиню фильма Анну Бурову играла всем тогда известная И. Извицкая. Научное творчество ее героини, ее быт были за кадром, но женственность, утонченность и элегантность оставались в памяти.

И это неслучайно. В фильмах о науке, снятых в то десятилетие, современницы-ученые вроде Буровой всегда представляли созданиями редкой красоты и привлекательности. Лучшее подтверждение тому — образ Лели, сотрудницы физического института Академии наук СССР в знаменитом фильме «Девять дней

одного года» (реж. М. Ромм, 1961), который было доверено воплотить советской мегазвезде 1960-х гг. Т. Лавровой (в годы страстного романа ей посвятил знаменитые строки поэт А. Вознесенский: «Ты меня на рассвете разбудишь, проводить необутая выйдешь»), впоследствии вошедшие в спектакль М. Захарова «Юнона и Авось» театра «Ленком» и ставшие известными всей стране).

Событийная канва «Девяти дней...» — история двух физиков-ядерщиков и их коллеги, которую играла Т. Лаврова, занимающихся разработкой проблем ядерной физики. Именно этот образ научной работницы всплывает в памяти, когда заходит разговор о советской науке 1960-х и отражении ее реалий в кино. Женская фигура в «Девяти днях...» сдвинута на уровень второстепенной, ведь режиссер — вводя женский образ в эту страницу истории советской науки — специально выбрал сексуально притягательную актрису, призванную оттенять таланты, мужественность и мудрость «сильного пола» рядом с нею.

Быт женщины-ученого очень скупо представлен в этой киноленте (быт домашней неумехи, способной готовить на завтрак любимому одну лишь яичницу).

По сценарию Леле следовало проявить себя не автором блистательной идеи, а играть привычную женскую социальную роль — верхушки любовного треугольника. В ней прочитывалось типичное для советского кино 1960-х гг., как и обыкновенное для великой русской литературы XIX в., «ужасное совершенство» русских женщин (В. Heldt) — готовность русских героинь к самопожертвованию. Находясь во время опыта рядом со своим научным руководителем, один из друзей-соперников в «Девяти днях...» получал критическую дозу радиации. Узнав об этом Леля тут же принимает решение стать его женой. Такой образ был созвучен времени — эпохе освоения космоса, открытий в химии и физике, которые поставили на повестку дня вопрос о последствиях научно-технического прогресса, о его гуманитарной составляющей, а режиссеры языком кино подчеркнули факт готовности и женщин тоже не стараться уберечься, а напротив — жертвовать здоровьем будущих поколений, ребенка, который мог бы родиться от смертельно больного, облученного отца.

Объект любви прелестной и запоминающейся своей красотой женщины-ученого в этом фильме (да и во всем советском кино «оттепели») — ученый-мученик, человек одной с ней специальности (что позволяло женщинам понимать вклад их избранников в сферу знания) [Woll, 2000], ставящий Дело выше Любви (даже к таким умным и таким жертвенным женщинам, как они). Продолжением этих социальных связей было невысказанное утверждение: заслуги советской науки — заслуга государства, создавшего для ученых идеальные рабочие условия на новейшем оборудовании (пусть и с риском для их здоровья и жизней).

Все та же тема — женщины нужны в научной среде для ее одухотворения и украшения, как верные подруги и помощницы в семье — обнаруживается в следующем по хронологии фильме начала 1960-х гг. «Все остается людям» (реж. Г. Натансон, 1963, по пьесе С. Алешина). Главный женский образ в нем, Ксении Румянцевой, был создан опять-таки властительницей мужских сердец — Э. Быстрицкой. Румянцева в этом фильме, конечно же, не ученый в полном смысле слова, не руководительница проектов, не директор и даже не заведующая лабораторией, а всего лишь ассистентка академика Ф. Дронова. Фамилия

героини — говорящая: влюбленные в ученых научные сотрудницы никогда не носили в советском кино неблагозвучных фамилий и банальных имен. Румянцева — безумно влюбленная в гения, постоянно готовая помогать, вызывающая вечную тревогу у жены Дронова — научная сотрудница. Ее аналитический вклад и отношение к ней как к ученому в фильме не были раскрыты — ровно так же, как в фильме «Девять дней одного года» не прочитывались научные достижения героини Т. Лавровой, а в «Неповторимой весне» — героини И. Извицкой.

Этические ценности превратились в советской культуре того времени в объект веры (в известной мере, как следствие антирелигиозной пропаганды). Женщина-ученый воплощала норму православной этики, ставшую нормой этики советской: она представлялась тем «плечом» для ученого-праведника, которому оно необходимо, чтобы противостоять синклиту антагонистов (в данном случае — академиков). Такой подход обнаруживается в еще одном «оттепельном» фильме — *«Иду на грозу»* (реж. С. Микаэлян, 1965, по роману Д. Гранина). В данном кинонарративе такое «плечо» — не законная жена, а единомышленница-любовница.

Подобный ролевой расклад на советских экранах был явлен впервые — и это та самая динамика, которая отличает «оттепельное» кино от первого послевоенного. Сегодняшний зритель фильма *«Иду на грозу»* справедливо отметил: «В нашем кино эта тема почти не затрагивалась, может быть из уважения к академику Ландау. Такая любовь тянется долгие годы на глазах у всех. Даже народную мудрость на эту тему придумали: “Ученый, не имеющий любовницы, бездарен в науке”»². Любопытно, что ремейк фильма *«Иду на грозу»*, вышедший в виде телеверсии в годы перестройки с названием *«Поражение»* (реж. Б. Мансуров, 1987), перенес акценты с противостояния двух типов физиков и этики поведения в академическом сообществе на тему социального приспособленчества и умения бороться за идею. При этом тема женщины-ученого как «опоры» и «плеча» для новатора (в фильме 1965 г. ее играла В. Лепко, в фильме 1987 г. — О. Кабо) сохранилась в неизменности.

Любовница в составе своего научного коллектива, разделяющая научную принципиальность избранника, — типическая героиня советского кино и образ положительный, поскольку она тоже всегда представлялась борцом против «всего косного», в защиту нового и/или Природы. Здесь уместно вспомнить о вышедшей за несколько лет до фильма *«Иду на грозу»* телеэкранизации повести дальневосточного писателя А. Пришвина *«Хозяйка таежной реки»* (1960); название перекликалось с названием народного сказа, обработанного П. И. Бажовым (*«Хозяйка Медной горы»*). В телеверсии по книге А. Пришвина героиней оказывалась женщина-ихтиолог (научное звание и степень не указаны) Маруся Жигарева, вступившая в неравную схватку с теми, кто варварски относился к природным богатствам края. Писатель вывел в повести образ не столько ученого, сколько спасительницы, защитницы в облике ихтиолога — и это воплотилось и в телеверсии его книги. В кино такие роли — ученых, не щадящих себя и работающих на износ до внезапной ранней смерти (*«Девять дней одного года»*, *«Здравствуй, это я!»*, *«У озера»*, *«Иванцов, Петров, Сидоров...»*), — обычно

² Советское кино. Иду на грозу (1965): отзывы // Кино-театр.ру. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/2667/forum/#1918695> (дата обращения: 01.08.2025).

отдавались мужчинам. А тема долговременной, упорной борьбы, непоколебимой поддержки — женщинам.

Именно в годы политической «оттепели» и впервые проявленного внимания к поддержке и защите частной жизни человека — годы, противостоящие предыдущему периоду «бури и натиска» в чувствах и поведении — была остро востребована мягкая женственность. Она заставляла зрителя задуматься о нравственном мире человека, занятого научными изысканиями, об образе жизни научных сотрудников — не знающих выходных и праздничных дней, постоянно занятых размышлениями над научной проблемой и выносящих эти обсуждения за пределы коридоров института или лаборатории, в контекст дружеского общения и отношений с любимыми. Во всех этих фильмах 1950—1960-х гг. энтузиазм ученых подчеркивался отсутствием материальной заинтересованности, тема оплаты явно ненормированного труда с риском для жизни и здоровья (тем более женского) никого, похоже, не волновала.

Выводы

Кинокартины 1960-х гг. оставались в Стране Советов все теми же мифами о советской жизни, какими они были в первые послевоенные годы, отмеченные созданием знаменитого фильма Г. Александрова «Весна» (1947) и образа героини Л. Орловой, изучавшей «энергию солнца» [Корзун, Колеватов, 2006: 199]. Как и те, послевоенные фильмы, они не столько отображали реальность, сколько удачно под нее мимикрировали [Вайль, Генис, 2018: 100]. Новое время, распахнувшее в середине 1950-х двери архивов, позволившее узнать что-то из жизни современников за рубежом, создать «толстые» литературные журналы, в которых публиковались тексты на темы, ранее немыслимые, в том числе и связанные с женскими жизнями (повесть Н. Баранской «Неделя как неделя» была первым таким текстом, рассказавшим о страшной загруженности научной сотрудницы в советском НИИ), позволило удовлетворить голод аудитории, жаждавшей фильмов о реальной жизни тех, кто рядом. И такие фильмы начали создаваться, приспособивая к политическим сдвигам настроения, которые характеризовали этот период (осознание ценности частной жизни). Кино и режиссеры сыграли решающую роль в успешных попытках освободиться от гнета прежних идеологем.

Дух политической «оттепели» заставлял конструировать иной — отличный от времени господства тоталитарной культуры — тип героического, в том числе героического женского. Это был период трансформаций безусловной и искренней веры в возможность создания «человека коммунистического завтра» — в неясные сомнения, в стремление отнести идеальные качества человека науки, и в частности советской женщины-ученого (самоотверженность до самозабвения во имя получения исследовательского результата, готовность довольствоваться малым в бытовом отношении), к ушедшему времени, к более раннему периоду развития отечественной научной мысли. Зрителям-современникам должно было казаться (а отчасти так оно и было), что такие подвижники часто встречались в их жизни.

Главная характерная черта женских образов в «оттепельном» кино о жизни академического и преподавательского сообщества — восхищение учеными мужами [Кныш, 2009], но, добавим, при второстепенности рисуемого в фильмах женского места в науке. Образы женщин во всех проанализированных

кинолентах — образы служанок по призванию. Их функции в науке обслуживающие (мыть пробирки, следить за приборами), какими на экране представляли и функции социальные и семейные (помогать, подставлять плечо, привлекать красотой и давать заслуженный отдых мужчине).

Сами фильмы о людях науки отвечали идеологическим требованиям: показывать и доказывать, что русская наука — самая передовая в мире, что советская власть оказывает ей максимальную поддержку. Подчеркивалась социальная значимость научного дела, без которого неосуществим прогресс, — потому в фильмах 1950—1960-х практически не показываются сотрудники НИИ гуманитарного профиля, подсвечивалась только важность естественно-научных и физико-математических дисциплин, а число женщин в них всегда было гораздо меньше, чем в гуманитарных. Не было в «оттепельных» фильмах ничего напоминающего о значительной роли женщин в научном сообществе, о тех, кто посвятил себя любимому делу (кроме фильма «Ковалевская», прошедшего незамеченным на советских экранах), кто мог бы стать примером для девочек, мечтающих когда-нибудь сделать свой вклад в большую науку.

Режиссеры «оттепельных» фильмов, хотя и старались немного показать домашнюю и семейную жизнь ученых, менее всего ставили задачу рассказать о нелегком труде исследовательниц, о неудачах в попытках собрать нужные данные, о трудностях поиска финансирования и о радости женского научного озарения. Эти темы стали осознаться обществом и интеллектуалами в последующие советские десятилетия.

Список источников

- Байрау Д. Интеллигенция и власть — советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122—136.
- Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: CORPUS, 2018. 432 с.
- Валькова О. А. Штурм цитадели науки: женщины-ученые Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 800 с.
- Гантман Ю. Н. Удовлетворение деятельностью в связи с качествами личности и параметрами осуществляемой деятельности // Психофизиологические вопросы становления профессионала / под ред. К. М. Гуревича. М.: Наука, 1976. Вып. 1. С. 102—115.
- Городецкий Е. Н. Журнал «Вопросы истории» в середине 50-х гг. // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 70—76.
- Кныш Н. А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 250 с.
- Ковалевская С. В. Воспоминания детства; Нигилистка. М.: Худож. лит., 1960. 239 с.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие: («На классиков равняйся!») // Мир историка. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 199—224.
- Лившиц Л. Я. Трудности преодоленные и непреодолимые: (пьеса «Софья Ковалевская» братьев Тур в театре им. Т. Г. Шевченко) // Лев Лившиц. In memorem. URL: <http://www.levlivshits.org/index.php/works/vopreki-vremeni/publ-recenz-menu/249-trudnosti-recenz.html> (дата обращения: 01.08.2025).
- Пельц Д., Эндрюс Ф. Ученые в организациях. Оптимальные условия для исследований и разработок / пер. с англ. Р. Е. Мельцера; под общ. ред. Д. М. Гвишиани, С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М.: Прогресс, 1973. 472 с.

- Пушкарёва Н. Л. Социальная память о быте и повседневности женщины-ученой в «дооттепельном» советском кинематографе (1945—1955 гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6, № 2. С. 143—148.
- Пушкарёва Н. Л. Динамика академических привилегий и перемены в быту обладателей научной степени в СССР // Общественные науки и современность. 2025. № 4. С. 105—111.
- Сальникова Е. В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. М.: ЛКИ, 2010. 471 с.
- Старос А. Ф., Хорева Л. В. Категориальный анализ и индикаторы составляющих оценки научной деятельности: (обзор литературы) // Социальные проблемы и факторы интенсификации научной деятельности. М.: Наука, 1990. С. 72—97.
- Сыров В. Н. Кино как исторический источник // Человек — текст — эпоха. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 26—42.
- Теплинский О. В. Научная интеллигенция в советском кинематографе: основные тенденции репрезентации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. 23 с.
- Терлецкая О., Ковалева И., Ветлужских Г. И забыть по-прежнему нельзя... // Наука в Сибири. 2007. 31 мая (№ 22). URL: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=421&id=19> (дата обращения: 01.08.2025).
- Marsh R. J. Soviet Fiction since Stalin: Science, Politics, and Literature. London: Routledge, 1986. 338 p.
- Woll J. Real Images: Soviet Cinema and the Thaw: (KINO — The Russian and Soviet Cinema). London; New York: I. B. Tauris & Company, the Limited, 1999. 280 p.

References

- Beyrau, D. (1994) *Intelligentsiia i vlast' — sovetskii opyt* [The intelligentsia and power — the Soviet experience], *Otechestvennaia istoriia*, no. 2, pp. 122—136.
- Gantman, Yu. N. (1976) *Udovletvoreniie deiatel'nost'iu v sviazi s kachestvami lichnosti i parametrami osushchestvliemoi deiatel'nosti* [Satisfaction with activity in relation to personality traits and parameters of activity], in: *Psikhofiziologicheskie voprosy stanovleniia professionala*, iss. 1, Moscow: Nauka, pp. 102—115.
- Gorodetsky, Ye. N. (1989) *Zhurnal "Voprosy istorii" v seredine 50-kh gg.* [The journal Questions of History in the mid-50s], *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 70—76.
- Knysh, N. A. (2009) *Obraz sovetskoï istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desiatiletie*: Dis. ... kand. ist. nauk [The image of Soviet historical science in the first post-war decade: Diss. (Cand. Sc.)], Omsk.
- Korzun, V. P., Kolevatov, D. M. (2006) *Sotsial'nyi zakon i transformatsiia obraza istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desiatiletie*: ("Na klassikov ravniais'!") [Social order and transformation of the image of historical science in the first post-war decade: ("Look up to the classics!")], in: *Mir istorika*, iss. 2, Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 199—224.
- Kovalevskaya, S. V. (1960) *Vospominaniia detstva; Nigilistka* [Childhood memories; Nihilist], Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Livshits, L. Ya. (1948) *Trudnosti preodolennye i nepreodolimye*: (P'esa "Sof'ia Kovalevskaiia" brat'ev Tur v teatre imeni T. G. Shevchenko) [Difficulties overcome and insurmountable: (The play "Sofia Kovalevskaya" by the Tur brothers at the T. G. Shevchenko Theatre)], *Lev Livshits. In memoriam*, available from <http://www.levlivshits.org/index.php/works/vopreki-vremeni/publ-recenz-menu/249-trudnosti-recenz.html> (accessed 01.08.2025).

- Marsh, R. J. (1986) *Soviet Fiction since Stalin: Science, Politics, and Literature*, London: Routledge.
- Pelz, D., Andrews, F. (1973) *Uchënye v organizatsiakh. Optimal'nye usloviia dlia issledovaniĭ i razrabotok* [Scientists in organizations. Productive marshes and work environments], Moscow: Progress.
- Pushkareva, N. L. (2020) Sotsial'naia pamiat' o byte i povsednevnosti zhenshchiny-uchënoĭ v "doottepel'nom" sovetskom kinematografe (1945—1955 gg.) [Social memory of the life and everyday life of a female scientist in the "pre-Thaw" Soviet cinema (1945—1955)], *Vestnik Mariĭskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoricheskie nauki, Iuridicheskie nauki, vol. 6, no. 2, pp. 143—148.
- Pushkareva, N. L. (2025) Dinamika akademicheskikh privilegii i peremeny v bytu obladatelei nauchnoĭ stepeni v SSSR [Dynamics of academic privileges and changes in the daily life of holders of scientific degrees in the USSR], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 105—111.
- Salnikova, Ye. V. (2010) *Sovetskaia kul'tura v dvizhenii: ot serediny 1930-kh k seredine 1980-kh. Vizual'nye obrazy, geroi, siuzhety* [Soviet culture in motion: from the mid-1930s to the mid-1980s. Visual images, heroes, plots], Moscow: LKI.
- Syrov, V. N. (2006) Kino kak istoricheskii istochnik [Cinema as a historical source], in: *Chelovek — tekst — epokha*, iss. 2, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 26—42.
- Staros, A. F., Khoreva, L. V. (1990) Kategorial'nyi analiz i indikatory sostavliaiushchikh otsenki nauchnoĭ deiatel'nosti: (Obzor literatury) [Categorical analysis and indicators of the components of the assessment of scientific activity: (Literature review)], in: *Sotsial'nye problemy i faktory intensifikatsii nauchnoĭ deiatel'nosti*, Moscow: Nauka, pp. 72—97.
- Teplinsky, O. V. (2006) *Nauchnaia intelligentsiia v sovetskom kinematografe: osnovnye tendentsii reprezentatsii*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Scientific intelligentsia in Soviet cinema: main tendencies of representation: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Krasnodar.
- Terletskaya, O., Kovaleva, I., Vetluzhskikh, G. (2007) I zabyt' po-prezhnemu nel'zia... [And it is still impossible to forget...], *Nauka v Sibiri*, May 31, no. 22, available from <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=421&id=19> (accessed 01.08.2025).
- Valkova, O. A. (2019) *Shturmuia tsitadel' nauki: Zhenshchiny-uchënye Rossiĭskoi imperii* [Storming the citadel of science: Women scientists of the Russian Empire], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Weil, P., Genis, A. (2018) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s. The world of the Soviet man], Moscow: AST, CORPUS.
- Woll, J. (1999) *Real Images: Soviet Cinema and the Thaw: (KINO — The Russian and Soviet Cinema)*, London, New York: I. B. Tauris & Company, the Limited.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 15.09.2025.

The article was submitted 18.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 15.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 168—181.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 168—181.

Научная статья

УДК 39(571.1/.5)

EDN: <https://elibrary.ru/vumich>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.12

**МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА КРАСНОЖЁНОВА (1871—1942):
ПИОНЕРКА СИБИРСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Мария Владимировна Васеха

Институт истории, Сибирское отделение, Российская академия наук,
г. Новосибирск, Россия, maria.vasekha@gmail.com

Аннотация. Основная задача публикации — восстановить биографию М. В. Красножёновой, одной из первых женщин — исследовательниц Сибири, оценить ее вклад в современную этнологическую/антропологическую науку, принимая во внимание эвристическую ценность изучения женских биографий и автобиографий. Поставлена также задача воссоздать этапы складывания научной судьбы этой исследовательницы, значительно менее известной, чем В. Н. Харузина (которой уже посвящены и диссертации, и монографии), поразмышлять о препятствиях, сопровождавших М. В. Красножёнову на ее нелегком жизненном пути, и поддержке, так не хватающей обычным женщинам в науке, чтобы вписать и ее имя в российскую академическую корпорацию этнографов «первого призыва» (конец XIX — начало XX в.). Первый российский сибиревед М. В. Красножёнова — яркий тип self-made woman, исследовательницы, которой пришлось своим упорным подвижническим трудом заслужить место в сугубо мужском мире ученых Русского географического общества.

Ключевые слова: первая женщина-этнограф, Мария Васильевна Красножёнова, женщина-исследовательница, этнография Сибири, сибиреведение, сибирская этнография, Красноярск

Для цитирования: *Васеха М. В.* Мария Васильевна Красножёнова (1871—1942): пионерка сибирской фольклористики и этнографии // *Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 168—181.*

Original article

MARIA VASILIEVNA KRASNOZHENOVA (1871—1942): PIONEER OF SIBERIAN FOLKLORISTICS AND ETHNOGRAPHY

Maria V. Vasekha

Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, maria.vasekha@gmail.com

Abstract. The main objective of the publication is to reconstruct the biography of one of the first female researchers of Siberia, M. V. Krasnozhenova, and to assess her contribution to modern ethnological/anthropological science, taking into account the heuristic value of studying women's biographies and autobiographies. In this article, the author reconstructs the stages of formation of the scientific destiny of this researcher, much less known than V. N. Kharuzina, to whom many dissertations and monographs are dedicated. The author also reflects on the obstacles and support that ordinary women in science still lack to this day. Krasnozhenova had to go through a difficult life path to inscribe her name in the Russian academic corporation of ethnographers of the "first call" in the late 19th and early 20th century. M. V. Krasnozhenova, the first Russian Siberian scientist, is one of the brightest representatives of "self-made women", a researcher who had to earn a place in the strictly "male" world of scientists of the Russian Geographical Society by her hard work.

Key words: first woman ethnographer, Maria Vasilievna Krasnozhenova, woman researcher, ethnography of Siberia, Siberian studies, Siberian ethnography, Krasnoyarsk

For citation: Vasekha, M. V. (2025) Mariia Vasil'evna Krasnozhënova (1871—1942): pionerka sibirskoi fol'kloristiki i ètnografii [Maria Vasilievna Krasnozhenova (1871—1942): pioneer of Siberian folkloristics and ethnography], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 168—181.

Введение

Изучение биографий женщин-ученых заставляет нас задуматься о тех сложностях, с которыми в российском контексте сталкивались многие женщины, оставившие след в науке. Первой плеяде российских исследовательниц пореформенного периода часто приходилось выбирать свой научный путь как форму эскапизма, доказательства самой себе выгоды и необходимости научного одиночества [Пушкарева, 2019]. Красноярская исследовательница М. В. Красножёнова не стала исключением. При написании работы автор опирается на ее автобиографию, обширную личную переписку, сохранившуюся в фондах архива Красноярского краевого краеведческого музея и Государственного архива Красноярского края, а также прижизненные публикации М. В. Красножёновой [Красножёнова, 1937, 1940] и ее работы, впервые опубликованные уже в конце XX — начале XXI в. [Красножёнова, 1998, 2014]. Автор анализирует специфические факторы становления и развития личности исследовательницы: «женское» влияние матери и бабушки через детский опыт слушания и рассказывания сказок, влияние исследовательского опыта отца, навык выживания

в сложных социально-экономических условиях, способности к самообразованию, круг профессиональных связей и пр.

При рассмотрении с помощью гендерной оптики творческой судьбы женщины-исследовательницы крайне важно принимать во внимание не только профессиональную биографию ученого, но и сценарий ее частной жизни. Часто кажущиеся несущественными страницы биографии определяют вектор развития личности, а мотивация к исследованию, возникшая в детские годы, закладывает исследовательский потенциал на всю жизнь. Таких определяющих моментов в детстве Марии Красножёновой, старшего ребенка в семье госслужащего на телеграфе и внучки сибирского мещанина «из крестьян», было немало. В автобиографии Красножёнова пишет, что детство прошло в самых отдаленных уголках Сибири, куда посылали ее отца по службе. Она родилась в поселке Бирюса Иркутской губернии, потом семья переезжала в Ачинск, Благовещенск и многие другие населенные пункты сибирской глубинки. Девочка рано потеряла отца, который трагически погиб во время службы. Поэтому в 1881 г. семья вернулась на родину матери в Красноярск, где Мария поступила в женскую гимназию. Чтобы хоть как-то помогать семье, 13-летняя гимназистка начала давать домашние уроки. После окончания Красножёнову оставили работать в *Alma mater*, где она трудилась до 1920 г., пока гимназию не расформировали. Потом она перешла на работу в Красноярский краеведческий музей, откуда в 1928 г. была отправлена на заслуженную пенсию.

В автобиографии можно найти ранние воспоминания о зарождении интереса к изучению устного народного творчества, а именно сказок. Мария вспоминала о том, как бабушка познакомила ее с миром русских сказок, которые могла рассказывать каждый вечер до поздней ночи: «Эта замечательная память бабушки для меня имела особо важное значение — она ввела меня трехлетней девчуркой в волшебное царство русских сказок. Я так много слышала от нее сказок и сама их так хорошо рассказывала, что слава моя пошла по городу. В Петропавловске (куда из Ачинска переехала семья Красножёновых. — *М. В.*) в то время жила купеческая семья Хлебниковых. И если мужчины весь день были при деле — при магазинах и лавках, многочисленное женское население, покончив все домашние дела, томятся от безделья и скуки. И вот время от времени купчиха посылает на лошади няню или одну из дочек с няней к моей матери с покорнейшей просьбой отпустить “к ним на денек Маню — позабавить... сказочками”. Хотя и очень неохотно, но, уступая этим просьбам, она меня отпускала»¹. Остались также воспоминания о влиянии талантливых рассказов матери Марии, Елизаветы Александровны, про жизнь красноярцев во времена ее молодости (1860—1880 гг.), которые Мария потом собрала в единую рукопись «О жизни мещан города Красноярска 1860—80 гг.».

М. В. Красножёнова отмечала, что особое отношение к сказкам она принесла с самого детства через всю свою жизнь, записав несколько сотен новых сказок или различные локальные варианты знакомых сюжетов в ходе полевых выездов по Сибири. Ей удалось внести уникальный вклад в сказковедение, записать «сибирские» варианты известных сюжетов русской сказки: в Сибири

¹ Автобиография Красножёновой М. В. // Архив Красноярского краевого краеведческого музея. Ф. ВФ-12568-56. Далее: Архив КККМ.

в сказки привнесён бытовой характер, отмечена хозяйственно-экономическая деятельность, связанная с гоньбой по тракту, некоторые типично сибирские ремесла. Кроме того, ей удалось собрать сказки, сюжеты которых абсолютно уникальны и больше нигде не встречаются. Исследовательница вспоминала о том, как крестьянки-сибирячки, не имея возможности праздно беседовать с исследовательницей из города, рассказывали ей свои сюжеты во время выполнения домашних работ. Например, один из редких сюжетов сибирской сказки она записала, пока женщина стирала белье. При этом исследовательница фиксировала не только материалы по устному народному творчеству, но и обращала внимание на особенности повседневной жизни сибиряков: как женщины готовили еду, как накрывали на стол, как рассаживалась семья к трапезе, как вели себя за столом и пр.

Еще одним ярким воспоминанием об обстоятельствах, подтолкнувших Марию заняться исследованиями народной культуры, стал сюжет о том, как после гибели отца она нашла в его бумагах тетрадку с записями способов народного лечения заговорами. В автобиографии она пишет, что эта работа папы ее вдохновила пойти к соседке-знахарке и выпытать у нее несколько способов лечения. Потеря значимого взрослого и желание продолжить его начинания определили исследовательский путь Марии. С тех пор в фокусе ее особого внимания были народная медицина, народные суеверия, свадебные обряды, быт населения Сибирского тракта, положение женщины, жизненный уклад городских мещан — это далеко не полное перечисление ее научных интересов. Этнографические свидетельства, зафиксированные ею в последние десятилетия традиционного периода жизни русских сибиряков, лежат в основе множества исследований советских и современных историков, этнографов, фольклористов [Новоселова, 2003; Васеха 2016; Рычкова, 2019]. Многие этнографические замечания об особенностях быта, социальных, семейных отношениях мог заметить только исследователь с «женской» настройкой исследовательской оптики. Красножёнова видела вещи и процессы в сибирском обществе, на которые мужчина-этнограф не обратил бы внимания. Поэтому ее материалы активно привлекаются исследователями женской истории, истории повседневности, историками материнства и детства, гендерологами, изучающими положение сибирячек в семье и обществе. Уникальность ее полевым материалам придает широкий охват тем, которого невозможно найти у других исследователей рубежа XIX—XX вв.

Красножёнова, не имея никакого специального образования (она окончила только Красноярскую женскую гимназию с правом преподавания), всю свою жизнь вела активнейшую научно-исследовательскую и просветительскую работу. Мария тридцать лет преподавала в родной женской гимназии и регулярно вывозила своих студенток «в поле», в различные уголки родной Енисейской губернии, возвращала в юных девушках интерес к этнографии, фольклористике, географии и ботанике. В Красноярском краеведческом музее она организовала несколько резонансных выставок: «Старый Красноярск», «Суриковский уголок», отдел «Быт русского населения», собрала богатые коллекции быта русских сибиряков и предметы по теме истории Сибирского (Московского) тракта.

В силу активной гражданской позиции она принимала участие, пожалуй, практически во всех общественных мероприятиях города, участвовала в благотворительной деятельности, читала научно-просветительские лекции по различным

аспектам, создала Красноярский подвижной педагогический музей наглядных пособий в помощь учителям губернии, даже играла в любительской театральной труппе для сбора средств на различные городские нужды. В своих поздних письмах она отмечала, что такая высокая вовлеченность в научную и общественную жизнь помогала ей отвлечься от мыслей об одиночестве. Она постоянно о ком-то хлопотала и заботилась: о судьбах своих учениц, разлетавшихся по всей стране, о брате Сурикова Александре, о собственной матери. Когда в 1925 г. ее мать Елизавета Александровна умерла, в письмах еще более усилилась тема одиночества, Мария брала на себя все больше различных обязательств, не оставляя себе свободного времени для горестных раздумий.

Талантливый дилетант

М. В. Красножёнова, несмотря на такое признание своей исследовательской деятельности, как членство в Императорском Русском географическом обществе с 1907 г.² (выдающееся событие для женщины того времени) и получение Малой серебряной медали РГО в 1913 г. (В. Н. Харузина получила свою награду — Большую золотую медаль РГО — только спустя год, в 1914 г.) [Перечень награжденных знаками... , 2012], чувствовала себя дилетантом, самоучкой. Она очень переживала, что за плечами у нее нет никакой научной школы и что исследовательскую работу в экспедициях (часто она называла это просто сборами, а себя собирателем) она выстраивала «по наитию».

В автобиографии она писала: «Кроме общественной и профессиональной работы, я со школьных лет стала по собственной инициативе записывать произведения устного народного творчества. <...> В пятом классе, в курсе теории словесности, я нашла небольшой материал о произведениях народного творчества и желательности их записи, это окончательно решило вопрос, и я уже стала по возможности вести систематические записи. К сожалению, не к кому было обратиться за советом и указанием, и только в 1889 году я решила показать свои записи Н. Н. Бакаю (преподаватель в красноярской мужской и женской гимназиях). У меня в это время было записано свыше 100 песен, несколько десятков наговоров и способов лечения, 4—5 сказок, пословицы и загадки. Бакай, просмотрев мои записи, целый час посвятил восторженной речи о необходимости подобной работы, призывать моих подруг последовать примеру. Но... ни указаний, ни литературы почему-то мне не дал, и я осталась беспризорницей, но интерес не пропал, и я, при всяком удобном случае, старалась записать что-нибудь новое. В конце 1890-х годов Яков Павлович Прейн (ботаник, исследователь флоры Восточной Сибири), заинтересовавшийся моей собирательской работой, просил послать мои материалы для напечатания в Известиях ВСОРГО (Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества). Я послала тогда материалы по народной медицине Енисейской губернии, но напечатаны они были много позднее»³. Русское географическое общество обратило внимание на труды Красножёновой далеко не сразу, хотя многие его члены — фольклористы, этнографы были знакомы с ней лично или по переписке, часто обращались к ней

² Письмо Инкижинова И. Н. Красножёновой в Красноярск // Там же. Ф. ОФ 13307/44.

³ Автобиография Красножёновой М. В.

с просьбами помочь — уточнить бытование того или иного сюжета в Енисейской губернии, проконсультировать о формах существования того или иного обряда и пр., т. е., по сути, создавали ее высокую экспертность, но не пропускали в избранный круг признанных публикуемых ученых. Признание к ней пришло только в 36 лет, после того как ее материал с сибирскими сказками был напечатан в сборнике РГО, посвященном 100-летию юбилею братьев Гримм [Красножёнова, 2014], собственно, именно за эту публикацию ей и присудили серебряную медаль РГО.

Синдром самозванца преследовал Красножёнову практически всю жизнь, несмотря на впечатляющие достижения. Мария старалась при любой возможности выезжать в поле, в сибирскую глубинку собирать как экспонаты для музейной экспозиции, так и нематериальное духовное наследие. В основном выезжала за свой счет, а также старалась найти возможность вывезти своих учениц-гимназисток. Поскольку зарплата педагога и музейного работника была не очень большая, ездила недалеко от Красноярска. Позже появилась возможность выезжать подальше, но все равно многое держалось на ее голом энтузиазме и оптимизме. В письме к супруге бывшего директора Красноярского краеведческого музея своей подруге В. И. Тугариновой Красножёнова констатировала типичную для себя ситуацию: «Я с 1-го считаюсь в отпуску, но до сих пор еще не уехала в деревню. Мне нынче командировочных не перепало, а потому я еду на собственные и хочу совместить и отдых, и работу»⁴.

Один из самых длинных и плодотворных полевых выездов состоялся в 1927 г., когда краеведческий музей профинансировал поездку своих сотрудников по старому Московскому тракту для изучения жизни притрактового населения, сбора экспонатов, материалов устного народного творчества. В письме В. И. Тугариновой она писала, что «даже... получила 250 рублей на поездку по тракту»⁵. Мария Красножёнова вместе с коллегой Еленой Юдиной за 43 дня проехали 300 верст на музейном коне Ваське и исследовали жизнь в 15 притрактовых поселениях (Дрокино, Торгашино, Балахта, Тесь, Рыбное, Батой-Вознесенское, Малый Кемчуг, Кускун и др.). Всего за лето 1927 г. ученые осуществили четыре выезда, в ходе которых собрали для музейной коллекции предметы крестьянского и ямщицкого быта. Собирательницам порой приходилось в поездке читать лекции, чтобы на вырученные деньги накормить коня Ваську. Несмотря на то что Мария была самоучкой, она делала прекрасную этнографическую фиксацию материала — в обязательном порядке записывалась информация, где, когда и от кого получены те или иные сведения, отмечался возраст информанта. В поле писался черновик, а по приезде домой вся информация систематизировалась, обрабатывалась и переписывалась на чистовик.

В одном из личных писем Красножёнова описала комичную ситуацию сельской жизни, произошедшую с ней в поле в 1928 г.: «...на Святках я опять ездила в Батой, где мои “приятельницы”, то есть женщины, у которых я записываю, устроили мне сюрприз: поставили инсценировку свадьбы. Только помешали неприглашенные гости. Они готовы и на сцене поставить в пользу музея ее,

⁴ Письмо В. И. Тугариновой от М. В. Красножёновой от 07.07.1928 // Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 486. Л. 33. Далее: ГАКК.

⁵ Письмо В. И. Тугариновой от М. В. Красножёновой от 20.04.1927 // Там же. Л. 19.

вот как расхрабрились. Только нарушила работу Маруся, сестра Татьяны Николаевны (А. Я. знает) (речь о супруге А. Я. Тугаринове. — М. В.), которая воспользовалась моим приездом и ночью убогом ушла замуж. Для семьи горе, а для меня материал. Такова жизнь!»⁶ Мария умела видеть этнографический материал в любом явлении жизни вокруг нее, она пользовалась любой возможностью для сбора сведений о народной жизни.

Красножёнова собрала впечатляющий массив данных по этнографии и фольклористике, ее самый полный архив хранится в Красноярском краевом краеведческом музее — ее последнем рабочем месте (к сожалению, существенная часть архива на момент апреля 2025 г. так и не оформлена должным образом для хранения, поэтому невозможно ее введение в научный оборот). Прижизненных публикаций Красножёновой не так много [Красножёнова, 1937, 1940]. Большая часть материалов разбросана по небольшим сборникам и журналам. В одном из писем она сообщает: «Моя статья о Сурикове была напечатана в журнале “Сибирь” за 1925 г., № 7—8, и я за нее получила первый в жизни гонорар 25 рублей. Каково! Но эти деньги заветные, так же как от продажи открыток, — на издание моих песен. Это будет очень нескоро!»⁷ Первый гонорар за многолетнюю работу она получила в возрасте 54 лет! Красножёнова не только вела подвижническую работу по сбору фольклорно-этнографических материалов, но и сама же часто изыскивала средства на их издание. В своей переписке с четой Тугариновых за 1938 г. она радостно отмечает, что выход в 1937 г. ее сказок и книги о Сурикове окрылил ее. Только ближе к концу жизни Красножёнову начали больше публиковать, оценили огромный вклад скромной женщины-ученого в науку.

Круг профессиональных связей: фольклор, краеведение и областнические идеи Потанина

Несмотря на весьма удаленное проживание от центров науки и образования, Красножёнова восполняла нехватку личного профессионального общения перепиской. В Красноярском краеведческом музее сохранился объемный архив адресованных ей писем. Она действительно вела обширную переписку до самой своей смерти в 1942 г. В архиве представлены свидетельства ее долгой дружбы с известным общественным деятелем, одним из идеологов областнических идей — Г. Н. Потаниным (сохранилось шесть писем), педагогом по фольклору О. И. Капицей (фольклористка и детская писательница, мать великого физика), с филологами и фольклористами Я. С. Лурье и А. В. Гуревичем, с О. В. Кончаловской (дочь Сурикова), фольклористом Г. С. Виноградовым, четой Тугариновых и многими другими. Безусловно, врожденная исследовательская интуиция вкупе с советами от ведущих фольклористов и этнографов страны создали ее уникальную исследовательскую оптику, свежий для того времени подход к фиксации материалов и способность почувствовать перспективу — для чего в дальнейшем могут пригодиться собранные свидетельства.

На закате жизни Красножёнова лично систематизировала и каталогизировала свои записи и в итоге передала сведения о своих находках в фольклорную

⁶ Письмо Тугариновым от М. В. Красножёновой от 06.03.1928 // Там же. Л. 29.

⁷ Письмо В. И. Тугариновой от Красножёновой от 19.02.1926 // Там же. Л. 10 об.

секцию Академии наук СССР. Сейчас алфавитный перечень песен, составленный исследовательницей, хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Исследовательница никогда не теряла возможности записать материал, найдя ценного информанта, приспособливалась к нему, работала в самых разных условиях — на пороге бани, в гостинице и пр. О своем профессиональном выборе того, по какому принципу записывать те или иные песни, М. В. Красножёнова в письме Г. Н. Потанину отмечала: «Относительно записи песен он (М. П. Овчинников — археолог и этнограф, занимался этнографическими исследованиями якутов. — *М. В.*) находит интересным записывать старинные песни, проходя мимо современных, я ж записываю все подряд — так все равно и современная песня в своем содержании дает ясное представление о современных взглядах народа и его интересах» (цит. по вступ. ст. Т. С. Комаровой: [Красножёнова, 2014: 10]). Таким образом, подход к фиксации фольклорных материалов у Красножёновой был весьма профессиональным, даже более продвинутым и дальновидным, чем у получивших профильное образование мужчин-исследователей. Благодаря такому подходу мы имеем яркую иллюстрацию того, как сильно поздняя городская песня влияла на репертуар деревенской молодежи начала XX в.

Красножёнова, как участник программы ликвидации неграмотности губернского комитета по народному образованию, предложила и впервые ввела в 1917 г. в образовательную программу новый предмет — сибиреведение, она также руководила кружком по сибиреведению при Доме юношества в Красноярске. В одном из своих писем Г. Н. Потанину в 1903 г. Мария спрашивала его совета по поводу своей идеи внедрения в школьный курс этого нового предмета. Потанин писал, что не может как-то особенно помочь в этом вопросе, но если бы Красножёнова сама подготовила заметку о расширении преподавания географии в учебных заведениях, то он сумел бы пристроить ее текст в газету «Сибирский вестник»⁸. После революции Красножёнова первая в Сибири осмеливается и пишет докладную записку, на основании которой ей разрешают факультативно в гимназии вести сибиреведение. В рамках этого предмета она рассказывала о культуре, природе Сибири, народных традициях сибиряков.

Красножёнова, благодаря своему таланту выстраивать научные связи и личному обаянию, была включена в активное научное взаимодействие с исследователями и научными институтами по всей стране. Пожалуй, о широком профессиональном признании исследовательницы говорится в статье местной газеты «Красноярский комсомолец», посвященной ее 50-летию юбилею. Газета опубликовала множество поздравительных телеграмм. Искренние поздравления Красножёновой пришли с кафедры фольклора ЛГУ (за подписью профессора М. К. Азадовского), от московского краеведа Белоногова из Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы Наркомпроса РСФСР, личное поздравление от московского академика Ю. М. Соколова, не говоря уже о многочисленных поздравлениях от сибиряков. В Государственном архиве Красноярского края сохранился билет-приглашение на торжественное собрание, «посвященное пятидесятилетию научной деятельности старейшей

⁸ Письмо Потанина Г. Н. из Томска Красножёновой в Красноярск от 20.12.1903 // Архив КККМ. Ф. ОФ-13020/37.

в СССР собирательницы фольклора»⁹, которое состоялось 19 октября 1939 г. в городском театре им. А. С. Пушкина. В конце статьи приводятся слова юбилярши: «Счастливая у меня старость — ведь в нашей стране велики возможности творить» [Творческая жизнь..., 1939: 3]. Несмотря на то что высказывание походит на реверанс советской власти, думается, что Мария Васильевна сказала эти слова очень искренне. Ведь ее действительно ничто не останавливало — ни отсутствие финансирования и специального образования, ни смена политического режима; она спокойно и уверенно продолжала свою работу и, невзирая на меняющиеся социально-политические условия, ездила по родному краю, собирала фольклорно-этнографические материалы, подготавливала выставки, читала лекции.

Сибирефилия: творческий альянс этнографа Красножёновой и художника Сурикова

Красножёнова много и активно общалась со своим знаменитым земляком, тоже большим патриотом Сибири, В. И. Суриковым. Сохранилась их обширная переписка. Осознавая масштаб личности Сурикова и значение его фигуры для родного края, она всю жизнь собирала материалы и вырезки о нем, а после его смерти стала организатором выставки в честь его памяти. Красножёнова выступила соавтором книги о Сурикове, написанной вместе с историком и краеведом А. Н. Туруновым [Турунов, Красножёнова, 1937]. До самой своей смерти она поддерживала общение с дочерьми Сурикова.

В книге о Сурикове Красножёнова писала, что одной из важных черт его творчества является прочная связь с родным краем, «его постоянная оглядка на Сибирь, откуда он черпал творческое вдохновение, где искал образы для выражения своих замыслов» [там же: 11]. Художник искренне любил свою родину — Сибирь и искал то особенное, что могло отразить местный колорит, придать его палитре особые сибирские краски, помочь выразить удивительный дух русских людей Сибири. О его художественном наследии С. Н. Дурылин писал: «Суриков строил в своем творчестве Русь XVI—XVIII вв., народную, страдающую, борющуюся. Но что бы он ни строил — “Ермака”, “Стрельцов” и “Суворова”, он строил из сибирского дерева или камня, или во всяком случае никогда не обходился без него... Вряд ли возможно художнику глубже и крепче внедрить свою родину в свое творчество, чем это сделал Суриков» [Дурылин, 1930: 80].

Суриков вновь приехал на сибирскую родину уже после того, как стал знаменитым и популярным художником, после личной трагедии — смерти в 1888 г. жены Елизаветы Августовны. После этого потрясения он уехал в Красноярск за душевным исцелением. Позднее сам Суриков вспоминал, что привез тогда из Сибири необычайную силу духа. Обстановка, знакомая с детства, близкие по духу люди, сибирская природа — все это возродило художника к жизни и возобновило жажду творчества. Именно тогда в поисках нового жизненного ориентира Суриков создал свою, наверно, самую «сибирскую» картину — «Городок берут». Картина была написана с огромным душевным подъемом, художник стремился передать «впечатление своеобразной сибирской жизни, краски ее зимы». Обстоятельное исследование этого старинного народного обычая,

⁹ ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 447. Л. 2.

существовавшего в Красноярском крае, делала Мария Красножёнова [Красножёнова, 1924]. Она отмечала, что, несмотря на интерес к этнографическим особенностям Сибири, Суриков их творчески переосмыслил и руководствовался собственными художественными замыслами. «Даже в изображении самого городка допущено много погрешностей: постройка городка в действительности бывала много затейнее, чем на картине у Сурикова, где всадник разрушает простую снежную стену», — писала она в своей работе о творчестве красноярского художника, вошедшего в мировую художественную культуру [Турунов, Красножёнова, 1937: 28].

Для Марии Васильевны, чей смысл жизни заключался в неустанных поисках сибирской специфики русской культуры и форм выражения любви к своей родине — Сибири, и конкретно к Красноярскому краю, фигура Сурикова и все его творчество, в особенности сибирское наследие, были очень значимы. За свою жизнь Суриков написал на сибирскую тему три картины: «Меньшиков в Березове», «Взятие снежного городка» и «Покорение Сибири». Из нереализованных сибирских художественных замыслов осталась мечта Сурикова написать эпическое полотно «Красноярский бунт 1695—1698 гг.». После смерти художника Красножёнова вела отдельную работу по сбору различных материалов и свидетельств современников о Сурикове. Есть воспоминание О. П. Аржаных, руководителя культурно-исторического музея «Некрополь», о словах соседки Марии Красножёновой. Женщина вспоминала, что на ее вопрос, почему она одинока, та ответила: «Всю жизнь я любила Сурикова, но нам было не дано». Учитывая, что о личной жизни Красножёновой ничего не известно, кроме того, что она никогда не была замужем и не имела детей, такой вариант событий вполне имеет место быть. В письмах Красножёновой к своей подруге В. И. Тугариновой после смерти Сурикова иногда стали появляться упоминания накалывающего чувства одиночества, тоски, которые, по ее словам, она компенсировала высокой рабочей нагрузкой, частыми полевыми выездами, активным участием в социокультурной жизни города.

Выводы

М. В. Красножёнова не имела возможности получить специальное образование, но это не стало препятствием для ее отказа от традиционного пути социализации девушек тех лет: матримониального выбора и посвящения себя семье и домашнему хозяйству. Она не побоялась войти в сугубо мужскую для того времени сферу науки и занять там особое место. Красножёнова нашла себя и свое призвание в разнообразных научных изысканиях и полевых исследованиях, талантливой педагогической деятельности, сохранении исторического наследия родного края. Безусловно, она относилась к поколению женщин «нового типа», воспитанных на общественных идеалах 1860-х гг. и принадлежавших к авангарду женского движения в России, и в Сибири в частности. И если многие первые женщины — участницы экспедиций Русского географического общества часто были женами, соратницами, близкими помощницами, «выращенными» своими мужьями-исследователями (например, Е. Н. Клеменц — жена Д. А. Клеменца, А. В. Потанина — жена Г. Н. Потанина), то опыт вхождения Красножёновой в прежде закрытую для женщин научную сферу стоит особняком. У нее не было Учителя и даже простого примера того, как нужно проводить полевые исследования и обрабатывать материалы.

Стать ученым помогли врожденная научная интуиция, исследовательская смелость, внимательный к важным деталям глаз, постоянное стремление к самообразованию и подвижнический труд. Не имея собственной семьи, детей, Красножёнова всю жизнь посвятила служению науке и родному краю. Однако путь научного эскапизма имел свои издержки, в личной переписке она ненавязчиво, как бы вскользь намекает на свое сложное внутреннее психологическое состояние: «...я по-звериному не вою, так это потому, что у меня есть драгоценная способность себя развлекать — то работу придумаю спешную, то в деревню к бабкам своим поеду и наслаждаюсь (искренне) их милым обществом, то пойду на кладбище — там тоже много знакомых завела — стараюсь в добрые попасть, — помру, так могилку обещают поливать»¹⁰. Тем не менее примером своей жизни она показала иную женскую жизненную стратегию, по сути, стала ориентиром для следующих поколений сибирских женщин-исследовательниц.

Абсолютная бессребреница, Красножёнова все заработанные деньги тратила на полевые экспедиции, издание собственных собранных материалов, жертвовала на благотворительность и городские нужды, помогала чем могла своим ученицам, уезжавшим учиться дальше в Томск, Москву, Петроград и другие города. У нее никогда не было собственного жилья, поэтому она постоянно жила в различных съемных комнатах. Так, в письме от 1938 г. Красножёнова, уже будучи пожилым и больным человеком, описывает свои скитания по квартирам: «...за два дня до праздника (9 ноября) меня водворили в новую светлую комнату “Дома специалистов”. Я долго не могла поверить, что эта светлая комната в 16 метров — моя! Вы у меня гостили в 1930 г. в большой и хорошей комнате, но с осени я перебралась в маленькую, откуда и к вам приезжала. А с января 35 г., перевезена совсем больной, я попала в крохотную каморку, низкую, душную. В этих условиях я ни поправиться, ни работать не могла, но зная все затруднения с жилплощадью, — я одинокий, старый человек, выбывший из строя активных работников, — я не решалась идти и надоедать людям о своем жилищном устройстве. По частному сектору уже ничего не выходило, да и частные квартиры мне не по карману — дорого»¹¹. Уже будучи больной, с серьезно подорванным здоровьем, она могла рассчитывать только на заботу со стороны бывших коллег и городских властей. И такое положение ей, всегда активной и независимой женщине, которая всю жизнь помогала другим и хлопотала о них, было в тягость.

Нельзя все же сказать, что имя Марии Красножёновой совсем забыто. Ее активная деятельность и включенность во многие сферы городской жизни побудили местную власть после ее смерти, в 1943 г., присвоить красноярской школе № 19 имя М. В. Красножёновой [Увековечение памяти..., 1943]. Однако в наши дни ни одна школа города не носит ее имя. 7 декабря 1996 г. Красноярским филиалом Историко-родословного общества было подготовлено письмо в администрацию города о присвоении одной из его улиц имени М. В. Красножёновой¹²,

¹⁰ Письмо Тугариновой от Красножёновой от 16.05.1928 // Там же. Д. 486. Л. 31 об.

¹¹ Письмо Тугариновым от Красножёновой от 01.01.1938 // Там же. Д. 491. Л. 1 об.

¹² Документы заседания ИРО, посвященные памяти М. В. Красножёновой // Там же. Ф. П-981. Оп. 1. Д. 20; Письмо ИРО в администрацию г. Красноярска о присвоении одной из улиц имени М. В. Красножёновой // Там же. Д. 23.

однако инициатива, судя по всему, успехом не увенчалась. Хотя как-то отобразить вклад исследовательницы в исторической памяти города удалось в 2000 г. На здании бывшей женской гимназии (которую она окончила и в которой потом отработала 30 лет), а затем Красноярского государственного педагогического института им. В. П. Астафьева открыли очень скромную памятную табличку с надписью: «Здесь в 1881—1889 гг. училась и в 1890—1920 гг. преподавала в гимназии этнограф, фольклорист Мария Васильевна Красножёнова». В экспозиции Красноярского краевого краеведческого музея имя Марии Васильевны сегодня никак не отражено, хотя собранные ею жемчужины коллекции — предметы быта русских сибиряков и притрактового населения Енисейской губернии продолжают успешно экспонироваться. Исследовательское наследие Марии Васильевны Красножёновой, ее вклад в изучение женской истории, истории повседневности до сих пор продолжает раскрываться и осознаваться современниками.

Список источников

- Васеха М. В.* Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг.: (по материалам юга Западной Сибири): дис. ... канд. ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2016. 245 с.
- Дурылин С. Н.* Сибирь в творчестве В. И. Сурикова. М.: Худож.-изд. акционер. о-во АХР, 1930. 61 с.
- Красножёнова М. В.* Семь сказок русского населения Енисейской губернии. Пг.: Тип. Императ. акад. наук, 1914. 32 с.
- Красножёнова М. В.* Взятие «снежного городка» в Енисейской губернии // *Сибирская живая старина*. 1924. Т. 1, вып. 1—2. С. 21—37.
- Красножёнова М. В.* Сказки Красноярского края. Л.: Гослитиздат, 1937. 293 с.
- Красножёнова М. В.* Сказки нашего края. Красноярск: Краснояргиз, 1940. 272 с.
- Красножёнова М. В.* Ребенок в крестьянском быту: семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX — первой трети XX в. / подгот., предисл. В. А. Зверева. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 1998. 58 с.
- Красножёнова М. В.* Быт Большого Сибирского тракта: рукопись из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. Красноярск: Поликор, 2014. 188 с.
- Новоселова Н. А.* Празднование масленицы в Енисейской губернии в XIX — начале XX в. Проблема распространения, эволюции и семантики обрядовых действий: учебное пособие по курсам устного народного творчества, краеведения, этнографии: региональный компонент образования / науч. ред. Б. А. Чмыхало. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. 189 с.
- Перечень награжденных знаками отличия Русского географического общества (1845—2012). 2012. URL: https://rgo.ru/upload/about/awards/spisok-nagrazhdennyh_8.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
- Пушкарева Н. Л.* Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России*. 2019. Т. 18, № 2. С. 214—245.
- Рычкова Н. Н.* Репертуар сельской девушки юга Красноярского края в 1926 году // *Традиционная культура*. 2019. Т. 20, № 1. С. 159—176.

Творческая жизнь. 50-летний юбилей М. В. Красножёновой // Красноярский комсомолец. 1939. 18 октября (№ 144). С. 3.
Турунов А. Н., Красножёнова М. В. В. И. Суриков. Иркутск; М.: Востсибоблиз, 1937. 153 с.
Увековечение памяти М. В. Красножёновой // Красноярский рабочий. 1943. 4 марта (№ 52).
URL: <https://www.kkkm.ru/posetiteliyam/stati-i-publikacii/sibirskaya-sobiratel'nica> (дата обращения: 15.03.2025).

References

- Durylin, S. N. (1930) *Sibir' v tvorchestve V. I. Surikova* [Siberia in the works of V. I. Surikov], Moscow: Khudozhestvenno-izdatel'skoe aktsionernoe obshchestvo AKhR.
- Krasnozhenova, M. V. (1914) *Sem' skazok russkogo naseleniia Eniseĭskoi gubernii* [Seven fairy tales of the Russian population of the Yenisei province], Petrograd: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk.
- Krasnozhenova, M. V. (1924) Vziatie "snezhnogo gorodka" v Eniseĭskoi gubernii [The capture of "a snowy town" in the Yenisei province], *Sibirskaia zhivaia starina*, vol. 1, iss. 1—2, pp. 21—37.
- Krasnozhenova, M. V. (1937) *Skazki Krasnoiarskogo kraia* [Fairy tales of the Krasnoyarsk Territory], Leningrad: Goslitizdat.
- Krasnozhenova, M. V. (1940) *Skazki nashego kraia* [Fairy tales of our region], Krasnoyarsk: Krasnoiarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Krasnozhenova, M. V. (1998) *Rebënok v krest'ianskom bytu: Semeĭnyi mir detstva i roditel'stva v Sibiri kontsa XIX — pervoi treti XX v.* [The child in peasant life: The family world of childhood and parenthood in Siberia at the end of the 19th — the first third of the 20th century], Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.
- Krasnozhenova, M. V. (2014) *Byt Bol'shogo Sibirskogo trakta: rukopis' iz fondov Krasnoiarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeia* [Life of the Great Siberian Tract: a manuscript from the collections of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore], Krasnoyarsk: Polikor.
- Novoselova, N. A. (2003) *Prazdnovanie Maslenitsy v Eniseĭskoi gubernii v XIX — nachale XX v. Problema rasprostraneniia, èvoliutsii i semantiki obriadovykh deĭstviĭ: Uchebnoe posobie po kursam ustnogo narodnogo tvorchestva, kraevedeniia, ètnografii: Regional'nyi komponent obrazovaniia* [Celebration of Maslenitsa in Yenisei province in the 19th — early 20th century: The problem of distribution, evolution and semantics of ritual actions: A study guide for courses in oral folklore, local history, and ethnography: A regional component of education], Krasnoyarsk: Krasnoiarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.
- Perechen' nagrazhdennykh znakami otlichiiia Russkogo geograficheskogo obshchestva (1845—2012)* [List of recipients of the insignia of the Russian Geographical Society (1845—2012)], available from https://rgo.ru/upload/about/awards/spisok-nagrazhdennykh_8.pdf/ (accessed 15.03.2025).
- Pushkareva, N. L. (2019) Èvristsheskaia tsennost' avtobiografii dlia genderologa: sopostavliaia teoreticheskie itogi rossiiskikh i zarubezhnykh avtobiograficheskikh issledovaniĭ [The heuristic value of autobiographies for a genderologist: comparing the theoretical results of Russian and foreign autobiographical research], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, seriia Istoriia Rossii*, vol. 18, no. 2, pp. 214—245.

- Rychkova, N. N. (2019) Repertuar sel'skoї devushki iuga Krasnoiarskogo kraia v 1926 godu [The repertoire of a rural girl in the south of the Krasnoyarsk territory in 1926], *Traditsionnaia kul'tura*, vol. 20, no. 1, pp. 159—176.
- Turunov, A. N., Krasnozhenova, M. V. (1937) *V. I. Surikov*, Irkutsk, Moscow: Vostsiboblgiz.
- Vasekha, M. V. (2016) *Russkaia krest'ianka v sem'e i obshchestvennoї zhizni 1920-kh gg.: (Po materialam iuga Zapadnoї Sibiri)*: Dis. ... kand. ist. nauk [The Russian peasant woman in the family and social life of the 1920s: (Based on materials from the South of Western Siberia): Diss. (Cand. Sc.)], Institut ètnologii i antropologii imeni N. N. Miklukho-Maklaia Rossijskoї akademii nauk, Moscow.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 18.08.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Васеха Мария Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, maria.vasekha@gmail.com (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: winrs@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3
--------------------------	---

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Крыштановская О. В., Большунова А. К. Новые технологии и гендерная асимметрия	5
Михайлова О. В., Петропольский Д. И. Женщины и мужчины в борьбе за политическое лидерство в современных западных демократиях: факторный анализ	23

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Швецова А. В. Цифровая самопрезентация женщины-ученого: личный бренд и академическая репутация	38
Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Здоровье как фактор работы женщин и мужчин пенсионного возраста и проблема его поддержания	54
Хоткина З. А. К вопросу о взаимосвязи науки и женского движения	71
Синельников А. Б. Влияние демографической политики на брачность и рождаемость в разных поколениях российских мужчин и женщин (По данным переписей)	83
Безвербный В. А., Ситковский А. М., Ростовская Т. К., Чернышев К. А., Миразов Т. Р. Цифровая демографическая обсерватория: новые подходы к мониторингу миграционных потоков	102
Рябов О. В., Рябова Т. Б. «Баба с отбойным молотком»: женский труд в СССР в дискурсе американского антикоммунизма периода холодной войны	115
Казун А. Д., Казун А. П. Структурное неравенство, эмоциональное благополучие или личные предпочтения: почему женщины смотрят новости реже, чем мужчины?	127
Звонарева А. Е., Панкратова Е. В. Образ женщины-ученого в представлении современного российского студенчества (На примере студентов Ивановского государственного университета)	142

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пушкарева Н. Л. Женщины-ученые в советском «оттепельном» кино 1950—1960-х гг.	157
Васеха М. В. Мария Васильевна Красножёнова (1871—1942): пионерка сибирской фольклористики и этнографии	168
<i>Информация для авторов</i>	182

CONTENTS

<i>To readers</i>	3
-------------------------	---

POLITICAL SCIENCES

Kryshtanovskaya O. V., Bolshunova A. K. New technologies and gender asymmetry	5
Mikhaylova O. V., Petropolsky D. I. Women and men in the struggle for political leadership in contemporary Western democracies: factor analyses	23

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Shvetsova A. V. Digital self-presentation of women scientists: personal brand and academic reputation	38
Grigorieva N. S., Chubarova T. V. Health status as a factor to continue working for women and men of retirement age and the problem of its protection	54
Khotkina Z. A. On the relationship between science and the women's movement	71
Sinelnikov A. B. The impact of demographic policy on marriage and fertility rates in different generations of Russian men and women (Based on census data)	83
Bezverbny V. A., Sitkovsky A. M., Rostovskaya T. K., Chernyshev K. A., Miryazov T. R. Digital demographic observatory: new approaches to monitoring migration flows	102
Riabov O. V., Riabova T. B. "Baba with a jackhammer": women's labor in the USSR in the discourse of American anti-communism during the Cold War	115
Kazun A. D., Kazun A. P. Structural inequality, emotional well-being, or personal preferences: why do women watch news less frequently than men?	127
Zvonareva A. Ye., Pankratova Ye. V. The image of women scientists in the perception of modern Russian students (On the example of students of Ivanovo State University)	142

HISTORICAL SCIENCES

Pushkareva N. L. Women scientists in Soviet cinema during the "Thaw" period in the 1950—1960s	157
Vasekha M. V. Maria Vasilievna Krasnozhenova (1871—1942): pioneer of Siberian folkloristics and ethnography	168
<i>Information for the authors</i>	182

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2025

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата размещения на сайте 10.12.2025.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 13,4. 3,63 МБ

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
в РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ